

Коми республиканская академия
государственной службы и управления
(ГОУ ВО КРАГСИУ)

СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ
КАПИТАЛИЗАЦИИ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ
(ХОЗЯЙСТВЕННЫХ) РЕСУРСОВ
И НОВОЕ КАЧЕСТВО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Монография

Сыктывкар ♦ ГОУ ВО КРАГСИУ ♦ 2017

УДК 338.24(035.3)
ББК 65.012.2
С56

*Печатается по решению
Совета по науке ГОУ ВО КРАГСиУ
(№ 7 от 29.03.2017)*

Рецензенты:

д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой инновационного менеджмента
Белорусского государственного университета *В.Ф. Байнев;*
д-р экон. наук, профессор, зав. отделом макроэкономической
и финансовой политики Института экономики НАН Беларуси *А.И. Лученок;*
д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой менеджмента
таможенного и страхового сервиса Санкт-Петербургского
государственного университета *Г.Д. Дроздов.*

Авторский коллектив:

Гл. I–VI – С.Ю. Солодовников, В.Л. Гурский, Т.В. Кузьмицкая,
Ю.В. Мелешко, Д.П. Рыбка, Т.В. Сергиевич,
Т.В. Солодовникова, О.А. Хотько, А.М. Чарина, А.Н. Тур.
Гл. VII – Л.И. Ильина, Н.В. Ружанская.

С56   Современные формы капитализации экономических (хозяй-
ственных) ресурсов и новое качество экономического роста:
монография / колл. авторов. – Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ,
2017. – 226 с.

ISBN 978-5-93206-361-3

В монографии рассмотрена феноменологическая природа нового качества экономического роста. Исследованы важнейшие факторы экономического роста и формы их капитализации в современном глобализирующемся мире. Раскрыты особенности перехода к новому качеству экономического роста в странах ЕАЭС.

Издание рассчитано на учёных, преподавателей вузов, аспирантов, студентов. Кроме того, оно окажется полезным для самой широкой читательской аудитории.

УДК 338.24(035.3)
ББК 65.012.2

ISBN 978-5-93206-361-3

© Коллектив авторов, 2017
© ГОУ ВО КРАГСиУ, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава I. Взаимообусловленность цивилизации, культуры, экономической системы общества и институциональных матриц	7
Глава II. Подмена оснований в экономическом дискурсе	34
Глава III. Феноменологическая природа промышленной политики	66
Глава IV. Взаимообусловленность модернизации трудовых отношений и нового качества экономического роста	95
Глава V. Экономическая природа трансфера технологий	110
Глава VI. Трансфер технологий в Евразийский экономический союз как фактор нового качества экономического роста	129
Глава VII. Роль потребительской кооперации в обеспечении экономического роста региона на примере Республики Коми	150
Заключение	205
Библиографический список	208
Список сокращений	225
Сведения об авторах	226

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня в мире наблюдаются радикальные социальные, экономические и технологические изменения, по своему влиянию на эволюцию человечества сопоставимые только с неолитической революцией и с эпохой Великих географических открытий, происходивших на фоне промышленной революции в Европе и приведших к созданию огромных колониальных империй. Глобальная социально-технологическая революция, свидетелями и участниками которой мы все являемся, по своему значению и последствиям затмевает те лежащие на поверхности проблемы и вызовы, с которыми столкнулось сегодня человечество, страны и народы.

Действительно, в современном мире отсутствует геополитическое равновесие, что обуславливается и усложняется усилением борьбы за все виды ресурсов. Всё это привело к формированию концепции устойчивого развития, а также аргументации необходимости по-новому взглянуть на цели и критерии общественного прогресса. За последние десятилетия экономически развитые страны осуществили переход к постиндустриальному обществу, которое характеризуется изменением структуры экономики при быстром росте сферы услуг, трансформацией структуры занятости, связанной с интеллектуализацией труда.

Но не это характеризует современную глобальную социально-технологическую революцию, а то, что впервые в человеческой истории созданы действительно всеохватывающие сети (на базе Интернета) социального контроля и моделирования поведения больших масс людей. Впервые общественно-функциональные технологии становятся главным оружием в межгосударственной борьбе и межфирменной конкуренции, а также позволяют значительно влиять на формы протекания социально-экономических конфликтов. Эти технологии, или, иначе говоря, информационное оружие как общественно-функциональная инновация, представляют собой такой вид информационного оружия, который подвергает воздействию определённые группы социальных субъектов с целью навязывания им нужного манипулятору социально-экономического поведения.

Постиндустриальное общество является качественно новым состоянием в развитии человеческого общества, поэтому при исследовании его социально-экономической составляющей возникают допол-

нительные сложности (по сравнению с индустриальной и доиндустриальной стадиями), обусловленные, во-первых, коротким историческим периодом его существования и, во-вторых, высокой степенью идеологической заданности (в том числе апологетики «протестантского фундаментализма») в работах зарубежных исследователей, описывающих страны золотого миллиарда.

В современной экономической теории зачастую наблюдается парадоксальная ситуация, когда исследователи обосновывают и прогнозируют прямо противоположные траектории развития и социально-экономических изменений, т.е. когда представители различных экономических специальностей и школ на основании проводимого ими мониторинга национальных экономик зачастую получают прямо противоположные выводы. Преодолеть это возможно только, во-первых, путём усиления методологической (политэкономической) составляющей в исследованиях всех экономических специальностей и, во-вторых, посредством возвращения в экономическую теорию живого человека – со сложной системой мотиваций и социально-экономических интересов. В таком случае объектные и субъектные экономические отношения и структуры будут рассматриваться как взаимодополняющие.

Предлагаемая работа должна способствовать дальнейшему прогрессу экономической теории и методологии. При этом предполагается, что дальнейший прогресс политэкономии (и, как результат, действительное возвращение ей роли методологической базы частных экономических дисциплин) возможен только при возвращении ей традиционного предмета изучения – отношения между социально-экономическими субъектами – и широком привлечении к политэкономическим исследованиям достижений «сопредельных» наук: социальной философии, теории познания, универсальной истории, психологии, социологии и некоторых других.

С учётом этого авторы подошли к написанию монографии, посвящённой актуальной теме экономического роста и обуславливающих его факторов. При этом новое качество экономического роста рассматривается нами как закономерный процесс преобразований экономической системы. Под последней в работе понимается единый, устойчивый, организационно оформленный, относительно самостоятельный, материально-общественный комплекс, в пределах которого осуществляются внутренне взаимосвязанное производство,

присвоение и социально значимое потребление материальных средств и благ для обеспечения физической жизни общества, а также для создания материальной базы, необходимой во всех остальных сферах общественной жизни. Авторы монографии исходят из того, что основу функционирования экономической системы составляют трудовые отношения, основанные на общественном разделении труда.

Когда процесс развития экономической системы характеризуется новыми свойствами, чертами и формами на основе планомерного накопления определённого количественного задела, измеряемого как в экономических, так и социальных составляющих, и сопровождается изменением доли различных факторов производства во вновь созданной стоимости и конкурентоспособности продуктов и услуг, можно говорить о новом качестве экономического роста, важнейшей составляющей которого выступает снижение транзакционных издержек.

В монографии проанализированы основные факторы, обуславливающие экономический рост, и формы их капитализации. Особый интерес представляет взаимодействие национальных экономик стран-членов ЕАЭС в контексте их перехода к новому качеству экономического роста. Современная усложняющаяся система международных отношений и структура мировой торговли определяют актуальность развития интеграционных объединений, направленных на получение дополнительных конкурентных преимуществ национальных экономик, входящих в них стран. Перед экономиками государств-членов ЕАЭС стоит задача не только ускоренного экономического развития, но и сохранения при этом социальных и экологических приоритетов их политики.

Глава I

ВЗАИМОУСЛОВЛЕННОСТЬ ЦИВИЛИЗАЦИИ, КУЛЬТУРЫ, ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВА И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ МАТРИЦ

Взаимоусловленность таких феноменов, как цивилизация, культура, экономическая система и институциональные матрицы, даже на первый взгляд очевидна и в современной науке не подвергается сомнению. Вместе с тем при более детальном рассмотрении этих социальных явлений, при попытках раскрыть их системную роль, механизмы взаимодействия и закономерности совместного функционирования отсутствует единство не только среди представителей различных общественных наук (что можно было бы списать на различия в предметах этих дисциплин), но и среди политэкономов и экономистов различных школ и направлений, вплоть до требований вообще отказаться от исследования институциональных (социальных) факторов в рамках экономической теории (предлагается ограничиваться изучением лишь материально-вещественных и финансовых факторов). Поэтому для того, чтобы выяснить социально-экономическую сущность институциональных матриц, необходимо раскрыть основные принципы категориальной субординации и реального взаимодействия цивилизации, культуры, экономической системы общества и названных матриц. При этом, учитывая то, что всесторонне охватить любой из названных феноменов в рамках одной работы невозможно, авторы оставляют за собой право ограничивать глубину исследования своим видением его теоретико-методологических целей, логикой исследования и самого изложения.

Не претендуя ни на универсальность нижеприводимых дефиниций, ни на полный охват литературных источников, имеющих отношение к заявленной теме (что вряд ли возможно физически), авторы тем не менее надеются на то, что предлагаемый ими подход будет способствовать выработке единой методологической базы (опирающейся на научные достижения XX–XXI вв.), позволяющей системно исследовать в политической экономии такие явления, как культура и цивилизация.

Термин «цивилизация» начал использоваться в произведениях западно-европейских философов (Тюрго, 1752 г.; Мирабо, 1757 г.;

Фергюсон, 1759 г.)¹ со второй половины XVIII в. и первоначально обозначал «культурное состояние общества, противопоставляемое варварству»². Сегодня в литературе встречается не менее пяти основных значений категории «цивилизация»:

- во-первых, когда понятия «цивилизация» и «культура» отождествляются. Так, первый том французского коллективного труда «Французская предистория», который посвящён первобытному обществу, называется «Палеолитические и мезолитические цивилизации Франции». Аналогично использует понятие «цивилизация» М. Габори в работе «Цивилизации среднего палеолита между Альпами и Уралом»³ и др. При таком подходе происходит отождествление «цивилизаций» с первобытными археологическими культурами, что лишает термин «цивилизация» какой-либо самостоятельности⁴. Одна из причин такого отождествления заключается в том, что «в отличие от немецкого и русского языков во французском – понятия “цивилизация” и “культура” жёстко не разведены»⁵;

- во-вторых, когда понятием «цивилизация» вслед за Л.Г. Морганом⁶ определяют наивысшую стадию развития общества, следующую за первобытными стадиями дикости и варварства. Гносеологическим недостатком этого подхода, исторически правомерного, является то, что он не позволяет раскрыть причины, «по которым высшая стадия общественного развития реализовалась именно в феномене городской культуры»⁷, с которой термин «цивилизация» связан

---

¹ *Клягин Н.В.* Происхождение цивилизации (социально-философский аспект). – М.: Институт философии РАН, 1996. – С.85; *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. – М., 1974. – С.386–398; *Афанасьев Ю.Н.* Понятие «цивилизация» во французской историографии // *Цивилизация и исторический процесс.* – М., 1983. – С.3.

² *Афанасьев Ю.Н.* Указ. соч. – С.3.

³ *Gabori M.* La civilisations du Paleolithique moyen entre les Alpes et l'Oural: Esquisse historique. – Budapest, 1976.

⁴ *Афанасьев Ю.Н.* Указ. соч. – С.4.

⁵ Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / гл. науч. ред. и сост. С.Ю. Солодовников. – Минск: МФЦП, 2002. – С.919.

⁶ *Морган Л.Г.* Древнее общество, или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. – Л., 1934. – С.9–39.

⁷ *Афанасьев Ю.Н.* Указ. соч. – С.4.

этимологически: лат. *civis* – «гражданин», *civitas* (синоним *urbs*)⁸ – «город» и т.д.;

- в-третьих, когда понятием «цивилизация» обозначают «одно из разнокачественных состояний общества в его изменении в реальном историческом времени»⁹. Названный подход представляется нам излишне широким, не позволяющим чётко раскрыть специфику категории «цивилизация»;

- в-четвёртых, когда термином «цивилизация» обозначают «совокупность организационных средств (программ деятельности), посредством которых люди стремятся достичь тех общественных целей, которые заданы существующими универсалиями культуры и фундаментальными символами последней. В риториках и полемиках публицистическо-пропагандистского уровня слово “цивилизация” обычно исполняет роль позитивного компонента конфликтной диады “Свои” – “Чужие” (“Мы” – “Они”))»¹⁰. При названном подходе введение категории «цивилизация», с научной точки зрения излишне, поскольку она вполне может быть заменена иными, более корректными (применительно к названной смысловой нагрузке) терминами;

- в-пятых, когда цивилизация определяется как предметная форма структуры общества разделённого труда, материализованная из социально-интегративных интересов в форме города¹¹. Авторы согласны с Н.В. Клягиным в том, что «социально-интегративный заряд материальной цивилизации городского типа оказал радикальное воздействие и на духовную сферу, что позволяет дать целостный анализ различных сторон жизни цивилизованного общества. При указанном понимании термина «цивилизация» удастся показать исторически закономерный ход возникновения цивилизованного общества как очередного этапа социальной интеграции»¹². То, что при таком подходе «зарождение начал урбанистической культуры и, следова-

---

⁸ *Тронский И.М.* Очерки из истории латинского языка. – М.; Л., 1953. – С.259.

⁹ Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / гл. науч. ред. и сост. С.Ю. Солодовников. – Минск: МФЦП, 2002. – С.919.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Клягин Н.В.* Происхождение цивилизации (социально-философский аспект). – М.: Институт философии РАН, 1996. – С.4–5.

¹² Там же. – С.5.

тельно, генезис цивилизации, – в понимании Н.В. Клягина, – коррелирует с неолитической технологической революцией. Поэтому история развития технологии приобретает первостепенное значение для понимания происхождения цивилизации»¹³, позволяет нам считать его сегодня наиболее приемлемым для политэкономического исследования проблем возникновения и последующего развития общественного разделения труда. Позитивным является и то, что такой подход позволяет обосновывать «предположительную причинно-следственную зависимость между демографическим состоянием общества и степенью сложности практикуемой им технологии, что позволяет объяснить корреляцию основных демографических и технологических революций в человеческой истории»¹⁴. При этом под технологией Н.В. Клягин понимает «набор стереотипных приёмов производства, воспроизведение которого гарантирует получение стандартного конечного продукта»¹⁵.

Очевидно, что понятия «цивилизация» и «культура» неразрывно связаны. Под культурой, вслед за В.С. Степиным, нами будет в дальнейшем пониматься «система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой деятельности, поведения и общения, выступающих условием воспроизводства и изменения социальной жизни во всех её основных проявлениях. Программы деятельности, поведения и общения, составляющие корпус культуры, представлены разнообразием различных форм: знаний, навыков, норм и идеалов, образцов деятельности и поведения, идей и гипотез, верований, социальных целей и ценностных ориентаций и т.д. В своей совокупности и динамике они образуют исторически накапливаемый социальный опыт. Культура хранит, транслирует (передаёт от поколения к поколению) и генерирует программы деятельности, поведения и общения людей. В жизни общества они играют примерно ту же роль, что и наследственная информация (ДНК, РНК) в клетке или сложном организме; они обеспечивают воспроизводство многообразия форм социальной жизни, видов деятельности, характерных для определённого типа общества, присущей ему природной среды., его социальных связей и типов личности – всего, что составляет

---

¹³ Клягин Н.В. Происхождение цивилизации (социально-философский аспект). – М.: Институт философии РАН, 1996. – С.5.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. – С.5–6.

реальную ткань социальной жизни на определённом этапе её исторического развития»¹⁶. Оставаясь в рамках приведённого определения и практически конкретизируя его, Н.В. Клягин предлагает понимать под «культурой общественный способ удовлетворения естественных потребностей, обычно многократно опосредованных»¹⁷.

Такое понимание культуры позволяет связать её напрямую с экономической системой общества. Исходя из задач нашего исследования, правомерно рассматривать цивилизацию как предметную форму структуры общества разделённого труда, материализованную в форме города, как очередной этап социальной интеграции, возникновение которой коррелируется с началом урбанистической культуры и с неолитической технологической революцией, поэтому история развития технологии и разделения труда приобретает первостепенное значение для понимания происхождения цивилизации. Культура представляет собой систему исторически развивающихся надбиологических программ человеческой деятельности, выступающих условием воспроизводства и изменения социальной жизни во всех её основных проявлениях и представляющих собой общественный способ удовлетворения естественных потребностей, обычно многократно опосредованных. Экономическая система общества – это культурный феномен, представляющий собой единый, устойчивый, организационно оформленный, относительно самостоятельный, материально-общественный комплекс, в пределах которого осуществляются внутренне взаимосвязанное производство, присвоение и социально значимое потребление материальных средств и благ для обеспечения физической жизни общества, а также для создания материальной базы, необходимой во всех остальных сферах общественной жизни. Основу функционирования экономической системы составляют трудовые отношения, основанные на общественном разделении труда.

Соответственно, одновременно с возникновением цивилизации, культуры, экономической системы общества и политики воз-

---

¹⁶ *Степин В.С.* Культура // Всемирная энциклопедия: философия / гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – Минск: Харвест, Современный литератор, 2001. – С.524.

¹⁷ *Клягин Н.В.* Происхождение цивилизации (социально-философский аспект). – М.: Институт философии РАН, 1996. – С.6.

никают и развиваются в тесной взаимосвязи с ними и институциональные матрицы.

При исследовании институциональных матриц гносеологически перспективным представляется методологический подход, опирающийся на 3 исходных теоретических постулата. «Во-первых, она (гипотеза об институциональных матрицах. – *Примеч. авт.*) разрабатывается в рамках объективистской парадигмы, рассматривающей общество как объективную реальность, существующую вне и независимо от воли и желания конкретных субъектов и развивающуюся по собственным законам. Во-вторых, используется понятие базового института, представляющего собой глубинные, исторически устойчивые формы социальных связей, обеспечивающих интегрированность общества как единого целого. В-третьих, признаётся тезис триединства общества, при котором оно является одновременно и целостным, содержащим в себе основные подсистемы – экономику, политику, идеологию»¹⁸. Такой подход, допустимый при социологическом исследовании, недостаточен в рамках современной политэкономии.

Следует особо подчеркнуть, что разграничение и обособление объективистской и субъективистской социальных парадигм обусловлено как объективными, так и субъективными причинами. «С одной стороны, такое разделение позиций отражает реальное устройство общества, в котором представлены как системные, образующие его устойчивые структуры, так и деятельность социальных субъектов, взаимодействующих между собой в рамках таких структур. С другой стороны, проявление двух названных позиций базируется на особенностях познающих общество субъектов, т.е. учёных, склонных больше либо к восприятию неизменной, структурной, либо постоянно меняющейся, деятельностной стороны человеческой истории»¹⁹. Эти особенности научного мышления были раскрыты в трудах А. Маслоу, который отмечал преобладание у учёных склонности либо к аналитическому, либо к синтетическому способу построения концепций²⁰. «В соответствии с этим А. Маслоу выделял и два на-

---

¹⁸ Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001. – С.26–27.

¹⁹ Там же. – С.35.

²⁰ Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. – М.: Смысл, 1999. – С.67–72.

правления в научном труде, на одном полюсе которого преобладает изучение реального, живого, человеческого, а на другом – идеального, «бесчеловечного» (общечеловеческого. – *Примеч. авт.*), скрытого»²¹. Следует отметить, что если с точки зрения анализа социальных явлений, протекающих в относительно обособленных социальных системах (исследуемых прежде всего в рамках микросоциологии), такое противопоставление правомерно, то при политэкономическом анализе оно неизбежно будет приводить в научных трудах либо к фактическому игнорированию наличия в обществе людей (субъектов) – при последовательно объективистском подходе, либо к отказу от рассмотрения объективных связей и отношений, идеализации и индивидуализации общественных структур.

По нашему мнению, для создания целостной социальной парадигмы, описывающей закономерности развития экономической системы общества (исходя из методологических требований, предъявляемых современной политической экономией), необходимо по-новому сформулировать гипотезу об институциональных матрицах. Во-первых, эта гипотеза разрабатывается в рамках объективистской парадигмы, рассматривающей общество как объективную реальность, существующую вне и независимо от воли и желания конкретных субъектов и развивающуюся по собственным законам. Во-вторых, при этом используется субъектный (но не субъективный) подход, рассматривающий все социально-экономические отношения в обществе через их персонификацию, т.е. в неразрывной связи с социально-экономическими субъектами разной степени интегрированности. В-третьих, используется понятие базового института, представляющего собой глубинные, исторически устойчивые формы социальных и социально-экономических связей, обеспечивающих интегрированность общества как единого целого. В-четвёртых, признаётся тезис триединства общества, при котором оно является одновременно и целостным, содержащим в себе основные подсистемы – экономику, политику, идеологию. В-пятых, признаётся тезис единства общественно-экономической формации, которая «представляет собой пространственно и социально отграниченную целостную материально-общественную систему, функциональное назначение

---

²¹ *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001. – С.35.

которой состоит в обеспечении совместной жизни людей в единстве всех её сторон»²², и включает в себя сферы: материальное производство, производство человека, социальное производство и духовное производство.

Следует отметить, что в настоящее время в обществоведении и, в частности, в социологии, «несмотря на попытки построения социологами интегративного подхода, объединяющего объективистскую и субъективистскую парадигмы, каждая из них существует и развивается относительно самостоятельно, опираясь на свойственную ей методологическую позицию принципиальной устойчивости или изменчивости общества, а также соответствующую систему понятий, – справедливо отмечает С.Г. Кирдина. – Постепенно преодолеваемое противостояние между социологами, работающими в рамках объективистской и субъективистской парадигм, не снимает тем не менее противоречивости их выводов, получаемых при изучении одних и тех же социальных ситуаций... Поэтому зачастую исследователи обосновывают и прогнозируют прямо противоположные траектории развития и социальных изменений»²³. Похожая ситуация наблюдается и в современной экономической теории, когда представители различных экономических специальностей и школ на основании проводимого ими мониторинга национальных экономик зачастую получают прямо противоположные выводы. Преодолеть это возможно только, во-первых, путём усиления методологической (политэкономической) составляющей в исследованиях всех экономических специальностей и, во-вторых, посредством возвращения в экономическую теорию живого человека – со сложной системой мотиваций и социально-экономических интересов. В таком случае объектные и субъектные экономические отношения и структуры будут рассматриваться как взаимодополняющие.

Начиная со второй половины 90-х гг. прошлого века в российском обществоведении началось осознание необходимости методологического прорыва в исследовании социальных явлений, связанного прежде всего с преодолением относительной ограниченности объективистской и субъективистской социальных парадигм.

---

²² Герасимов Н.В. Экономическая система: генезис, структура, развитие. – Минск: Навука і тэхніка, 1991. – С.6.

²³ Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001. – С.37–38.

Так, С.Г. Кирдина ставит эти вопросы следующим образом: «Возможно ли методологически корректное разрешение этой дилеммы (ограниченности объективистской и субъективистской социальных парадигм. – *Примеч. авт.*)? Существуют ли связи причинного характера между институциональной и социально-групповыми структурами общества? Каковы пределы их влияния друг на друга? В каком соотношении находятся институциональная система и социально-групповая структура общества? И если допускается наличие связей причинного характера между ними, почему до сих пор не удаётся эти связи чётко, на строгом понятийном уровне обозначить и проанализировать?»²⁴ В рамках белорусской экономической теории С.Ю. Солодовников касался проблем, непосредственно соприкасающихся с заявленной С.Г. Кирдиной проблематикой, в частности, при формулировании авторской концепции трансформации социально-классовой структуры общества Республики Беларусь и теоретико-методологического обоснования государственной экономической политики по её реализации²⁵. Сегодня многие из имеющихся у нас методологических наработок (в частности, разработанный понятийный аппарат) могут быть эффективно применены при раскрытии методологических проблем персонификации институциональных матриц.

При дальнейшем рассмотрении институциональных матриц, исходя из специфики предмета политической экономии («политическая экономия – наука, изучающая отношения между социальными субъектами, включёнными в единый, относительно устойчивый, организационно оформленный материально-общественный комплекс, в пределах которого осуществляется внутренне взаимосвязанное

---

²⁴ Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001. – С.37–38.

²⁵ Солодовников С.Ю. Экономическая обусловленность эволюции социально-классовой структуры общества переходного периода. – Минск: БГЭУ, 1999; Солодовников С.Ю. Трансформация социально-классовой структуры белорусского общества: методология, теория, практика. – Минск: Право и экономика, 2003; Солодовников С.Ю. Социальный потенциал Республики Беларусь: теория, методология, практика. – Минск: Беларус. навука, 2009; Солодовников С.Ю. и др. Современная социоэкологическая динамика Республики Беларусь в контексте экономической безопасности. – Минск: Беларус. навука, 2009; Никитенко П.Г., Солодовников С.Ю. Социодинамика Беларуси, России и Украины: политико-экономический аспект. – Минск: Беларус. навука, 2010.

производство, присвоение и социально значимое потребление материальных средств и благ для обеспечения физической жизни общества, а также для создания материальной базы всех сфер общественной жизни. Политическая экономия исследует законы, управляющие развитием экономической системы, а также рассматривает названные системы в различные исторические периоды и эпохи»²⁶), основное внимание следует сконцентрировать на изучении устойчивых, существующих как рамки для социально-экономического поведения, глубинных институциональных структур, становление которых обусловлено материальными условиями возникновения и развития общества. При этом большое внимание необходимо также уделять персонализации институциональной матрицы, т.е. социально-экономическим и социальным субъектам. Это означает, что выработанная методология позволит учёным-экономистам ответить на вопросы о том, могут ли социально-экономические субъекты воздействовать (и как воздействуют) на институциональную структуру, как, в свою очередь, институциональная структура формирует экономическую систему и социально-классовую структуру общества.

В данной работе авторы считают целесообразным использовать подход, сформулированный С.Г. Кирдиной для тех случаев, когда в научном исследовании институциональные структуры «обладают приоритетом – онтологическим и методологическим – перед авторами. Исследование в этом случае направлено на изучение институциональной структуры, сложившейся исторически и определяющей социальные отношения и взаимодействия социальных групп как внешний по отношению к ним фактор. В отличие от теорий старого и нового позитивизма, теория институциональных матриц продолжает тем самым традиции материалистической диалектики в познании общества, точнее, исторического материализма, одной из центральных идей которого являлось изучение необходимых общественных отношений, складывающихся вне зависимости от воли и желания людей»²⁷. При этом институты понимаются «в их глубинном

---

²⁶ Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / гл. науч. ред. и сост. С.Ю. Солодовников. – Минск: МФЦП, 2002. – С.634.

²⁷ *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001. – С.39–40.

смысле, как системы определённых и неизбежных связей между членами общества, обусловленные внешними условиями выживания социума. Тем самым институты образуют своеобразный скелет общества, обеспечивающий его историческую устойчивость и воспроизводство как социальной целостности»²⁸. Вместе с тем следует подчеркнуть, что в данном контексте изучение институциональных матриц при помощи исследования «необходимых общественных отношений, складывающихся вне зависимости от воли и желания людей», не означает, что надо принимать во внимание человеческие мотивы, потребности и интересы. Однако названный тезис подчёркивает объективный (а не субъективный) характер субъектного социально-экономического поведения, что, как мы указывали ранее, позволяет говорить об обусловленности субъектного поведения объективными и субъективными факторами. В вышеприведённой цитате С.Г. Кирдиной, таким образом, была допущена небольшая методологическая неточность, обусловленная тем, что в её работах отсутствует чёткое разграничение понятий «субъективное» и «субъектное». В рамках политэкономического исследования персонификации институциональных матриц на 1-е место выступают существенные, неслучайные, регулярно повторяющиеся (т.е. носящие прежде всего объективный характер) межсубъектные отношения, адекватно описываемые категорией «социально-классовая структура общества». Несущественные, случайные, эпизодические межсубъектные (т.е. синергетические) отношения в экономической теории учитываются лишь в той степени, в какой они могут повлиять на динамику социально-классовой структуры. Для описания этого процесса правомерно использовать категорию «социально-классовая организация общества»²⁹.

Многими русскоязычными авторами справедливо выделяются 2 крупные тенденции в рассмотрении институтов. Первая тенденция заключается в том, что институты становятся объектом всё большего числа общественных наук. Вместе с тем «до середины XIX в.

---

²⁸ Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001. – С.40.

²⁹ Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / гл. науч. ред. и сост. С.Ю. Солодовников. – Минск: МФЦП, 2002. – С.778.

институты изучались в основном правоведами и понимались как глубоко юридические установления. На рубеже XIX–XX вв. институты были включены в предмет возникшей в западноевропейских странах социологии»³⁰. Э. Дюркгейм, например, рассматривал институты как определённые способы действий и суждений, существующие в обществе вне и независимо от отдельно взятого индивидуума³¹. В 20-х гг. прошлого века социальные институты попали в поле зрения учёных-экономистов, что нашло своё выражение в формировании институционального направления в политэкономии (Т. Веблен, Дж. Коммонс, Дж. М. Кларк, У. Митчел, У. Гамильтон и др.), когда институты стали рассматриваться как образцы и нормы поведения³², привычки мышления³³, оказывающие влияние на выбор стратегий экономического поведения, наряду с мотивацией рационального экономического выбора. Неоинституциональное направление, активно заявившее о себе в четвёртой четверти XX в., придало категории «экономический (социально-экономический) институт» более широкий смысл, предложив рассматривать институты как важнейшие факторы субъектных экономических взаимодействий. Так, согласно хрестоматийному определению Д. Норта институты – это «правила игры» в обществе, которые организуют взаимоотношения между людьми и структурируют стимулы обмена во всех его сферах – политике, социальной сфере или экономике³⁴. Современная западная социология придерживается аналогичных подходов, рассматривая институт как «устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирующих различные сферы человеческой деятельности»³⁵. При этом их отличие от институциональной экономики заключается в акцентировании внимания

---

³⁰ Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001. – С.41.

³¹ Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение. – М.: Канон, 1995. – С.20.

³² Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. – М.: Прогресс, 1968. – С.89–154.

³³ Веблен Т. Теория праздного класса. – М.: Прогресс, 1984. – С.104.

³⁴ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Начала, 1997. – С.16.

³⁵ Современная западная социология: словарь. – М.: Политиздат, 1990. – С.117.

на значении института для организации системы ролей и статусов, образующих социальную систему³⁶. Сегодня институциональные исследования развиваются также в экономической истории, культурологии, антропологии и т.д.

Вторая тенденция в изучении институтов, тесно связанная с первой, – это дальнейшая разработка и углубление понятия «институт», что обусловлено расширением междисциплинарных подходов в институциональных исследованиях. «В изучении институтов всё более очевидным становится, – отмечает С.Г. Кирдина, – движение вглубь, от тех феноменов, которые лежат на поверхности, к поиску лежащих за ними сущностей, к рассмотрению институтов как характеристик внутреннего устройства, предопределяющих закономерности развития общества и обеспечивающих его целостность»³⁷. Эта тенденция отражает общие закономерности современных обществоведческих исследований и заключается в усилении (и признании этого наиболее крупными учёными) эвристического значения междисциплинарных подходов и исследований. По сути дела сегодня ни одно экономическое исследование, претендующее на постижение закономерностей развития экономической системы общества, международных социально-экономических отношений, национальных экономических моделей и т.д., не может претендовать на истинность, если наряду с макроэкономическими исследованиями (и иными чисто «экономическими» подходами) не использует последние достижения социальной истории, философии, социологии, политологии и т.д.

В последние 20 лет социально-экономические и экономические институты начинают активно исследоваться российскими, украинскими и белорусскими экономистами. Первоначально категория института заимствуется ими напрямую из новой институциональной экономической теории и выступает одним из методологических средств изучения рыночных преобразований. Однако достаточно быстро возникает необходимость осмысления и уточнения институционального подхода применительно к анализу отечественных проблем. Успешным примером этому могут служить, в частности,

---

³⁶ Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001. – С.42.

³⁷ Там же.

работы В.Л. Тамбовцева³⁸. В данной монографии, на наш взгляд, нет необходимости подробно останавливаться на истории этого уточнения, хотя она, безусловно, являет собой иллюстрацию гносеологически интересных попыток (иногда достаточно успешных) последовательного теоретического осмысления целым рядом наук одного социального феномена, потребовавшего от добросовестных исследователей применения междисциплинарных подходов, что способствовало существенному прогрессу обществоведческой методологии.

В качестве общего определения социального института нами будет использоваться удачная дефиниция, изложенная в книге «Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия»³⁹, где под названным институтом понимается «относительно устойчивая форма организации социальной жизни, обеспечивающая устойчивость связей и отношений в рамках общества. Социальный институт следует отличать от конкретных организаций и социальных групп... Основные функции, которые выполняет социальный институт: 1) создаёт возможность членам этого института удовлетворять свои потребности и интересы; 2) регулирует действия членов общества в рамках социальных отношений; 3) обеспечивает устойчивость общественной жизни; 4) обеспечивает интеграцию стремлений, действий и интересов индивидов; 5) осуществляет социальный контроль. Деятельность социального института определяется: 1) набором специфических социальных норм, регулирующих соответствующие типы поведения; 2) интеграцией его в социально-политическую, идеологическую, ценностную структуры общества, что позволяет узаконить формально-правовую основу деятельности; 3) наличием материальных средств и условий, обеспечивающих успешное выполнение нормативных предложений и осуществление социального контроля. Социальные институты могут быть охарактеризованы не только с точки зрения их формальной структуры, но и содержательно, с позиции анализа их деятельности. Соци-

---

³⁸ Тамбовцев В.Л. Экономическая политика для российской экономики // Общество и экономика. – 1996. – № 5. – С.3–11; Тамбовцев В.Л. Институциональные изменения в российской экономике // Общественные науки и современность. – 1999. – № 4. – С.44–53.

³⁹ Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / гл. науч. ред. и сост. С.Ю. Солодовников. – Минск: МФЦП, 2002.

альный институт – это не только совокупность лиц, учреждений, снабжённых определёнными материальными средствами, системой санкций и осуществляющих конкретную общественную функцию»⁴⁰. При этом установлено, что успешное функционирование социальных институтов связано с наличием в их рамках целостной системы стандартов поведения конкретных индивидов в типичных ситуациях. Эти стандарты поведения закрепляются в обычаях, традициях, правовых нормах и т.д. «В ходе практики возникают определённые виды социальной активности, причём правовые и социальные нормы, регулирующие эту деятельность, концентрируются в определённую легитимированную и санкционированную систему, обеспечивающую в дальнейшем этот вид социальной деятельности. Такой системой и служит социальный институт. В зависимости от сферы действия и их функций институты подразделяются на а) реляционные – определяющие ролевую структуру общества в системе отношений; б) регулятивные – определяющие допустимые рамки независимых по отношению к нормам общества действий во имя личных целей и санкции, карающие за выход за эти рамки (сюда относятся все механизмы социального контроля); в) культурные – связанные с идеологией, религией, искусством и т.д.; г) интегративные – связанные с социальными ролями, ответственными за обеспечение интересов социальной общности как целого»⁴¹. При этом развитие социальной системы может быть сведено к эволюции социальных институтов и субъектов, персонифицирующих их. Исходя из такого подхода, на наш взгляд, следует согласиться с замечанием С.Г. Кирдиной о том, что «с точки зрения объективистской парадигмы и системного подхода, при котором исследование направлено на выявление институциональной структуры, определяющей характер и направленность взаимодействия социальных групп, <...> основная задача состоит в выявлении стабильной составляющей институтов. Поэтому теория институциональных матриц трактует институты – они названы базовыми – как *глубинные, исторически устойчивые в постоянно воспроизводящиеся социальные отношения* (выделено нами. – Примеч. авт.), обеспечивающие интегрированность разных типов обществ. Базовые ин-

---

⁴⁰ Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / гл. науч. ред. и сост. С.Ю. Солодовников. – Минск: МФЦП, 2002. – С.786.

⁴¹ Там же.

ституты представляют собой исторические инварианты, которые позволяют обществу выживать и развиваться, сохраняя свою самодостаточность и целостность в ходе исторической эволюции, независимо от воли и желания конкретных социальных субъектов»⁴².

Озвученная трактовка социальных институтов соответствует подходу, разработанному ещё Т. Вебленом, отмечавшим, что «сами институты – не только результат процесса отбора и приспособления, который формирует преобладающие <...> духовные качества и способности; они в то же время представляют собой особые формы жизни и человеческих отношений, а потому являются, в свою очередь, важнейшими факторами отбора»⁴³. Основу любого социума составляют базовые институты, которые «образуют остов, скелет общества»⁴⁴ и «задают наиболее общие характеристики социальных ситуаций, определяют направленность коллективных и индивидуальных человеческих действий»⁴⁵, т.е. регулируют основные сферы общества и представляют собой «устойчивую структуру, “стягивающую” основные подсистемы общества в целостное образование, не позволяющую обществу распасться»⁴⁶. Эти институты возникают естественно-историческим образом и обладают значительной устойчивостью, в том числе и к изменениям внешней среды. В свою очередь «институциональная матрица – это форма общественной интеграции в основных сферах жизнедеятельности социума – экономике, политике и идеологии»⁴⁷.

Для современных институциональных подходов в экономической теории характерно признание важности эндогенных факторов (в том числе и технико-технологического) для формирования институциональных структур и, соответственно, экономических систем общества. Вместе с тем, несмотря на то, что научная традиция рассмотрения материально-технической среды как важнейшего фактора, обуславливающего границы возможных трансформаций общества, восходит ещё к К. Марксу и Ф. Энгельсу, в современной эконо-

---

⁴² Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001. – С.47.

⁴³ Veblen T. Theory of the Leisure class. – N.-Y., 1899. – P.188.

⁴⁴ Кирдина С.Г. Указ. соч. – С.48.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. – С.60.

⁴⁷ Там же.

мике нет чёткого представления о механизмах этого ограничения. Здесь, на наш взгляд, следует отметить, что помимо собственно гносеологических сложностей, естественно возникающих при исследовании этого вопроса, также появляются проблемы присутствия в научном сообществе откровенно ангажированных «научных» работ, посвящённых безоговорочной апологетике западной экономической модели развития и быстрых («шоковых») путей «успешного» перехода к ней⁴⁸. Поскольку последние направлены на обслуживание (создание благоприятных условий) определённых монопольных социально-экономических интересов, а не на раскрытие сущности социально-экономических явлений, в данной главе они рассматриваться не будут.

Следует признать перспективным подход к рассмотрению влияния технико-технологической структуры общества на институциональную через использование понятий коммунальной и некоммунальной материально-технологической среды. Впервые гипотеза об определяющем, решающем влиянии коммунальной и некоммунальной материально-технологической среды на тип институциональной структуры общества была высказана в 1996 г.⁴⁹ и с тех пор была успешно развита в трудах С.Г. Кирдиной. В качестве одного из основных постулатов этой гипотезы выступает предположение о том, «что коммунальная среда формирует соответствующие экономические институты и определяет не рыночный, а раздаточный характер хозяйственной системы, в то время как некоммунальная среда обуславливает становление институтов рынка, или обмена»⁵⁰. При этом С.Г. Кирдиной подчёркивается, что «коммунальность (или некоммунальность) материальной среды является не столько внутренне ей присущим, сколько общественным свойством, т.е. проявляющимся в ходе взаимодействия общества с этой средой. Сами по себе природные условия или технологические комплексы не реализуют на-

---

⁴⁸ Подробнее см.: *Солодовников С.Ю., Черныш С.Л.* Мозговые центры Запада // Наш современник. – 2008. – № 12. – С.233–237.

⁴⁹ *Бессонова О., Кирдина С.Г., О’Салливан Р.* Рыночный эксперимент в раздаточной экономике России. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1996. – С.22–24.

⁵⁰ *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001. – С.80.

званных общественных свойств, они проявляют, выражают или приобретают их в процессе вовлечения в хозяйственный оборот и социальную жизнь... Коммунальность материально-технологической среды подразумевает её целостность, неразрывность связей между элементами, её представление как единого целого, состоящего под общим управлением. Изначально коммунальность производственной среды определяется хозяйственным ландшафтом – исторически первичным условием производства. Население начинает вовлекать его в хозяйственный оборот. Но среда сопротивляется усилиям одних, заставляя людей объединяться уже на стадии организации производственного процесса. Необходимость объединения задаётся, как правило, применяемой технологией, которая оказывается конкурентоспособной по сравнению с технологиями индивидуального производства. Так действует *закон экономии транзакционных издержек* (выделено нами. – *Примеч. авт.*), который, в конечном счёте, определяет формирование соответствующих экономических, политических и идеологических институтов»⁵¹. При этом, как справедливо отмечает названный автор, «коммунальная среда может функционировать только в форме чисто общественного блага, которое не может быть разделено на единицы потребления и продано (потреблено) по частям»⁵².

Некоммунальность материально-технологической среды «означает технологическую разобщённость, возможность обособленности важнейших элементов материальной инфраструктуры и связанную с этим возможность их самостоятельного функционирования и частного использования»⁵³, т.е. некоммунальная среда «разложима на отдельные, не связанные между собой элементы, она обладает свойством дисперсности и может существовать как совокупность разрозненных, отдельных технологических объектов. В этом случае индивидуум или семья способны самостоятельно, без кооперации с другими членами общества вовлекать части некоммунальной среды в хозяйственное использование, поддерживать их эффективность и независимо распоряжаться полученными результатами. В этом случае *главной функцией складывающихся институтов го-*

---

⁵¹ Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001. – С.80.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

сударства является обеспечение взаимодействия между обособленными хозяйствующими и социальными субъектами»⁵⁴ (выделено нами. – Примеч. авт.).

«Материально-технологическая и институциональная среда образуют, в конечном счёте, – подчёркивает С.Г. Кирдина, – единую систему и положительно воздействуют друг на друга. Коммунальная среда, не поддающаяся расчленению, со временем приводит к относительному расширению роли государства, выражающего общий, коллективный интерес. Государство создаёт соответствующую систему управления во главе с Центром и определяет общие правила пользования коммунальной инфраструктурой для всех хозяйствующих субъектов. На каждом историческом этапе формируется соответствующая времени идеология, выражающая справедливость такого общественного порядка. В свою очередь вновь создаваемые производственные объекты эволюционно воспроизводят коммунальные свойства и закрепляют на следующем историческом шаге вызванные ими институциональные особенности общественного устройства»⁵⁵. Данная модель развития способствует преимущественной реализации уравнительных (коммуноцентрических), трудовых (продукционных) и собственно социальных (системных) социально-экономических интересов и затрудняет максимизацию монопольного (частно-группового) потребления. «В странах с некоммунальной материально-технологической средой, – отмечается в литературе, – напротив, постоянно возрастает роль частных собственников в общественной жизни, что выражается в развитии системы соответствующих экономических и политических институтов и создании адекватных идеологических систем»⁵⁶. Соответственно, в таких странах экономическая система общества будет, прежде всего, детерминирована эгональными социально-экономическими интересами. Для социально-классовой структуры этих обществ (в их чистом виде) будет характерна сильная имущественная, объёмно-правовая и статусная дифференциация между социальными классами. Изменение этого (т.е. построение социально ориентированной рыночной экономики)

---

⁵⁴ Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001. – С.80.

⁵⁵ Там же. – С.81.

⁵⁶ Там же.

как рефлексии на нарастание социальных антагонизмов в обществе в индустриально развитых странах Запада стало возможно, прежде всего, за счёт эксплуатации других стран и народов.

Реальностью современного мирового экономического порядка стала глобализация производства, сопровождаемая становлением и бурным развитием транснациональных корпораций (далее – ТНК). Последние выходят из-под контроля национальных государств. Одновременно с развитием ТНК возрастает борьба между последними как за передел уже существующих рынков, так и за захват новых (причём количество последних сегодня пространственно ограничено).

Создание надгосударственных экономических образований, стремящихся к переделу существующих и захвату новых рынков, не является изобретением нашего времени. Как показывает история, данный процесс всегда сопровождался усилением межгосударственных и иных антагонизмов, а также отсутствием ограничений в средствах и формах борьбы за экономическую (а соответственно, политическую, духовную, военную и т.д.) гегемонию. Например: борьба греческих (византийских), армянских, мусульманских (арабских и иранских) и еврейских купцов за господство в международной торговле в VIII–X вв. вылилась не только в попытки названных финансовых группировок устанавливать выгодные (прежде всего экономически) режимы в тех или иных странах и в усиление кровопролитных межгосударственных войн, не отвечавших интересам ни одной из воевавших стран (войны киевских князей с половцами в X–XI вв.), но и в усиление идеологического противостояния как между этносами и государствами, так и внутри них (естественно, что в то время это принимало религиозную форму). В XIII в. купцы-рахдониты для установления своего господства над Великим шёлковым путём, а также для того, чтобы пресечь локальные войны в зоне их торговых интересов и установить там режим «мира как отсутствие войны», финансировали оснащение монгольской армии, делая материально возможным победоносный поход орд Тэмуджина.

Однако современная эпоха добавила много нового в этот процесс. Прежде всего то, что социально-экономические субъекты, стремящиеся к господству в планетарном масштабе или к доминированию в крупных регионах для оптимизации условий своей экспансии, предпринимают значительные (в том числе и финансовые) усилия

для уничтожения культурного, человеческого, административного и социального капитала в социально-экономических системах – объектах проникновения. При этом на государственном уровне могут использоваться следующие средства: экономические («свободная рыночная конкуренция» и т.д.); социально-этические; политические; военные и некоторые другие. Крупные иностранные предприятия, головные офисы которых находятся в регионах с некоммунальной материально-технологической средой и соответствующей ей культуре, открывая свои представительства в странах с коммунальной материально-технологической средой, стремятся к навязыванию своих корпоративных «этических» норм, которые позволяют не только сформировать у части их сотрудников стиль поведения, чуждый местным традициям, но и накопить определённый «корпоративный» социальный капитал, который будет выступать как элемент дестабилизации национальной социально-экономической системы. Оговоримся, что хотя в условиях социально-экономической глобализации и возрастает возможность и вероятность влияния на национальную социально-экономическую систему и на экономическую эффективность социального капитала в обществе зарубежных социально-экономических субъектов, но главным в любом социуме по-прежнему остаётся сформировавшийся баланс интересов. Последние, как известно, могут носить трудовой, монопольный, уравнительный и собственно-социальный (системный) характер. Все эти интересы присущи любому обществу, вопрос заключается в преобладании одних над другими и, соответственно, в трансформации, в зависимости от того, какие из них в данный момент доминируют во всей системе политических и экономических отношений.

Глобальный институциональный кризис капиталистической экономики, проявившийся через финансовый, экономический, сырьевой и прочие кризисы, отрезвил многих учёных и политиков. В мировом сообществе растёт понимание необходимости провести ревизию принципов функционирования современных экономических систем, в том числе и по-новому взглянуть на роль социальных факторов в экономике. Было бы неправильно говорить о том, что ранее такие попытки не предпринимались отечественными и зарубежными обществоведами. Естественно, они были. Причём достаточно удачные, но зачастую они или игнорировались научным сообществом, или заглушались громким хором либералов-рыночников.

В связи с этим, по нашему мнению, существует гносеологическая необходимость в рамках этого исследования сделать ряд замечаний, поясняющих наши взгляды на рынок как на один из социальных инструментов, позволяющих более или менее успешно облегчать жизнь людей – снижать трансакционные издержки. Такой подход должен позволить объективно (без внеисторической морализации) рассмотреть границы целесообразного применения рыночного инструментария в экономической системе общества во взаимосвязке с глобальными и национальными цивилизационными тенденциями, институциональной матрицей, материально-технологической средой, экологическим императивом, балансом социально-классовых интересов, социальным капиталом и формами его капитализации. Следует согласиться с мнением А.Л. Подгайского, представителя цивилизационного подхода в белорусской политической экономии, который, придерживаясь научной традиции «Данилевского – Леви-Строса», трактующей социальное развитие как нелинейный и поливариативный процесс, отметил, что «смысл прогресса в рамках этой традиции (традиции «Данилевского – Леви-Строса». – *Примеч. авт.*) заключается не в нарастающем универсализме исторического процесса, а в умножении разнообразия социальных форм бытия, в позитивных результатах взаимодействия»⁵⁷. При этом необходимо учитывать, что «ни синергетика, ни цивилизационный подход не отрицают эвристического потенциала исследования общих тенденций, определяющих “лицо” человечества в целом. Но оба направления далеки от того, чтобы признавать за выводами таких исследований абсолютно значимый характер. Они настаивают лишь на универсальности общих принципов самоорганизации социальных систем. Отвергая представления об обществе как некотором однородном континууме, эти направления рассматривают в качестве истинных субъектов истории всё многообразие социальных формирований между обществом и индивидом. Речь идёт о том, что универсальные закономерности и черты социально-экономического прогресса в целом находят различное преломление в непреходящем разнообразии социально-экономической действительности»⁵⁸.

---

⁵⁷ Подгайский А.Л. Взаимодействие доминирующих и периферийных укладов как составляющая социально-экономической динамики // Гуманітарна-економічний вісник. – 2008. – № 3 (42). – С.8.

⁵⁸ Там же. – С.8–9.

В рамках заявленной темы исследования нам не важно, случайно или целенаправленно возникли и развиваются социальные парадигмы, относимые сегодня к «экономическому империализму»⁵⁹. Для нас важнее то, что эти теоретико-методологические подходы, например, сводящие экономические функции государства к роли «ночного сторожа», деформируют сознание части научного и научно-педагогического сообщества, понижают доверие к белорусской модели развития, снижают социальный потенциал белорусского общества, т.е. понижают продукционный эффект от социального капитала, накопленного на уровне социума, а значит, угрожают экономической безопасности страны.

Возможность такого рода обманов во многом обусловлена спецификой нашей эпохи («эпохи вселенского обмана»⁶⁰), когда возможности манипулирования сознанием миллионов людей (благодаря современной информационной технике) оказались беспрецедентными и есть все основания говорить даже об информационном сетевом закабалении мира⁶¹. Как справедливо замечает Ч.С. Кирвель, «ныне утвердились технологии “промывания мозгов” с целью формирования нужного типа сознания, ценностных установок и стереотипов поведения людей. И всё это происходит на глобальном уровне. Возникли глобальные информационные поля, способные действовать на сознание людей поверх государственных границ, создавать возможность манипуляции человеческим сознанием в планетарном масштабе. Следствия всего этого крайне прискорбны. <...> На земле сейчас живут более шести миллиардов человек, а возможность реализовать потребительский образ жизни имеет всего лишь один миллиард, так называемый “золотой миллиард”, и то с большими оговорками, а для остальной части человечества “полное удовлетворение всех материальных потребностей” в принципе не реализуемо не только сегодня, но даже в самой отдалённой перспективе.

---

⁵⁹ Радаев В.В. К обоснованию модели поведения человека в социологии (основы «экономического империализма») // Социологические чтения. – 1997. – Вып. 2.

⁶⁰ Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов / под ред. Ч.С. Кирвеля. – 2-е изд., перераб. и доп. – Гродно: ГрГУ, 2009. – С.15.

⁶¹ Мясникова Л.А. Экономика постмодерна и отношения собственности // Вопросы философии. – 2002. – № 7. – С.5.

Однако СМИ современных богатых стран, прежде всего США, во всю горизонталь разрекламировали... свой образ жизни. В результате теперь все недовольны своей жизнью, все оторвались от родной почвы и возненавидели её, все хотят жить, как в Европе <...> Оторванность от своей почвы, от традиционного уклада жизни оборачивается потерей привычной гармонии, жгучей неудовлетворённостью, фрустрациями, неврозами, наркоманией, преступностью, терроризмом, наконец, самоубийством. В сущности, всё это можно определить как аксиологическую катастрофу, болезненнейший слом ценностных установок и традиций, утрату вечных ценностей. Последствия этой катастрофы могут быть непредсказуемо опасны. <...> Если проанализировать весь массив “культурного” импорта из западных стран нашими СМИ, то можно заметить, что заимствуются в основном худшие образцы и продукты декаданса»⁶². Такого рода «культурный обмен» предопределён не только чьей-то злой волей, хотя это тоже имеет место (уж очень заманчиво Западу получить дополнительные конкурентные преимущества в планетарной борьбе за все виды ресурсов путём снижения социального потенциала в странах – объектах их политико-экономических интересов), но и некоторыми специфическими закономерностями «межкультурного обмена: культуры обмениваются информацией, заложенной в их верхних пластах; более глубинные пласты, относящиеся к сфере архетипов сознания, в том числе и коллективного бессознательного, практически не передаются, не вербализируются посредством СМИ. Поэтому всё касающееся реальных предпосылок богатства и процветания евро-американской цивилизации, остаётся скрытым от взора и слуха зрителя и радиослушателя. Воспринимается только её внешний результат. В итоге получается следующее: доверчивые западники твердят о необходимости перенести на свою почву всё, что относится к внешним результатам цивилизационного развития Запада, нисколько не задумываясь ни о реальных путях, ведущих к этому результату, ни о том, возможно ли его повторить в иных исторических и географических условиях»⁶³.

---

⁶² Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов / под ред. Ч.С. Кирвеля. – 2-е изд., перераб. и доп. – Гродно: ГрГУ, 2009. – С.15–16.

⁶³ Там же. – С.17.

Чтобы разобраться в политико-экономических и гносеологических причинах возможности таких методов межстрановой конкуренции, необходимо прежде всего понять: как же возник в обществоведении «экономический империализм»?

В 1960–1970-е гг. идеальной рыночной модели, очищенной от каких-либо социальных факторов, был придан фактически универсальный характер. «С её помощью, – отмечает В.В. Радаев, – стали объяснять самые разные типы существующих рынков вне зависимости от исторической и культурной специфики хозяйства и общества»⁶⁴. Г. Беккер и его последователи в рамках «экономического империализма» начинают активно использовать данную модель за пределами анализа собственно экономических отношений в их былом понимании⁶⁵. Поскольку принцип универсализма не отвечает ни принципам современных системных исследований социальных объектов, ни историческим реалиям, то мы в своих дальнейших исследованиях будем исходить из взгляда на современные системы хозяйствования как на многоукладные, сочетающие в себе универсальные и национальные особенности. «История свидетельствует, – отмечает А.Л. Подгайский, – что ни одна хозяйственная система, в том числе и всемирное индустриально-капиталистическое хозяйство, никогда не охватывала не только все страны, но и отрасли экономики отдельной страны. Любое доминирование той или иной хозяйственной системы воплощается в действительности в ассиметричном образовании “центр-периферия” с наличием множества метапозиций между крайними точками»⁶⁶.

Для усиления продукционного эффекта рыночной системы Беларуси за счёт наращивания и оптимизации использования инсти-

---

⁶⁴ Радаев В.В. Рынок как объект социологического исследования // Социологические исследования. – 1999. – № 3. – С.28–37.

⁶⁵ Беккер Г. Выбор партнёра на брачных рынках // THESIS. – 1994. – Вып. 6. – С.395–396; Becker G. Nobel Lecture: The Economic Way of Looking at Behavior // Journal of Political Economy. 1993. – Vol. 101. – P.12–36; Радаев В.В. К обоснованию модели поведения человека в социологии (основы «экономического империализма») // Социологические чтения. – 1997. – Вып. 2. – С.177–189; Шульц Т. Ценность детей // THESIS. – 1994. – Вып. 6. – С.37–49.

⁶⁶ Подгайский А.Л. Взаимодействие доминирующих и периферийных укладов как составляющая социально-экономической динамики // Гуманітарна-економічні веснік. – 2008. – № 3 (42). – С.9.

туционального и социального потенциалов необходимо формировать новую нравственную социально-экономическую культуру путём:

- конфигурирования процесса организации неформальных объединений в виде деловых сетей, функционирование которых основано на высокой степени взаимного доверия, постоянных взаимных услугах, негласных договорах, которые лишь отчасти отражаются в формальных договорах, дополняя их. Экономический эффект от социального капитала в данном случае заключается в формировании этики внутрисетевых отношений, позволяющей оказывать широкий спектр неформальных услуг «для своих»: скидки, задержки оплаты, кредиты под низкий процент, вето на использование кабальных условий, запрет на применение силы при решении хозяйственных споров и т.д. В данном случае дополнение юридических (формальных) отношений межличностной системой взаимопомощи, основанной на общих этических принципах, позволяет повысить уровень экономической безопасности бизнеса, т.к. является действенным способом снижения рыночных рисков и нестабильности, катализатором деловой активности;

- совершенствования социально-экономических механизмов получения и использования информации хозяйственными субъектами за счёт социального капитала как способа экономии транзакционных издержек. Неравномерность в распределении информации и, соответственно, неполнота обладания ею является важным атрибутом экономической системы общества. Социальный капитал позволяет индивиду получить недостающую информацию путём обмена между участниками соответствующих социальных сетей. Таким образом удаётся с наименьшими издержками уменьшить негативные хозяйственные последствия от асимметричности распределения информации и за счёт этого повысить безопасность экономических систем различной степени интегрированности;

- формирования новых посткапиталистических финансовых отношений на основе нравственных (в том числе и религиозных) принципов. В случае, если кредитные отношения внутри сообщества, обладающего достаточным для этого социальным капиталом, строятся на оптимальном сочетании формальных и неформальных финансовых институтов, подкреплённых едиными моральными позициями, то они становятся более конкурентными, чем формальные финансовые институты, работающие в рамках классического капиталистиче-

ского хозяйственного уклада. В первом случае расширяется ресурсная база кредитования, облегчается получение кредитов, когда залогом выступают не только (и не столько) материальные ресурсы, но и доверие, т.е. социальный потенциал кредитополучателя. Сегодня примером такой эффективной системы кредитования может служить исламский банкинг. Становление новых посткапиталистических (нравственных) финансово-кредитных отношений может стать важным фактором обеспечения экономической безопасности за счёт как роста устойчивости национальных кредитных институтов в условиях глобального финансового кризиса, так и расширения возможных потребителей кредитных ресурсов – основы для роста внутреннего спроса и расширения экспортного потенциала;

- внедрения новых посткапиталистических механизмов конфигурации управления персоналом (в хозяйственных субъектах и государственных учреждениях) на основе широкого использования социального капитала, накопленного как на уровне общества, так и на уровне экономических субъектов. Так, если на стадии поиска работы социальный капитал позволяет минимизировать асимметрию информации на рынке труда (т.е. снижает индивидуальные трансакционные издержки), то после трудоустройства социальные связи работника являются дополнительным ресурсом (социальным капиталом) для организации. Для самого работника использование возможных социальных сетей создаёт условия для повышения его индивидуального социального потенциала, в том числе и за счёт ресурсов организации, в которой он трудится. Последнее выступает фактором повышения индивидуального профессионализма и дальнейшего карьерного роста. В современных условиях хозяйствования этого, однако, недостаточно для укрепления экономической безопасности страны. Необходимо, чтобы при использовании работником социального капитала и его накоплении перманентно присутствовал «нравственный фильтр», ограничивающий пределы возможного эгонального поведения.

Глава II ПОДМЕНА ОСНОВАНИЙ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Наблюдающаяся радикальная трансформация национальных экономик и мировой экономики в целом, сопровождающаяся формированием посткапиталистического общества, вызвана технологической и информационной революциями. Активно развиваются принципиально новые формы конкуренции, в том числе направленные на нелетальное разрушение конкурентов (подрыв их имиджа, доверия к ним и т.д.). В связи с этим исследование подмены оснований в экономическом дискурсе, которое может быть использовано и часто используется как важный инструмент информационного противоборства между странами и хозяйствующими субъектами, представляется актуальным.

Переход к междисциплинарным исследованиям дискурса, несомненно, связан с работами Т.А. ван Дейка⁶⁷, концепция которого опирается на анализ таких факторов, как мнения и установки говорящих, их социальный и этнический статус и т.д. Согласно Т.А. ван Дейку, дискурс – это сложное коммуникативное явление, не только включающее в себя акт создания определённого текста, но и отражающее зависимость создаваемого речевого произведения от значительного количества экстралингвистических обстоятельств. В данной концепции представлено многоплановое и разностороннее определение дискурса как особого коммуникативного события, как «сложного единства языковой формы, знания, действия»⁶⁸.

Анализ дискурса открывает возможности для нового восприятия экономики через осмысление её текстов, их особой формы, свойств, проявляющихся в той или иной ситуации общения. Экономический дискурс – это своеобразное преломление процессов, происходящих в современном обществе; отражение определённой идеологической, социокультурной и профессиональной практики. Он продуцируется в текстах, анализ которых позволяет нам делать выводы об особенностях синтаксических построений, морфологических форм, лексических употреблений, стилистических вариаций

---

⁶⁷ *Дейк ван Т.А.* Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989.

⁶⁸ Там же. – С.120–122.

с целью дальнейшего осуществления прагмалингвистического анализа – выявления возможных речевых стратегий, тактик, коммуникативных ходов участников общения, используемых для оказания влияния на адресата, что является основной задачей коммуникации, в частности в профессиональной сфере.

В современной лингвистике дискурс-анализ бурно развивается, причём не только за счёт всё более детального и глубокого изучения его в рамках этой науки, но и при междисциплинарных исследованиях. Как справедливо отмечалось в 2009 г. редколлегией электронного журнала «Современный дискурс-анализ», «концептуальная категория дискурса представляет собой основу для создания эффективных моделей междисциплинарных исследований, актуальность которых экспоненциально возрастает с развитием кризисных внутренних процессов в современных гуманитарных науках»⁶⁹. Белорусские авторы в последнее время много пишут о проблеме самоидентификации отечественной экономической науки. Так, например, С.Ю. Солодовников отмечает, что «сегодня как никогда актуальна проблема самоидентификации белорусской экономической науки, выработка её идеологической базы». По его глубокому убеждению, «без однозначного ответа на вопрос о том, какая философия хозяйствования должна быть положена в основу тех или иных теоретических построений, во имя чего мы все работаем, нельзя теоретически обосновать белорусскую экономическую модель, превратить экономическую науку в серьёзное подспорье в определении направлений, форм и инструментов модернизации народного хозяйства»⁷⁰. Названный автор также категорически заявляет, что в современной экономической науке наблюдается парадоксальная ситуация, «когда представители различных экономических специальностей и школ на основании проводимого ими мониторинга национальных экономик зачастую получают прямо противоположные выводы»⁷¹.

---

⁶⁹ Современный дискурс-анализ. – 2009. – Вып. 1. – Т.1. – URL: www.discourseanalysis.org (дата обращения: 27.11.2016).

⁷⁰ Солодовников С.Ю. Культ Карго, Или новый объект экономической науки // Белорусская думка. – 2016. – № 1. – С.56–62.

⁷¹ Солодовников С.Ю. Цивилизация, культура, экономическая система общества и институциональные матрицы: феноменологическая природа и взаимообусловленность // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсі-

Преодолеть это гносеологическое противоречие возможно только путём определения исходных понятий экономической науки и признания того очевидного факта, что экономическая теория – это наука идеологическая. Вместе с тем и самоидентификация белорусской экономической науки также невозможна до тех пор, пока отечественные экономисты не станут говорить на «одном языке», т.е. не придут к унификации определений экономических категорий, что невозможно сделать без методологически правильного и последовательного использования в экономическом дискурсе методов и инструментов классического дискурс-анализа.

О проблеме практического применения приёма подмены оснований в экономическом дискурсе как способа влияния на поведение хозяйственных и социально-экономических субъектов в последние годы начали писать как зарубежные (Ж. Бодрийяр, С. Глазьев, М. Ипполитов, Дж. Перкинс, В. Тарасевич, Я. Яскевич и др.), так и отечественные экономисты (В. Байнев, Ч. Кирвель, С. Солодовников и др.). Так, например, Ч.С. Кирвель отмечает, что, характеризуя «нашу эпоху, необходимо подчеркнуть, что она – эпоха вселенского обмана. Возможности манипулирования сознанием миллионов людей (благодаря современной информационной технике) оказались беспрецедентными. Как никогда раньше усилился контроль над общественной и личной жизнью людей»⁷². Иначе говоря, сегодня есть все основания говорить даже об информационном сетевом закабалении мира⁷³.

В свою очередь С.Ю. Солодовников замечает по этому поводу, что «постиндустриальное общество является качественно новым состоянием в развитии человеческого общества, поэтому при исследовании его социально-экономической составляющей возникают дополнительные сложности (по сравнению с индустриальной и доиндустриальной стадиями), обусловленные, во-первых, коротким историческим периодом его существования и, во-вторых, высокой сте-

---

тета імя Янкі Купалы. Серыя 5 «Эканоміка, сацыялогія, біялогія». – 2011. – № 2. – С.10–25.

⁷² Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов / под ред. Ч.С. Кирвеля. – 2-е изд., перераб. и доп. – Гродно: ГрГУ, 2009. – С.15.

⁷³ Мясникова Л.А. Экономика постмодерна и отношения собственности // Вопросы философии. – 2002. – № 7. – С.5.

пенью идеологической заданности (в том числе апологетики “протестантского фундаментализма”)⁷⁴.

На этом фоне выявляется, что теоретическо-методологические основы подмены оснований в экономическом дискурсе разработаны недостаточно, в том числе: не определены некоторые исходные понятия; не раскрыты инструменты, при помощи которых обеспечивается подмена оснований в экономическом дискурсе, создающая возможность для успешного тиражирования недостоверного и/или заведомо ложного интеллектуального продукта в экономической науке; не показаны механизмы возможного влияния успешного применения этих инструментов на народное хозяйство. Более того, нет и единого мнения относительно определения понятия «экономический дискурс». Сегодня данный термин используется рядом общественно-политических, экономических и гуманитарных наук, предмет которых прямо или опосредованно предполагает учёт особенностей функционирования естественного языка, – информатики, философии, эстетики, лингвистики, литературоведения, семиотики, социологии, психологии, этнологии и антропологии, не говоря уже об экономике.

В зарубежной и отечественной экономической науке считается, что в процессе постижения объективных законов хозяйственной жизнедеятельности коренным гносеологическим вопросом является выбор методологических основ исследования, зависящий от достигнутого уровня социально-экономического и технологического развития общества, а также социально-классовой принадлежности исследователя (последняя определяет систему взглядов учёного, его внутренние идеологические установки, представления об общественном прогрессе и благе), которые непосредственно влияют на предпосылки и результаты проводимых исследований. Если исходить из критериев логичности и аргументированности участников дискуссии о коренных методологических пороках маржинализма, неоклассики и т.д., то доказательств этому более чем достаточно. Вместе с тем неправомерно сводить все дискуссии о природе рыночных отношений лишь к поиску научной истины. С.Ю. Солодовников

---

⁷⁴ Солодовников С.Ю. Гносеологические трудности при изучении классов и классовой борьбы в постиндустриальном обществе // Социологический альманах. – 2012. – № 3. – С.86.

пишет: «Учёные-экономисты тоже люди. Они родились и воспитывались в определённой социально-культурной среде, обладают мотивацией, различными потребностями и интересами, наконец, их исследования финансируются из различных источников (а у субъектов, которые их контролируют, есть вполне реальные экономические потребности и интересы) и т.д.»⁷⁵. Личностные характеристики учёных-экономистов, обуславливают, таким образом, известную заданность инструментов и результатов проводимых ими исследований, которые выступают откликом на своеобразный социальный заказ, даже если последний никак институционально не оформлен.

Этим и объясняется тот факт, что на основании одних и тех же эмпирических данных экономисты делали и продолжают делать различные, а иногда и диаметрально противоположные выводы (например, П. Струве и киевская школа маржиналистов; К. Маркс и К. Каутский). Вместе с тем последние исследования зарубежных и отечественных учёных показывают, что в современном мире всё большее распространение получают экономические исследования, которые заведомо ориентированы на создание интеллектуального продукта, направленного не на постижение экономических законов и закономерностей, а на искажение мироощущения больших масс людей, навязывание им ложных мотивов и целей («эпоха вселенского обмана» – Ч. Кирвель, «трансэкономика» и «трансполитика» – Ж. Бодрийяр). Последний автор отмечает, что в современном европейском обществе «любая коммуникация, по сути, есть лишь принудительный сценарий, непрерывная фикция, избавляющая нас от пустоты нашего умственного экрана, на котором мы с не меньшим вождением ждём изображения»⁷⁶. Согласно Ж. Бодрийяру, в современном информационном обществе «избыток знаний безразлично рассеивается по поверхности во всех направлениях, при этом происходит лишь замена одного слова другим»⁷⁷. В результате чего «написано и распространено столько знаков и сообщений, что они никогда не бу-

---

⁷⁵ Солодовников С.Ю. Гносеологические трудности при изучении классов и классовой борьбы в постиндустриальном обществе // Социологический альманах. – 2012. – № 3. – С.87.

⁷⁶ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. – 5-е изд. – М.: Добросвет, Изд-во «КДУ», 2014.

⁷⁷ Там же.

дут прочитаны. К счастью для нас! Ибо даже с той малой частью, которую мы абсорбируем, с нами происходит нечто, подобное казни на электрическом стуле»⁷⁸.

На этом фоне (методологического плюрализма) в экономической науке всё чаще появляются работы, авторы которых заведомо подменяют методологические эмпирические основания в своих исследованиях с целью получения результатов, соответствующих их личным или узкогрупповым интересам. Широко известным примером последнего являются работы М. Бруно, выполненные по заказу Дж. Перкинса для завышения ожидаемых темпов прироста ВВП в развивающихся странах в случае получения последними кредитов от США и Всемирного банка реконструкции и развития⁷⁹.

Говоря о путях преодоления кризиса экономической мысли, П.С. Лемещенко и И.А. Лаврухина ставят на 1-е место её «парадигмальное обновление»⁸⁰, что невозможно без целостной системы понятий. А эта система не может быть сформулирована без экономического дискурса. Такой подход во многом коррелирует с известным высказыванием Н.Н. Моисеева: «Возможность создания единого языка, единой системы методов, единого инструментария, которые могли бы быть использованы в исследованиях явлений разной природы, основывается на признании единства материального мира и, следовательно, единства наших знаний, на принципе познаваемости процессов, протекающих в живой и неживой природе, а также человеческом обществе»⁸¹. По мнению П.С. Лемещенко и И.А. Лаврухиной, несмотря на появившийся в последние годы определённый прогресс в развитии белорусской экономической мысли, «это не предотвратило снижения общетеоретического уровня национальной экономической науки. И проявилось в предметно-методологической неопределённости, нарушении алгоритма исследования, раз-

---

⁷⁸ *Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла. – 5-е изд. – М.: Добросвет, Изд-во «КДУ», 2014.

⁷⁹ *Перкинс Дж.* Исповедь экономического убийцы. – М.: Pretext, 2005. – С.191.

⁸⁰ *Лемещенко П.С., Лаврухина И.А.* Экономическая наука Беларуси: путь к самоидентификации // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Экономика». – 2013. – Вып. 1 (19). – С.34.

⁸¹ *Моисеев Н.Н.* Человек, среда, общество: Проблемы формализованного описания. – М.: Наука, 1982.

мытости выводов, а также в преобладающем использовании интуитивно-описательного метода»⁸².

Таким образом, под экономическим дискурсом следует понимать логически выстроенную систему рассуждений и доводов, основанную на общенаучных, социально-философских, исторических и политологических парадигмальных установках (последние в своей системной совокупности выступают методологией для политической экономии и экономической теории), которые позволяют в процессе научного обсуждения отсекаать псевдонаучные, внеисторические, догматические рассуждения и, оставаясь в предметном поле экономической науки, не допускать снижения общетеоретического уровня науки и повышать её прагматическое и апологетическое значение. Правильно организованный экономический дискурс позволит снизить существующую в белорусской экономической науке предметно-методологическую неопределённость, избежать нарушений алгоритма исследования и размытости выводов, а также уйти от всё более преобладающего в последнее время интуитивно-описательного метода.

Экономический дискурс представляется открытой динамической системой, поскольку, во-первых, в ней постоянно идёт процесс обмена информацией между субъектами экономической деятельности; во-вторых, в современных условиях глобализации постоянно меняются сущность и содержание экономических понятий и отношений, что ведёт к нелинейности как самого процесса, так и результата; в-третьих, постоянно увеличивающееся информационно-концептуальное пространство экономики выводит систему экономического дискурса из устойчивого равновесия⁸³.

Исходя из такого понимания экономического дискурса, можно выделить критерии, по которым следует оценивать особенности современной экономической науки как пространства экономического дискурса. К таким критериям относятся:

---

⁸² Лемещенко П.С., Лаврухина И.А. Экономическая наука Беларуси: путь к самоидентификации // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Экономика». – 2013. – Вып. 1 (19). – С.35.

⁸³ Тарасова Е.В. Современный экономический дискурс в понятиях и терминах синергетики // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.». – 2014. – Т.20. – С.325–334.

1) степень и последовательность соблюдения в экономической теории и в частных экономических науках общенаучных методов;

2) степень и последовательность соблюдения в экономических науках исторического подхода, дополненного обязательным практическим подтверждением выдвигаемых положений и рекомендаций;

3) степень и последовательность соблюдения в экономической теории вообще и в политэкономии в частности социально-философских и политологических парадигмальных установок, в основу которых положена позитивная государственная идеология;

4) степень догматизма и идеализации (долженствования) в экономической теории и частных экономических науках исходных положений, выводов и рекомендаций;

5) количество фактически существующих национальных научных школ и направлений;

6) уровень самостоятельности отечественной экономической науки или, наоборот, степень её зарубежной ангажированности и, соответственно, компрадорского характера теоретических выводов и практических рекомендаций.

Некоторые из предложенных критериев могут быть оценены только качественно, другие – количественно, а третьи требуют как количественной, так и качественной оценок.

Остановимся на этом подробнее:

1. Степень и последовательность соблюдения в экономической теории и частных экономических науках (впрочем, как и в любых диссертациях) общенаучных методов достаточно полно отрегулирована Высшей аттестационной комиссией в контексте требований, предъявляемых к кандидатским и докторским диссертациям.

Так, в п.12 Инструкции о порядке оформления квалификационной научной работы (диссертации) на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук, автореферата и публикаций по теме диссертации, утверждённой Постановлением Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 28.02.2014 № 3, указано, что «в основной части диссертации приводится аналитический обзор литературы по теме исследования, описание использованных методов, оборудования и материалов, а также сущность и основные результаты теоретических и/или экспериментальных исследований»⁸⁴.

---

⁸⁴ Об утверждении Инструкции о порядке оформления квалификационной научной работы (диссертации) на соискание учёных степеней кан-

Далее в п.14 поясняется, что должен включать в себя этот аналитический обзор: «Аналитический обзор литературы по теме исследования включает анализ результатов исследований, представленных в отечественных и иностранных источниках научной информации, который заканчивается развёрнутым обоснованием выбора направления исследований и изложением общей концепции работы. В аналитическом обзоре литературы соискатель учёной степени приводит очерк основных этапов развития научных представлений по рассматриваемой проблеме, включая сопоставительный анализ методологических (методических) подходов и уровня развития исследований в соответствующей области знаний в республике и за рубежом. Не допускается подмена аналитической оценки содержания научных исследований в конкретной области перечислением выполняющих их исследователей. На основе анализа работ, выполненных ранее другими исследователями (отечественными и иностранными), соискатель учёной степени выявляет вопросы, которые остались неразрешёнными, и определяет предмет и задачи своего исследования в рамках выбранной темы диссертации, указав их место в разработке данной проблематики»⁸⁵. В п.16 той же Инструкции находим: «При написании диссертации соискатель учёной степени делает ссылки на источники (в том числе на диссертации и собственные публикации), из которых он заимствует материалы или отдельные результаты. Не допускается пересказ текста других авторов без ссылок на них, а также его цитирование без использования кавычек»⁸⁶.

Вместе с тем отметим, что подобная регламентация того, что и как надо цитировать в научных (диссертационных) работах, появилась в нормативных документах ВАК относительно недавно, а раньше (в том числе и в СССР) обходились без этого. Почему? По всей видимости, величайшая в XX в. геополитическая катастрофа – распад СССР, – кроме всего прочего, негативно сказалась и на научных традициях. То, что казалось само собой разумеющимся

дидата и доктора наук, автореферата и публикаций по теме диссертации: постановление Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 28.02.2014 № 3. – URL: http://www.vak.org.by/sites/default/files/2016-04/T21402786_a733fa9b25f33689e2adbe72199f0e62.pdf (дата обращения: 22.10.2016).

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же.

в 70–80-е гг. XX в., например обязательное дословное и закавыченное цитирование используемых источников, неожиданно стало для недобросовестной части научного сообщества необязательным. Это негативное явление не обошло стороной и экономический дискурс.

По существу, несоблюдение или лишь частичное, эпизодическое или от случая к случаю соблюдение в экономической теории и частных экономических науках общенаучных методов нет необходимости оценивать количественно. Здесь всё очевидно: если не соблюдаются общенаучные методы, то это не научное исследование. В лучшем случае это можно назвать публицистикой.

2. Со вторым критерием (степенью и последовательностью соблюдения в экономических науках исторического подхода, дополненного обязательным практическим подтверждением выдвигаемых положений и рекомендаций) дело обстоит сложнее, поскольку сами по себе интерпретации тех или иных исторических событий всегда обусловлены как личностью исследователя (включая то, к какому классу он принадлежит), так и господствующей в обществе идеологией, особенностью сегодняшних проблем (через которые события давно минувших дней могут восприниматься по-разному). Таким образом, «научное сообщество фаталистически обречено не только на постоянный поиск объективных закономерностей развития общества и его экономической системы, но и на выделение “ложных” концепций и преднамеренных концептуальных упрощений, обслуживающих глобальные экономические интересы вполне конкретных государств, классов, социально-экономических групп и индивидов»⁸⁷.

Из приведённой цитаты видна зависимость степени и последовательности соблюдения в экономических науках исторического подхода от самостоятельности отечественной экономической науки. Чем меньше самостоятельность суждений её представителей, тем менее последовательно будет применяться исторический подход и тем более идеализированными, оторванными от реалий хозяйственной жизни будут их выводы. Естественно, этот вывод нельзя абсолютизировать, но принимать во внимание такую зависимость необходимо. Кроме того, необходимо учитывать, что отказ от обязательного практического подтверждения полученных в результате эконо-

---

⁸⁷ Солодовников С.Ю. Социальный потенциал Республики Беларусь: теория, методология, практика. – Минск: Бел. наука, 2009.

мического исследования выводов может быть результатом несоблюдения общенаучных методов по причине недостаточной квалификации исследователя (сегодня в Республике Беларусь этим грешат многие так называемые «независимые» эксперты) или его научной недобросовестности (лень ещё никто не отменял).

3. Необходимость безусловного и последовательного соблюдения в любом обществоведческом исследовании социально-философских и политологических парадигмальных установок сегодня является общепризнанный. Ещё Н.Н. Моисеев писал о том, чего требует развитие знаний, единство их дифференциации и синтеза: «Гносеологический анализ достижений науки, способный выявить основы синтеза естественнонаучного знания, т.е. систему понятий, позволяющих увидеть в наших представлениях о мире целостную картину, представить себе, конечно схематично, всё бесконечное разнообразие явлений в их единстве и взаимосвязи, – одно из важнейших требований развития человеческой культуры»⁸⁸. Названный автор также подчёркивал: «Это требование всегда было сверхзадачей науки, если иметь в виду науку, стремящуюся вскрыть и объединить всю ту диалектическую противоположность наших представлений, с которой мы встречаемся на каждом шагу, и наметить возможные пути развития и совершенствования наших представлений»⁸⁹.

Вместе с тем необходимость для получения социально востребованного и практически значимого результата опираться в экономической теории на социально-философские и политологические парадигмальные установки, в основу которых положена позитивная государственная идеология, по-прежнему не является общепризнанным положением. Однако современной философией убедительно доказано, что от того, как учёные представляют себе систему общества и такой важный её компонент, как экономическая система общества, зависят рассматриваемые и реализуемые возможности общественной эволюции.

Так, например, В.Е. Кемеров пишет по этому поводу: «Вопросы определения системы общества перестают быть только логическими; сама возможность общества как системы оказывается в зави-

---

⁸⁸ *Моисеев Н.Н.* Человек, среда, общество: Проблемы формализованного описания. – М.: Наука, 1982. – С.8.

⁸⁹ Там же.

симости от процессов его воспроизведения, изменения, развития и от субъектов, реализующих эти процессы. Различные картины общества рассматриваются как вариации системных его представлений. В плане историческом и типологическом они сопоставляются как картины обществ предшествующих и общества современного. В плане практическом они могут трактоваться как разные модели использования и развития человеческих ресурсов в качестве ресурсов сохранения и развития общества»⁹⁰. Таким образом, очевидно, что чем выше степень и чем последовательнее соблюдаются в экономической теории вообще и в политэкономии в частности социально-философские и политологические парадигмальные установки, тем выше уровень научности порождаемого на этой основе экономического дискурса.

4. Степень догматизма и идеализации (долженствования) в экономической теории и частных экономических науках исходных положений, выводов и рекомендаций. С.А. Лебедев справедливо заметил: «Поскольку задачей научных теорий является максимально полное объяснение имеющихся эмпирических фактов определённой предметной области, а также предсказание новых, постольку это является существенным ограничением конструктивной свободы мышления при создании любых теорий. Таким образом, эффективная эмпирическая интерпретация всегда так или иначе предполагается при создании любой теории. Однако существование такой интерпретации является только необходимым условием оценки самостоятельности научной теории, но отнюдь не достаточным и уж тем более не может служить критерием её истинности»⁹¹. Другим важнейшим ограничением конструктивной свободы мышления при создании экономических теорий является научно-корректное обоснование исходных положений, выводов и рекомендаций. В качестве методологической основы для выработки исходных положений политической экономии выступают социальная философия, теория познания, социология и этика. В свою очередь политическая экономия вырабатывает методологическую базу, в том числе помогает форму-

---

⁹⁰ *Кемеров В.Е.* Ключи к современности – в сдвигах к методологии // Вопросы философии. – 2014. – № 2. – С.5.

⁹¹ *Лебедев С.А.* Основы парадигмы эпистемологии и философии науки // Вопросы философии. – 2014. – № 1. – С.74.

лизовать исходные понятия, выводы и рекомендации, а также ограничивает пределы интерпретации экономических текстов в частных экономических науках. Если это не соблюдается или соблюдается лишь частично, то экономические науки мутируют в псевдонаучные интеллектуальные конструкции, основанные на субъективно и произвольно выбранных аксиомах и долженствованиях, приводящих к догматизму в науке и идеализации (отрыву от теории и эмпирики) её выводов и рекомендаций. Это, например, как в физике, если автор исходит из того, что подброшенное человеком, стоящим на поверхности Земли, вверх яблоко с равной степенью вероятности может упасть на поверхность нашей планеты и улететь к Солнцу, то какие теоретические и практические рекомендации он может сделать на основании этой догмы для самолётостроения? Очевидно, что только идеализированные, т.е. полностью оторванные от какой-либо физической реальности. Таким образом, чем выше степень догматизма и идеализации в экономической теории и частных экономических науках исходных положений, выводов и рекомендаций, тем ниже их достоверность. Если этот уровень переходит какой-то критический порог, который мы не можем посчитать с точностью до процента, когда очевидно, что он преобладает, получается, что в теории мы не можем получить истинный результат, а можем только случайно его угадать.

5. Количество фактически существующих национальных научных школ и направлений. Чем больше национальных школ и направлений, тем выше питательная среда для науки. При этом следует отметить, что в науке в целом и в экономической науке в частности научной школой считаются 3 поколения учёных. Естественно, что понятие научной школы должно меняться в зависимости от того, в какой период мы её рассматриваем: очевидно, что критерии для определения научной школы XVII в. неприменимы для современной научной школы.

Сегодня одним из наиболее релевантных критериев определения научной школы может выступать индекс Хирша по РИНЦ. Правда, следует оговориться, что данный показатель действителен лишь начиная с 2006 г., когда, собственно говоря, и была создана эта информационная система оценки публикационной активности и цитируемости российских авторов, организаций, журналов, в ко-

торой аккумулируется и обрабатывается полная библиографическая информация о журнальных статьях, аннотации и пристатейные списки цитируемой в статьях литературы. Такая база позволяет проводить эффективный масштабный поиск библиографии по интересующей теме или предмету, а именно находить публикации, как цитируемые в отдельно взятой статье, так и цитирующие эту статью, а также обеспечивает оперативное получение необходимых наукометрических показателей.

Кроме того, в РИНЦ включаются сведения об авторах публикаций и организациях, в которых они работают. Этот механизм даёт возможность интегрировать публикационные и цитатные показатели: от научного сотрудника-автора, структурного подразделения и учреждения, где работает круг авторов, до министерств и ведомств или целых административно-географических регионов. В результате этого обеспечивается объективная оценка научной деятельности.

Ключевыми показателями результатов научной деятельности для определения рейтинга научных учреждений и рейтинга учёных являются:

- 1) общее число публикаций;
- 2) индекс цитирования публикаций РИНЦ;
- 3) индекс Хирша (*h*-индекс).

Остановимся подробнее на индексе Хирша (*h*-индекс). Предложенный в 2005 г. американским физиком Хорхе Хиршем показатель является количественной характеристикой продуктивности учёного, основанной на количестве как его публикаций, так и их цитирований, т.е. объединяет 2 отдельных наукометрических показателя, о которых говорилось выше.

К достоинствам индекса Хирша относят то, что он будет одинаково низким как для автора одной сверхпопулярной статьи, так и для автора множества работ, процитированных не более 1 раза. Этот показатель будет высоким лишь для тех, у кого достаточно публикаций, и, по крайней мере, многие из них достаточно востребованы, т.е. часто цитируются другими исследователями.

Таким образом, индекс Хирша был разработан, чтобы получить более адекватную оценку научной продуктивности исследователя, чем могут дать такие простые характеристики, как общее число публикаций или цитирований.

Также индекс Хирша может быть определён и по реферативной международной базе *Scopus*, однако в данной системе преобладают технические науки и англоязычная среда, что далеко не всегда является преимуществом для современной экономической науки, которая должна в той или иной мере носить некоторые черты идеологизированности и чьи интересы могут не совпадать с интересами иных сообществ.

Индекс Хирша по РИНЦ, конечно же, не является панацеей от всех бед, но он позволяет показать, во-первых, то, что все три поколения публикуются, во-вторых, ссылаются ли ученики на своих учителей. Любая научная школа предполагает преемственность поколений, соответственно, авторы одной школы должны ссылаться на работы своих предшественников. Если ссылок нет, то стоит задуматься, а существует ли вообще эта научная школа или же она носит имитационный характер.

Очевидно, что повышение индекса Хирша по РИНЦ для автора научных публикаций представляет целый ряд трудностей: не все публикации автора есть в РИНЦ; не все цитаты на публикации автора учтены; ссылки на работы автора привязаны к другому учёному. Однако эти трудности при определённом усердии разрешимы.

6. Уровень самостоятельности отечественной экономической науки или, наоборот, степень её зарубежной ангажированности и, соответственно, компрадорского характера теоретических выводов и практических рекомендаций. У. Эко писал: «Текст – это ленивый механизм, который требует, чтобы читатель выполнил часть работы за него. Иными словами, текст есть приспособление, созданное, чтобы спровоцировать как можно большее количество толкований»⁹². Само по себе такое субъективное восприятие экономического текста оказывает непосредственное влияние на то, что исследователь-экономист находит в нём. При этом экономист может искренне полагать, что он абсолютно свободен в формировании своего мнения. На самом же деле, его мнение определено множеством факторов, начиная от того, к какому он классу принадлежит (как известно, «все социальные группы в обществе взаимодействуют друг с другом и при этом стремятся к наиболее оптимальной реализации своих интере-

---

⁹² Эко У. Откровения молодого романиста. – М.: АСТ; Corpus, 2013. – С.57.

сов (прежде всего экономических)»⁹³, даже если он сам этого и не осознаёт («класс в себе» и «класс для себя» у К. Маркса; «класс» и «социальный класс» у М. Вебера), и заканчивая тем, каких идеологических и экономических воззрений придерживались его учителя.

Если так складывается, что отечественная экономическая наука финансируется преимущественно за счёт зарубежных учёных, например, Академия наук Украины в своё время более чем на 60%, а по некоторым институтам и на 80% финансировалась за счёт зарубежных грантов. В результате такого положения дел учёные начинают выражать интересы заказчика, т.к. в противном случае их работа не будет принята. Они публикуются, публично выступают, выражая интересы заказчика, и тем самым перестают быть независимыми. Искажается их восприятие действительности. Как следствие, 2 уровня ущерба:

1) учёные, финансируемые из-за рубежа, начинают предоставлять выводы, интересные донорам;

2) учёный перестаёт работать на потребности своей науки, и наблюдается так называемая внутренняя миграция науки (когда учёный остаётся в научном сообществе своей страны, но уже не представляет её интересы).

Ситуация может быть и ещё проще, так, например, экономист не овладел необходимыми компетенциями и поэтому использует готовые штампы и концепты из работ других. Чтобы его не обвинили в плагиате, он переводит эти части текстов с иностранных языков. При этом, поскольку эти суждения вырваны из контекста, они, скорее всего, окажутся неверными вообще, а применительно к Республике Беларусь и подавно, поскольку у каждой страны своя историческая судьба, своя уникальная экономическая система, свои проблемы и свои цели. У. Эко категорически заявляет по этому поводу: «Использовать чужой текст для собственных фантазий не возбраняется, мы все время от времени этим занимаемся, однако дело это сугубо частное, и выносить его результаты на публику не следует. Такое восприятие текста означает, что мы принимаем его за собственные дневниковые записи»⁹⁴.

---

⁹³ Солодовников С.Ю. Социальный капитал как экономический ресурс // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д «Экономические и юридические науки». – 2015. – № 6. – С.2.

⁹⁴ Эко У. Откровения молодого романиста. – М.: АСТ; Corpus, 2013. – С.70.

Перед тем как перейти к раскрытию заявленной нами темы исследования (системный анализ и оценка наличия подмены оснований в экономическом дискурсе в Республике Беларусь), оговорим рамочные условия его проведения. Прежде всего обращаем внимание на то, что нами ставится задача провести системный анализ и оценку наличия подмены оснований в экономическом дискурсе в Республике Беларусь, а не всего этого дискурса. Такое сужение объекта исследования было обусловлено:

- во-первых, тем, что исходя из цели нашего исследования (разработать теоретико-методологические основы подмены оснований в экономическом дискурсе) нет гносеологической необходимости выделять и системно анализировать все существующие сегодня публикации по экономической проблематике в Республике Беларусь, хотя все они в той или иной мере могут быть отнесены к экономическому дискурсу. Напомним, что под последним нами понимается логически выстроенная система рассуждений и доводов, основанная на общенаучных, социально-философских, исторических и политологических парадигмальных установках, которые позволяют в процессе научного обсуждения отсекаать псевдонаучные, внеисторические, догматические рассуждения и, оставаясь в предметном поле экономической науки, не допускать снижения общетеоретического уровня науки и повышать её прагматическое и апологетическое значение;

- во-вторых, тем, что экономические тексты являются списками открытыми, т.е. незаконченными и постоянно дополняющимися за счёт непрекращающегося появления всё новых и новых экономических и псевдоэкономических текстов;

- в-третьих, как верно заметил У. Эко, «определение через форму характерно для зрелой культуры, которая познала мир и преуспела в его исследовании и описании. Тогда как описание через список присуще примитивным культурам, которые пока не определились с видением мира и пытаются исчислить максимально возможное количество его свойств, не усматривая меж ними иерархической зависимости»⁹⁵. Если мы соглашаемся с этим тезисом, а мы с ним безусловно согласны, то исходя из того, что после веков своего развития

---

⁹⁵ Эко У. Откровения молодого романиста. – М.: АСТ; Corpus, 2013. – С.251.

экономическая наука представляет собой зрелый социокультурный феномен, для системного анализа сформировавшегося в рамках этой науки экономического дискурса надо раскрывать его сущность, а не тщетно пытаться перечислить (описать) все экономические тексты в Республике Беларусь.

Поэтому в рамках данной работы нами будут рассматриваться только те экономические (или псевдоэкономические) тексты, которые наиболее ярко отражают, подтверждают и иллюстрируют наличие подмены оснований в экономическом дискурсе в Республике Беларусь. При этом нами оставляется за собой право, следуя за логикой изложения результатов проведённого исследования, иногда выходить за рамки нами же продекларированных ограничений, разумеется, «избегая при этом раблезианской страсти к перечислению»⁹⁶.

Для системного анализа и оценки наличия подмены оснований в экономическом дискурсе в Республике Беларусь необходимо оговорить, наличие каких конкретных признаков в указанном дискурсе позволяет сделать научно обоснованное заключение о присутствии названной подмены. При выделении этих признаков будем исходить из выделенных нами ранее критериев, по которым следует оценивать особенности современной экономической науки как пространства экономического дискурса.

Напомним, что названными особенностями являются: степень и последовательность соблюдения общенаучных методов, исторического подхода, социально-философских и политологических парадигмальных установок, догматизма и идеализации (долженствования), а также количество существующих национальных научных школ и уровень самостоятельности отечественной экономической науки или, наоборот, степень её зарубежной ангажированности.

В качестве основных признаков наличия подмены оснований в экономическом дискурсе в Республике Беларусь рассмотрим такие, как наличие экономических (псевдоэкономических) текстов, при написании которых:

1) преднамеренно или системно не соблюдались общенаучные подходы. Здесь важно подчеркнуть системность данных нарушений, поскольку в ряде случаев такого рода методологические ошибки

---

⁹⁶ Эко У. Откровения молодого романиста. – М.: АСТ; Corpus, 2013. – С.201.

могут наблюдаться и наблюдаются, во-первых, как проявления «болезни роста» у начинающих исследователей, которые по мере их научного становления благополучно преодолеваются, и, во-вторых, у зрелых учёных в момент изменения исследовательских социальных парадигмальных установок, обусловленных революционными изменениями в господствующих хозяйственных укладах, прорывными научными открытиями в смежных науках и т.д.;

2) происходит отказ от обязательного эмпирического подтверждения полученных учёными-экономистами результатов. В данном случае нельзя уходить и в другую крайность, а именно подменять системное научное осмысление экономических законов поверхностным описанием и анализом отдельных явлений и процессов. Например, попытками делать обобщения по общенациональным хозяйственным проблемам только на основании динамики соотношения белорусского рубля и североамериканского доллара;

3) произвольно, научно необоснованно использовалась классификация или типологизация исследуемого объекта, когда теоретико-методологическое обоснование такого выбора подменялось идеализацией объекта исследования, зачастую демагогически обоснованного только правом учёного на свою особую точку зрения. Против того, что у каждого учёного может и должна быть своя точка зрения, никто не спорит. Вместе с тем «свобода» мысли учёного не означает отказа от необходимости научными методами доказывать правильность этой мысли, а если это не удаётся, то и от необходимости её скорректировать.

Если системный анализ и оценка экономического дискурса в Республике Беларусь покажет наличие в нём всех вышеназванных признаков, то это будет означать, что в нём присутствует система отставания той или иной авторской позиции с использованием приёма подмены оснований. Рассмотрим это на примерах. И начнём по порядку.

Нарушение общенаучных подходов к проведению исследования возникает как из нежелания или неумения автора соблюдать эти принципы, так и в результате его (автора) злого умысла, обусловленного желанием преднамеренно исказить суть явления. Для нашего исследования не так уж важно, какая из названных причин привела к нарушению общенаучных методов. Тем более, что в некоторых слу-

чаях могут сочетаться и некомпетентность, и злой умысел. Нам надо просто установить факт такого несоблюдения.

Поскольку предметом нашего исследования является экономический дискурс в Республике Беларусь, а не просто применение приёма подмены оснований, то и системный анализ этой подмены будет нами проводиться на примере тех текстов, где эта подмена не просто присутствует, но и стала предметом специального научного рассмотрения в работах белорусских учёных-экономистов.

П.С. Лемешенко и И.А. Лаврухина, справедливо подчёркивая необходимость в экономической науке безусловного соблюдения общенаучных, социально-философских, исторических и политологических принципов научного исследования как необходимого условия недопущения снижения общетеоретического уровня науки и повышения её практического значения, указывают: «если обратиться к истории экономического анализа, то традиционными окажутся дискуссии не по *самому фактическому материалу*, а по способу его добычи, аргументации и тестировании»⁹⁷. Вместе с тем не все белорусские экономисты выполняют названные общенаучные методологические требования. С.Ю. Солодовников замечает по этому поводу: «Белорусская экономическая наука быстро продвигается к выработке своей философии хозяйствования, но это движение зачастую затрудняется потерей частью наших экономистов навыков научного ремесла, отказа ими от общепринятых правил цитирования, попытками упрощения предмета и объекта экономической теории»⁹⁸.

Примером подмены оснований в результате несоблюдения общенаучных принципов исследования и изложения экономического текста может служить статья П.Н. Пекутько с амбициозным названием, претендующим на системное науковедческое обобщение: «Экономическая наука Беларуси: тематическая направленность и функциональная специализация»⁹⁹. К сожалению, в этой статье нет науч-

---

⁹⁷ Лемешенко П.С., Лаврухина И.А. Экономическая наука Беларуси: путь к самоидентификации // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Экономика». – 2013. – Вып. 1 (19). – С.35.

⁹⁸ Солодовников С.Ю. Культ Карго, Или новый объект экономической науки // Белорусская думка. – 2016. – № 1. – С.57.

⁹⁹ Пекутько П.Н. Экономическая наука Беларуси: тематическая направленность и функциональная специализация // Вестник БГЭУ. – 2015. – № 1. – С.15–21.

ного исследования ни тематической направленности, ни функциональной специализации экономической науки в Республике Беларусь. В рассматриваемой работе П.Н. Пекутько, в частности, не выполнено такое категорическое требование современной общенаучной методологии, как дословное приведение используемых литературных источников, что должно подтверждаться закавычиванием цитат. П.Н. Пекутько пишет: «Рассматривая белорусскую экономическую науку через призму субъектного состава, предметной исследовательской направленности или используемой методологии, на наш взгляд, можно вести речь о существовании в ней различных экономических школ»¹⁰⁰. При этом этот автор «забывает» о том, что предметная исследовательская направленность – это часть используемой методологии, т.е. в данном случае получается масло масляное. П.Н. Пекутько также даёт своё определение научной школы «применительно к белорусской экономической науке»¹⁰¹, под которой понимается «исследовательская организация, обладающая достаточно многочисленным (не менее пятидесяти сотрудников) устойчивым научным коллективом, разрабатывающая собственную исследовательскую программу и сформировавшая стабильную систему внутреннего воспроизводства научного потенциала и передачи знаний»¹⁰².

Возникает ряд очевидных вопросов: почему выбрано именно это количество сотрудников? Какова должна быть в этом коллективе доля вспомогательного персонала? Почему белорусская экономическая наука настолько специфична, что необходимо определять её научные школы не так, как в других странах? В рассматриваемой статье ответы на эти вопросы отсутствуют. С.Ю. Солодовников, полемизируя с П.Н. Пекутько, задаёт риторический вопрос: «Исходя из данного (П.Н. Пекутько. – *Примеч. авт.*) определения, выходит, что белорусская экономическая наука настолько специфична, что необходимо определять её научные школы не так, как в других странах?»¹⁰³. Было бы интересно получить объяснение П.Н. Пекутько,

---

¹⁰⁰ Пекутько П.Н. Экономическая наука Беларуси: тематическая направленность и функциональная специализация // Вестник БГЭУ. – 2015. – № 1. – С.15.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же. – С.16.

¹⁰³ Солодовников С.Ю. Культ Карго, Или новый объект экономической науки // Белорусская думка. – 2016. – № 1. – С.60.

применимо ли определение научной школы только в Республике Беларусь или оно универсально. Но если это определение универсально, то из этого следует, что практически все всемирно известные научные экономические школы таковыми, по его мнению, не являются. В частности, по логике П.Н. Пекутько получается, что в XIX в. не было марксистской экономической школы; не было школы А. Смита и Д. Риккардо; не было ордолиберальной школы, поскольку её основоположник В. Ойкен был редактором ежегодника «Ordo», объединявшего видных немецких экономистов, работавших в разных организациях, и т.д.

Хотя, по нашему мнению, исходя из наших исследовательских задач, более интересным был бы ответ на вопрос: подмена оснований в статье П.Н. Пекутько произошла из-за его исследовательской незрелости, неумения использовать общенаучные методы и незнания многих, в том числе вышеназванных научных школ или в результате его злого умысла? В первом случае, т.е. когда речь идёт о «болезни роста», свойственной многим начинающим учёным, существует известная вероятность того, что со временем эта методологическая незрелость может быть преодолена.

Следует отметить, что в рассматриваемой статье также произошёл отказ от эмпирического подтверждения полученных П.Н. Пекутько результатов, поскольку определение его базового концепта «научной школы» противоречит сущности и признакам реально существовавших и существующих научных школ.

Кроме этого, в означенной статье П.Н. Пекутько демонстрирует ещё одно использование приёма подмены оснований при помощи самоцитирования. Так, для подтверждения «фундаментальности» своего исследования он отмечает, что избранный им «в работе подход к определению белорусских научных экономических школ не является единственно возможным»¹⁰⁴, при этом ссылаясь на свою же работу в соавторстве с А.В. Марковым¹⁰⁵.

---

¹⁰⁴ *Пекутько П.Н.* Экономическая наука Беларуси: тематическая направленность и функциональная специализация // Вестник БГЭУ. – 2015. – № 1. – С.15.

¹⁰⁵ *Маркаў А.В., Пякуцька П.М.* Інстытут эканомікі Нацыянальнай акадэміі навук // АДДЗ-не гуманітар. навук і мастацтваў Нац. акад. навук Беларусі: (да 75-годдзя з дня заснавання) / рэдакцыя: А.А. Каваленя (старш.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. навука, 2011.

Заметим, что в рамках системного анализа и оценки наличия подмены оснований в экономическом дискурсе в Республике Беларусь работы А.В. Маркова представляют больший интерес, чем П.Н. Пекутько. Это связано не только с тем, что А.В. Марков изложил свои идеи в более объёмных работах, но и с тем, что для аргументации своей позиции он отказался от обязательного эмпирического подтверждения полученных им результатов, игнорируя опыт других стран и фактическое состояние исследуемого объекта в Республике Беларусь.

Поясним это подробнее. А.В. Марков в книге «Государственная инновационная политика: теоретические основы и механизм реализации»¹⁰⁶ пишет, что «весьма перспективным для страны, по нашему мнению (А.В. Маркова. – *Примеч. авт.*), может стать экспорт (перенос) научных исследований в экономические регионы мира, являющиеся наиболее продвинутыми в научном обеспечении (обосновании) направлений инновационного развития, относящихся к числу национальных научно-технических приоритетов»¹⁰⁷. Но такого рода положение не соответствует практике организации научных исследований в других странах. Так, например, «если предприятие, действующее на территории США, приобретает научно-исследовательскую или технологическую разработку у другой фирмы-резидента указанного государства, то затраты на её приобретение полностью вычитаются из федерального налога, который эта фирма платит государству. Если же американская компания-лицензиат работает, например, в Европе или в Азии, то понесённые затраты компенсируются частично. Такой подход способствует тому, что каждая корпорация, имеющая филиалы в различных странах, все свои научные центры, лаборатории старается переместить на территорию США. Указанная налоговая политика способствует превращению США в научный центр мирового масштаба по аккумулярованию в стране интеллектуального потенциала и постепенному вытеснению в другие страны низкоинтеллектуального труда»¹⁰⁸. М.В. Мясникович

---

¹⁰⁶ Марков А.В. Государственная инновационная политика: теоретические основы и механизм реализации. – Минск: Право и экономика, 2005.

¹⁰⁷ Там же. – С.220.

¹⁰⁸ Воронецкий Л. Интеллектуальной собственностью нужно управлять // Беларуская думка. – 2001. – № 8. – С.104–114.

однозначно указывал, что, «если мы, как страна, хотим иметь достойное и суверенное будущее, в основу своего развития мы должны поставить знания, развитие своего научно-технического потенциала. Поэтому с самого начала одной из стратегических задач Президента Республики Беларусь, Правительства нашей страны всегда было сохранение и развитие как фундаментальной, так и прикладной науки»¹⁰⁹.

В указанной книге А.В. Марков даёт не подтверждённую расчётами негативную оценку белорусского научного потенциала: «Сегодня почти половина финансовых ресурсов, выделяемых из республиканского бюджета на развитие науки в Беларуси, распределяется через научно-технические программы и проекты. Однако их эффективность при этом недостаточно высока»¹¹⁰. Названная негативная точка зрения на научный потенциал по существу опровергается А. Юриным. «В рамках государственных научно-технических программ, – пишет А. Юрин, – объём внедрённых научных разработок за последние 3 года вырос в 5,3 раза. В прошлом году (здесь речь идёт о 2003 г., т.е. примерно о том же периоде, о котором пишет и А.В. Марков. – *Примеч. авт.*) по результатам выполнения ГНТП было выпущено товарной продукции на 475 млн долларов (для сравнения: базовое бюджетное финансирование белорусской науки в 2003 г. составило 80 млн долларов)»¹¹¹.

Несложно заметить, что в рассмотренных примерах применения приёма подмены оснований наблюдается и научно не обоснованное использование классификации (или типологизация исследуемого объекта), включающее в себя подмену теоретико-методологического обоснования голословным декларированием.

Таким образом, проведённый нами системный анализ наличия подмены оснований в экономическом дискурсе в Республике Беларусь не только показал, что он присутствует, но и подтвердил наличие экономических (симуляционно экономических) текстов, при на-

---

¹⁰⁹ *Мясникович М.В.* В новом веке движение вперед возможно только на научной основе. – URL: http://www.soyuzgos.ru/2008/22/22_07_Mjasnikovich.html (дата обращения: 18.01.2017).

¹¹⁰ *Марков А.В.* Государственная инновационная политика: теоретические основы и механизм реализации. – Минск: Право и экономика, 2005. – С.221.

¹¹¹ *Юрин А.* Запустили конвейер // Поиск. – 2004. – № 21. – С.10–13.

писании которых: преднамеренно или системно не соблюдались общенаучные подходы; наблюдался отказ от обязательного эмпирического подтверждения полученных учёными-экономистами результатов; произвольно, научно необоснованно использовалась классификация или типологизация исследуемого объекта, когда теоретико-методологическое обоснование такого выбора подменялось идеализацией объекта исследования.

Прежде чем перейти к описанию инструментов ложной аргументации, эффективно используемых в современном экономическом дискурсе, оговорим некоторые рабочие понятия. Итак, под экономическим дискурсом мы понимаем сложное коммуникативное явление, обусловленное прежде всего социально-культурным контекстом; это дискурс, имеющий свои собственные цели, которые определяются типом социальной активности индивида; он всегда адресован, поскольку имеет свою цель воздействия, и, как следствие, находится в постоянной борьбе с другими институциональными дискурсами. Под инструментами же мы понимаем средства (приёмы, методы, стратегии), применяемые для достижения определённых целей в процессе ложной аргументации.

В основе выделенной нами классификации лежит типология ложных доводов, предложенная Д. Халперн¹¹². Однако выбранный нами объект исследования – экономический дискурс – накладывает на данную типологию определённые ограничения, что требует более детальной методологической проработки относительно конкретного объекта.

Рассмотрим наиболее распространённые инструменты (методы) подмены оснований, используемые в современном экономическом дискурсе. Отметим, что эти инструменты, как правило, не используются в отдельности, на практике они различным образом комбинируются и дополняют друг друга. Более того, ввиду большой взаимозависимости этих инструментов их разграничение является условным.

1. Метод аналогии. Внушение при помощи аналогии заключается в выстраивании интуитивно понятных, эмпирически привычных цепочек с целью получения ложного результата. Приведём не-

---

¹¹² *Халперн Д.* Психология критического мышления. – 4-е междунар. изд. – СПб.: Питер, 2000.

сколько примеров. В 40–50-е гг. в ФРГ были проведены ордолиберальные реформы, суть которых заключалась в том, «что только хозяйственный порядок, основанный на свободе и ответственности каждого индивидуума, может эффективно обеспечить общество ограниченными благами и неуклонно повышать всеобщее благосостояние. Для этого требуются не нравственные сверхлюди, а общие институциональные условия, которые таким образом регулируют хозяйственную деятельность индивидуумов (естественно, реализующих свои интересы), что, в конечном счёте, от этого выигрывают все»¹¹³.

Проводя аналогичную параллель, ориентируясь при этом на успешный опыт Германии послевоенного периода, нередко можно услышать призывы экспертов о необходимости введения принципов «рыночной свободы» и «социального выравнивания» и в Республике Беларусь. Вместе с тем в экономической науке нет единого мнения о том, насколько институциональные условия привели к немецкому экономическому чуду в упоминаемый период. Более того, ряд исследователей прямо заявляют, что эволюция институтов является не причиной, а результатом интенсивного экономического роста.

В контексте нашего исследования не так важно, кто из них прав и что именно было главным фактором немецкого экономического чуда. Важно то, что ряд белорусских экономистов для аргументации своей позиции, часто довольно спорной, апеллируют не к практике хозяйствования или к «беспорным» парадигмальным экономическим концептам, а к заведомо дискуссионному положению, т.е. применяют метод аналогии с целью подмены оснований. Более того, сегодня большинство белорусских и зарубежных учёных-экономистов и социальных философов справедливо считают, что механический перенос опыта одной страны в другую приносит больше вреда, чем пользы. Это определяется различными цивилизационными и культурными особенностями.

2. Метод ложных идеалов. С помощью этого инструмента складывается, например, что какая-то страна сегодня обеспечивает

---

¹¹³ Сорвилов Б.В. Пять десятилетий социальному рыночному хозяйству Германии: поучительные уроки прошлого и современность // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 1999. – № 2. – URL: <http://evolutio.info/content/view/300/50> (дата обращения: 13.12.2016).

всем своим гражданам высокий уровень жизни, и это тиражируется посредством кино, литературы, что видят во время поездок туристы, стажёры и т.д. Делается ложный посыл, что, следовательно, и нам надо создавать такую же модель хозяйствования. При этом различия исторического характера, как правило, игнорируются.

Например, во Франции VII–VIII вв. производительность аграрного труда была в 3 раза выше, чем у восточных славян (по причине различных природно-климатических условий). И что бы славяне ни делали, они этого изменить не могли. Начиная с раннего Средневековья за счёт жестокого обращения со своим населением, а тогда Франция была самым многочисленным государством Европы, её правящим классам удалось накопить колоссальные богатства. И никто сегодня не вспомнит, что ещё в XVI в. вспороть живот крестьянской девушке просто для того, чтобы погреть ноги во время дождя, вызывало такую же реакцию у придворных Генриха IV, как сегодня, когда молодой человек плюнет на тротуар, идя рядом с девушкой. И вот в таких условиях французам удалось накопить колоссальные богатства, которые в эпоху колониальных войн были в десятки раз преувеличены. И именно в таких условиях им удалось построить общество, в котором они сегодня живут. Классовая дифференциация во Франции, безусловно, есть, но она не видна. В результате в сознание людей закладывают ложную ценность, соответственно, вырабатывается представление, что у нас всё плохое, что мы всё делаем неправильно, и, как результат, человек сам для себя выстраивает ложную аргументацию, поскольку исходит из правоты им же самим выстроенной идеальной модели. А дальше человек обманывает сам себя. Если этот человек получил неплохое экономическое образование и по какой-то причине не изменил мышление, если у него были преподаватели-либералы, он заведомо будет использовать модели, которые недееспособны в любой другой экономике (скажем, кроме английской, если он учился в Англии). Отсюда инструмент – ложные ценности и самовнушение. Отказаться от этого очень сложно, т.к. в этом случае человеку нужно признать, что он долгое время учился не так и не тому. На это могут пойти лишь единицы, а остальные будут воспринимать подобную аргументацию как истинную.

Примером использования метода ложных идеалов также является либерально-рыночная демагогия, когда под лозунгами демократии и рыночного либерализма происходит переход к рассмотрению

вымышленных экономических систем за счёт отказа от объективности экономических интересов и от детерминированности любой экономической деятельности экономическими интересами.

3. Метод ложной дихотомии. Суть данного метода заключается в ложном противопоставлении феноменов. При этом предполагается, что всегда находятся 2 объекта (явления), прямо противоположных. Если речь идёт об идеальных моделях, рассматривающих субстанционально-гносеологические явления, по существу категорические императивы, то такого рода подход может быть теоретически оправдан (хоть и далеко не всегда) в философии. Например, противопоставление жизни и смерти, веры и безверия. В экономической же науке даже на субстанционально-гносеологическом уровне (наиболее абстрактном) часто рассматриваются смешанные, переходные явления. На бытийном уровне, т.е. в реальных экономических системах общества, никогда не существовали, например, абсолютно рыночные отношения, нигде не было абсолютной конкуренции и т.д. Искусственное же противопоставление тех или иных экономических феноменов, например плана и рынка, независимо от того, почему это происходит (от теоретической неграмотности или в результате злого умысла), всегда выступает методом подмены оснований в экономическом дискурсе.

4. Метод спекуляции на обращении к гордости или тщеславию. Названный метод основан на спекуляции, злоупотреблении таким очень важным для любого народа чувством, как национальная гордость, без которого невозможно не только существование суверенного государства, но и накопление социального капитала на уровне общества. Патриотизм всегда произрастает на почве национальной гордости. Японское экономическое чудо во многом объясняется чувством национальной гордости японской нации. Поскольку национальная гордость свойственна большинству белорусов, то многие недобросовестные исследователи-экономисты пытаются использовать это в качестве инструмента подмены оснований в экономическом дискурсе. Это становится возможно ещё и потому, что «общепризнанным ведущим свойством языковых знаков считается его (знака) произвольность, основанная на независимости означающего от означаемого, несмотря на тесную и неразрывную их связь. Именно произвольность формы языковых знаков, – справедливо отмечает З.А. Харитончик, – ярчайшим образом демонстрируемая

многообразием языков мира, недетерминированность на синхронном срезе формы знака планом его содержания, позволяет создание, казалось бы, совершенно условных наименований, составленных из определённых сочетаний звуков»¹¹⁴. Такого рода особенности языковых знаков делают возможным за счёт подмены их смысла наполнять новым, необходимым манипулятору смыслом.

Все видели, как спекуляции на национальной гордости части населения Украины («мы – не Россия, мы – европейцы и, как только подпишем соглашения об ассоциации с ЕС, сразу будем жить, как в ФРГ») ввергли эту страну в экономический хаос и привели к политической вакханалии. Для Беларуси проблема использования для подрыва народного хозяйства такого метода подмены оснований в экономическом дискурсе, как спекуляция на чувстве национальной гордости, по-прежнему остаётся актуальной. Правда, не в такой степени, как это было 5 лет назад, поскольку после событий на Украине большинству белорусов стало понятно, к чему это приводит на практике. Сам по себе этот инструмент подмены оснований в экономическом дискурсе, выстраиваемый на спекуляции на чувстве гордости от чего бы то ни было, направлен на упрощение и, соответственно, искажение восприятия хозяйственной практики и её теоретического отражения. У каждой страны есть свои экономические интересы, есть объективная рыночная реальность, и надо из них исходить. Например, сегодня товарооборот Вьетнама в 4 раза больше с США, чем с Российской Федерацией (и это несмотря на то, что вьетнамцы по-прежнему не любят американцев!).

5. Метод подтасовки или сокрытия информации. Иначе говоря, подмена логических теоретических умозаключений непрерывным приведением примеров. В результате, поскольку экономическая жизнь очень сложна, можно привести 2–3 примера, а на остальные обстоятельства не обратить внимания, и у нас получится совершенно другая картина. К сожалению, в условиях, когда экономические науки разделились на множество частных научных дисциплин, когда методологическое, системообразующее значение общей экономической теории или политэкономии принижено, получается, что в рамках того или иного экономического направления учёные, зная это

---

¹¹⁴ Харитончик З.А. В поисках сущности имён. Избранное: сб. науч. статей. – Минск: МГЛУ, 2015. – С.33.

очень хорошо, но намного хуже зная другое, так или иначе, исходя из своих научных интересов, начинают подменять один тезис другим. Например, финансист будет рассматривать все проблемы экономики через финансовую нестабильность. Аграрий будет рассматривать те же проблемы через урожайность и продовольственную безопасность; представитель торговли – через развитие сферы услуг, причём именно торговых услуг и т.д. А в результате получается, как в известной притче про слона и слепых мудрецов, которые его описывали: тот, кто подошёл к хоботу, сказал, что слон – это огромная гибкая труба, тот, кто подошёл к хвосту, сказал, что слон – это маленькая тоненькая кожаная верёвочка, тот, кто обхватил слона за ногу, сказал, что слон – это огромная колонна.

Более того, в ряде случаев для доказательства каких-либо несостоятельных фактов используют такой приём, как рейтинги. Сегодня рейтинговая экономика, или же управление экономикой при помощи рейтингов, очень развита. Она применяется для лоббирования своих интересов, когда конкуренту удалось поставить низкий финансовый рейтинг и он будет от вас же получать более дорогие кредиты. Неслучайно в 2008 г. европейские компании пытались запретить американским рейтинговым агентствам публиковать прогнозы по европейской экономике. Заключая, что какая-то страна «плохо выглядит» по такому-то рейтингу, они тут же давали рекомендации, как его повысить. Но ведь цель экономики в глобальном смысле – не повышение каких-то рейтингов, а в целом обеспечение материальной базы для деятельности всей экономики и для жизнедеятельности людей.

6. Метод порочного круга. В данном случае лучше говорить о неправильном обращении к первоисточникам либо отказе от чёткого определения исходных понятий. В основу положены следующие приёмы: не определяются исходные понятия, вместо научно обоснованных терминов и понятий используются интуитивно понятные бытовые наименования, наблюдаются отказ от цитирования точек зрения различных авторов, «вырывание» из контекста либо искажение суждений других авторов. Получается, что произвольно, без методологической основы выстраивается определённая аргументация. Примером использования этого инструмента подмены оснований в экономическом дискурсе является отказ от обязательного определения базовых категорий, исходных понятий в начале любого теоретического экономического исследования.

7. Метод подмены целого его частью. Классический пример в современной экономической науке, когда говорят, что необходимо развивать рынок, забывая о том, что экономическая система общества включает в себя не только рынок, но и огромное количество нерыночных институтов и инструментов, например домашние хозяйства, и что рынок хотя и является частью экономической системы, но далеко не самой важной. Экономика сама по себе не должна довлеть над обществом, интересы общества выше интересов экономики, и экономика создана для общества, а не люди для экономики. Когда мы рассматриваем, например, монетарные методы в экономике, т.е. через регулирование объёма денежной массы, фискальной политики, то можно прийти к выводу, что если всё хорошо с фискальной системой, что если правильно выставлена учётная ставка и отрегулирован объём денежной массы, то экономика будет функционировать хорошо с точки зрения монетаристов – да, но это только часть экономики, и цели монетарной банковской системы не совпадают с целями общества в целом. Людям нужны обеспеченная занятость, стабильный доход, социальное благополучие и многое другое. Всё это может отсутствовать при наличии отлаженной банковской системы. Может существовать финансовый банковский капитал, которому сегодня в ряде стран люди только мешают. Капитал обладает спекулятивным свойством и может функционировать с минимальным количеством людей, сам себя воспроизводя.

Таким образом, среди критериев, которые позволяют оценивать состояние современного экономического дискурса, были выделены: степень и последовательность соблюдения в экономической теории и в частных экономических науках общенаучных методов; степень и последовательность соблюдения в экономических науках исторического подхода; степень и последовательность соблюдения в экономической теории вообще и в политэкономии в частности социально-философских и политологических парадигмальных установок, в основу которых положена позитивная государственная идеология; степень догматизма и идеализации в экономической теории и частных экономических науках исходных положений, выводов и рекомендаций; количество фактически существующих национальных научных школ и направлений; уровень самостоятельности отечественной экономической науки.

Основными признаками наличия подмены оснований в экономическом дискурсе в Республике Беларусь являются: преднамеренное или системное несоблюдение общенаучных подходов; отказ от обязательного эмпирического подтверждения полученных результатов; произвольная, научно не обоснованная классификация или типологизация исследуемого объекта.

К основным инструментам подмены оснований в экономическом дискурсе в Республике Беларусь относятся аналогия, ложные идеалы, упор на равенство, ложная дихотомия, обращение к гордости и тщеславию, подтасовка или сокрытие информации, порочный круг, часть – целое.

Глава III

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Обеспечение перехода к новому качеству экономического роста невозможно без реализации продуманной, последовательной промышленной политики, исследование которой приобретает особую актуальность в контексте развития интеграционных объединений с участием Республики Беларусь и Российской Федерации, в частности, становления Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС).

Феномен промышленной политики является чрезвычайно интересным объектом исследования. Несмотря на кажущуюся простоту понятия и стандартный набор инструментов, используемых в промышленной политике различных стран, в каждой стране она уникальна. Речь идёт не только о степени государственного воздействия на экономические процессы (от полного отрицания промышленной политики как таковой до всеобъемлющего государственного контроля в условиях командно-административной системы). Уникальность промышленной политики каждого государства определяется в первую очередь уникальностью самих экономических отношений в стране, её историческим, культурным, религиозным и мировоззренческим контекстом. Например, в вопросе распределения средств государственной поддержки (инструмент промышленной политики, который используется практически во всех странах) решающими могут оказаться не экономическая целесообразность и интересы страны, а интересы отдельных чиновников (коррупционная составляющая), или олигархических структур (в США лоббирование интересов корпораций закреплено даже законодательно), или кланов (жузовая иерархия в Казахстане). Известно, что в разных странах одни и те же действия со стороны государства имеют совершенно различный эффект и приводят к совершенно разным результатам. Отсюда следует, что для того, чтобы получить определённый (желаемый) эффект в нескольких странах, необходимо в каждой из них использовать уникальную, отличную от других систему принципов, инструментов и целей государственной координации экономического процесса в промышленности, т.е. промышленную политику.

Исторически сложившаяся в Беларуси индустриальная структура экономики, экспортная ориентация её производства наряду

с практически полной ресурсно-сырьевой зависимостью от импорта в условиях ускорения научно-технического прогресса и глобализации мировой экономики, обострения экономических и политических противоречий между соседними государствами как никогда остро ставит задачу построения адекватной государственной промышленной политики в соответствии с национальными особенностями и интересами.

Интеграционная динамика государств-членов ЕАЭС обусловлена стремлением к расширению рынков сбыта, снижению транзакционных издержек, повышению инвестиционной привлекательности промышленных предприятий, ориентированных на общий рынок ЕАЭС. Экономическая логика подсказывает, что данные ожидания вполне обоснованны. Для повышения уровня промышленного сотрудничества в ЕАЭС имеются объективные исторические и экономические предпосылки.

На практике высокая степень пересечения интересов хозяйствующих субъектов на рынках как внутри, так и за пределами ЕАЭС ведёт к усилению конкуренции внутри союза, политике импортозамещения каждой из стран по отдельности, активному применению нетарифных барьеров. Доля взаимного товарооборота стран-участниц ЕАЭС составляет лишь 13,5% их общего товарооборота. Для сравнения: аналогичный показатель в Евросоюзе составляет 60,8%. Взаимный экспорт продукции обрабатывающей промышленности государств-членов ЕАЭС в 2014 г. занял лишь 4,6% общего рынка. В динамике (начиная с 2012 г.) взаимный товарооборот государств-членов ЕАЭС стремительно снижается. Всё это определяет высокую актуальность рассматриваемого вопроса, особенно в условиях обострения международной конкуренции на межрегиональном, а точнее – на межблоковом уровне.

Международные цепочки добавленной стоимости в последнее время всё чаще становятся объектом внимания не только производителей, но и государственных структур национального и наднационального уровня. Вопрос доступа на национальные рынки, участия в производственных цепочках, доступа к современным технологиям переходит из сферы рыночных, конкурентных отношений между производителями в область экономико-политических отношений между государствами или группами государств. Условия торговли и производственная кооперация зачастую становятся рычагами политиче-

ского давления через прямые запреты на передачу технологий, экспорт высокотехнологичного оборудования, эмбарго, «чёрные списки» для компаний, программы импортозамещения и пр.

Рост числа интеграционных образований и количества их членов, который мы наблюдаем в международной экономике, можно расценивать как защитную реакцию стран, чьи национальные экономики и промышленные комплексы несут потери от согласованной внешнеэкономической политики стран-контрагентов, объединившихся между собой. В то же время экономическая эффективность большинства интеграционных объединений в силу слабой скоординированности их действий пока невысока. Всё это делает проблему согласования промышленных политик нескольких стран чрезвычайно актуальной как с теоретической точки зрения разработки теории согласованной промышленной политики, так и с практической – разработки механизма формирования согласованной промышленной политики государств-членов ЕАЭС.

Экономическая сущность промышленной политики страны раскрывается в трудах А. Татаркина¹¹⁵, В. Завадникова¹¹⁶, А. Нецадина¹¹⁷, И. Липсица¹¹⁸, С. Бадмаева¹¹⁹, Е. Потаповой, С. Толкачева¹²⁰, Д. Львова¹²¹, О. Сухарева¹²², однако указанные авторы специализи-

---

¹¹⁵ Татаркин А.И., Романова О.А. Промышленная политика и механизмы её реализации: системный подход // Экономика региона. – 2007. – № 3. – С.19–31.

¹¹⁶ Завадников В. О промышленной политике Российской Федерации // Общество и экономика. – 2007. – № 2–3. – С.5–39.

¹¹⁷ Нецадин А. О реструктуризации российской промышленности // Проблемы теории и практики управления. – 2000. – № 4. – С.19–31.

¹¹⁸ Липсиц И.В. Экономика: учеб. для вузов. – 5-е изд. – М., 2010.

¹¹⁹ Бадмаев С.В. Формирование модели инновационно-промышленной политики России // ЭКО. – 2007. – № 4. – С.17–52.

¹²⁰ Потапова Е.Н., Толкачев С.А. Промышленная политика и государственное регулирование экономики (Современные аспекты российской практики). – URL: <http://kapital-rus.ru/articles/article/184742> (дата обращения: 17.01.2017).

¹²¹ Львов Д.С. Новая промышленная политика России // Экономическая наука современной России. – 2007. – № 3. – С.9–12.

¹²² Сухарев О.С., Стрижакова Е.Н. Индустриальная политика и развитие промышленных систем // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – № 15. – С.2–21.

руются только на российской экономике. Изменение задач промышленной политики в глобализирующейся экономике описано в работах Л. Бляхмана¹²³, Ю. Малышева¹²⁴, В. Княгинина, П. Щедровицкого¹²⁵, М. Кротова¹²⁶. Особенности промышленной политики при переходе к рынку в России исследуются в работах М. Барабанова¹²⁷, Е. Примакова¹²⁸, изучением приоритетов промышленной политики занимались И. Рукина¹²⁹, Д. Рубвальтер¹³⁰, Д. Сотников¹³¹. Теоретические основы региональной промышленной политики, практика её формирования и механизм реализации освещены в исследованиях И. Гришина¹³², К. Титова¹³³, А. Кузнецова, А. Татаркина¹³⁴, О. Романовой,

---

¹²³ *Бляхман Л.С.* Промышленная политика – основа перехода к новой модели экономического роста // Проблемы современной экономики. – 2013. – № 1. – С.7–17.

¹²⁴ *Малышев Ю.А., Камалов А.И.* Новая парадигма региональной промышленной политики // Вестник Пермского университета. Серия «Экономика». – 2011. – № 1. – С.7–23.

¹²⁵ *Княгинин В.Н., Щедровицкий П.Г.* Промышленная политика России – кто оплатит издержки глобализации? // Современная национальная политика России. – М.: Академкнига, 2004. – Вып. 1. – С.106–108.

¹²⁶ *Кротов М.И.* Проблемы модернизации экономики России в условиях евразийской интеграции // Проблемы современной экономики. – 2013. – № 1. – С.18–21.

¹²⁷ *Барабанов М.* Промышленная политика России // Международная экономика и международные отношения. – 1994. – № 1. – С.92–102.

¹²⁸ *Примаков Е.М.* Государственная политика промышленного развития: От проблем к действиям / под ред. Е.М. Примакова, В.Л. Макарова. – М.: Наука, 2004.

¹²⁹ *Рукина И.* О приоритетах промышленной политики // Экономист. – 2003. – № 12. – С.61–64.

¹³⁰ *Рубвальтер Д.* Промышленная политика: проблемы выработки приоритетов // Власть. – 2007. – № 12. – С.27–37.

¹³¹ *Сотников Д.М.* Критерии выбора приоритетов государственной промышленной политики // Вестник МГУ. Серия «Экономика». – 2007. – № 1. – С.17–32.

¹³² *Гришин И.А.* Региональная промышленная политика развития малых предприятий: дис. ... д-ра экон. наук. – Волгоград, 2007.

¹³³ *Титов К.Э.* Региональная промышленная политика: цели, задачи, приоритеты // Вопросы экономики. – 2007. – № 5. – С.264–266.

¹³⁴ *Татаркин А.И., Романова О.А., Чененова Р.И., Макарова И.В.* Региональная промышленная политика: от макроэкономических условий формирования к механизмам реализации. – М.: Экономика, 2012.

Р. Чененовой, А. Гребенкина¹³⁵, Б. Алиева¹³⁶. Вопросами эволюции государственной промышленной политики в СССР и Российской Федерации занимались Е. Бодрова, М. Гусарова, В. Калинов¹³⁷. Взаимодействие социально-экономических интересов при формировании промышленной политики рассматривал И. Кушнир¹³⁸.

В Казахстане исследованием промышленной политики занималась М. Кенжебаева¹³⁹, изучением отдельных вопросов, связанных с индустриально-инновационной модернизацией промышленности и анализом факторов и направлений индустриального развития республики, – А. Жупарова, Ж. Давильбекова, Н. Нурланова¹⁴⁰, основное внимание при этом было уделено региональному аспекту.

В Армении некоторые вопросы промышленной политики раскрыты А. Барсебяном, Ю. Суваряном, М. Чобаняном, А. Вагаршакяном¹⁴¹.

---

¹³⁵ *Татаркин А.И., Романова О.А., Гребенкин А.В., Акбердина В.В.* Экономико-технологическое развитие региональных промышленных систем: теория, методология, практика / под ред. А.И. Татаркина. – М., 2011.

¹³⁶ *Алиев Б.Х.* Формирование и реализация промышленной политики в депрессивном регионе: дис. ... д-ра экон. наук. – Махачкала, 2001.

¹³⁷ *Бодрова Е.В., Гусарова М.Н., Калинов В.В.* Эволюция государственной промышленной политики в СССР и Российской Федерации / под общ. ред. Е.В. Бодровой. – М., 2014.

¹³⁸ *Кушнир И.Ю.* Взаимодействие социально-экономических интересов при формировании промышленной политики: дис. ... канд. экон. наук. – М., 2003.

¹³⁹ *Кенжебаева М.Т.* Основные подходы к определению промышленной политики // Вестник КазНУ. – 2011. – № 1. – С.7–12.

¹⁴⁰ *Жупарова А.С.* Характеристика современного этапа развития промышленности Республики Казахстан. – URL: <http://articlekz.com/node/3786> (дата обращения: 17.10.2016); *Давильбекова Ж.Х.* Промышленность Казахстана: опыт, проблемы, прогноз (на примере металлургии). – Алматы: Гылым, 1999; *Нурланова Н.К.* Региональная парадигма устойчивого развития Казахстана: проблемы теории и практики. – Алматы, 2010.

¹⁴¹ *Барсебян А.С.* Гармонизация промышленной и торговой политики Армении с учётом экономической безопасности: дис. ... канд. экон. наук. – Краснодар, 2010; *Суварян Ю.М., Чобанян М.Х.* Концепция реформирования территориального и местного самоуправления Республики Армения // Сборник научных статей (28 ноября – 2 декабря 2006 г.). – Ер.: РАУ, 2007. – С.54–63; *Вагаршакян А.В.* Регулирование деятельности промышленных предприятий субъектов естественных монополий (на примере Республики Армения): дис. ... канд. экон. наук. – СПб., 2007.

В Кыргызстане отдельные проблемы развития промышленности изучали С. Орозбаков¹⁴², Г.А. Тургунбаева¹⁴³, Ш.М. Мусакожоев, З.И. Кудабаяев, В.Г. Бубнов¹⁴⁴.

В Беларуси вопросы государственного регулирования и прогнозирования развития промышленного комплекса исследовали С.Ф. Миксюк и И.Л. Телеш¹⁴⁵, М.В. Мясникович, Н.Б. Антонова, Л.Н. Нехорошева¹⁴⁶, А. Филиппов¹⁴⁷, С.А. Пелих¹⁴⁸, С.С. Сидорский¹⁴⁹, А.М. Сасим¹⁵⁰, В.Ф. Байнев¹⁵¹, Е.Н. Филиппенко, М.С. Белявская,

---

¹⁴² См.: О приоритетах в Кыргызской экономике. – Бишкек, 2006. – URL: <http://www.analitika.org/index.php/kyrgyzstan/kg-economics/9795-20060312110508604> (дата обращения: 16.09.2016).

¹⁴³ *Тургунбаева Г.А.* Вопросы развития конкурентоспособности пищевой перерабатывающей промышленности: на примере АПК Кыргызской Республики: дис. ... канд. экон. наук. – Бишкек, 2002.

¹⁴⁴ *Мусакожоев Ш.М., Кудабаяев З.И., Бубнов В.Г., Тургунбаева Г.А.* Мониторинг промышленного производства // Экономический вестник. – Бишкек, 2001. – № 2. – С.71–84.

¹⁴⁵ *Миксюк С.Ф., Телеш И.Л.* Концептуальные и методические подходы к среднесрочному прогнозированию развития промышленного комплекса Республики Беларусь // Белорусский экономический журнал. – 2008. – № 1. – С.36–45.

¹⁴⁶ *Мясникович М.В., Антонова Н.Б., Нехорошева Л.Н.* Государственное регулирование инновационной деятельности: учеб. пособие. – Мн.: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2005.

¹⁴⁷ *Филиппов А.М.* Отраслевая политика и экономическое развитие: проблемы теории. – Горки, 2006.

¹⁴⁸ *Пелих С.А.* Концептуальные основы формирования промышленной политики в Республике Беларусь. Институциональная политика или создание «рамочных» условий хозяйствования // Государственное регулирование экономики и повышение эффективности деятельности субъектов хозяйствования: XI Международная науч.-практ. конф. (Минск, 16–17 апреля 2015 г.): сб. науч. статей / редкол. И.И. Ганчеренок и др. – Минск, 2015. – С.267–270.

¹⁴⁹ *Сидорский С.С.* Промышленное сотрудничество в ЕАЭС – мощный фактор экономического развития. – URL: <http://respublika.sb.by/obshchestvo-27/article/promyshlennoe-sotrudnichestvo-v-eaes-moshchnyy-faktor-ekonomicheskogo-razvitiya.html> (дата обращения: 20.12.2016).

¹⁵⁰ *Сасим А.М.* Промышленность Беларуси в XX столетии: учеб. пособие. – Минск: Эксперспектива, 2001.

¹⁵¹ *Байнев В.Ф.* Факторы деиндустриализации и девальвация национальной валюты как важнейший из них // Белорусский экономический журнал. – 2009. – № 3. – С.14–24.

С.Ю. Солодовников, А.В. Готовский¹⁵². Вопросы обеспечения экономической безопасности промышленного комплекса на стадии его роста рассмотрены в трудах А.Н. Сенько¹⁵³, методика прогнозирования важнейших показателей развития промышленного комплекса разработана И.Л. Телеш¹⁵⁴.

В основном в научных работах в этой области авторы затрагивают проблемы, так или иначе связанные с промышленной политикой, не углубляясь в суть данной экономической категории. Вопросы эволюционной динамики промышленной политики и генезиса концепции развития промышленного комплекса государств-членов ЕАЭС в постсоветский период практически не исследованы.

Тематика промышленной политики в процессе интеграционного взаимодействия нашла отражение в трудах Н.А. Бровко¹⁵⁵, С.Ю. Глазьева¹⁵⁶, И. Михалевича¹⁵⁷, М.Ю. Ильиной¹⁵⁸, А.М. Выжи-

---

¹⁵² *Филиппенко Е.Н.* Промышленная политика в транзитивной экономике // Журнал международного права и международных отношений. – 2010. – № 2. – С.22–26; *Белявская М.С., Солодовников С.Ю.* Понятие промышленной политики // Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы: сб. трудов IX Международной науч.-практ. конф. – Минск, 2015. – С.11–12; *Готовский А.В.* Промышленная политика в Евразийской интеграции // Евразийская экономическая интеграция. – 2015. – № 1 (26). – С.39–65.

¹⁵³ *Сенько А.Н.* Обеспечение экономической безопасности промышленного комплекса Республики Беларусь на стадии его роста: дис. ... д-ра экон. наук. – Минск, 2008.

¹⁵⁴ *Телеш И.Л.* Совершенствование прогнозирования важнейших показателей развития промышленного комплекса Республики Беларусь: дис. ... канд. экон. наук. – Минск, 2010.

¹⁵⁵ *Бровко Н.А.* Развитие экономических интеграционных процессов на современном этапе: дис. ... д-ра экон. наук. – Бишкек, 2011.

¹⁵⁶ *Глазьев С.Ю.* О целях, проблемах и мерах государственной политики развития и интеграции: доклад. – URL: <http://www.elitat.ru/index.php?rubrika=3&st=4601&type=3&lang=1> (дата обращения: 20.12.2016).

¹⁵⁷ *Михалевич И.* Кооперативный соблазн для евразийской промышленности. – URL: http://www.neg.by/publication/2015_05_19_19654.html?print=1 (дата обращения: 20.12.2016).

¹⁵⁸ *Ильина М.Ю.* Единое инновационное пространство как фактор реиндустриализации экономик государств-членов ЕАЭС. – URL: <http://www.webeconomy.ru/index.php?page=cat&newsid=3231&type=news> (дата обращения: 20.12.2016).

товича, П.А. Ершова¹⁵⁹. Проблемой оценки уровня согласованности экономических интересов субъектов региональной промышленной политики занимались Ю.А. Фридман, Г.Н. Речко, О.А. Бияков, Ю.Ш. Блам¹⁶⁰.

Авторы многочисленных публикаций по вопросам интеграции государств-членов ЕАЭС в основном касаются возможностей и перспектив, которые открываются для промышленных комплексов стран-участниц при условии проведения согласованной экономической политики в ЕАЭС, не углубляясь в проблематику практического осуществления данного экономического процесса.

В самом общем плане под промышленной политикой понимается «комплекс мер государственного воздействия на распределение ресурсов общества в целях совершенствования структуры национальной экономики, поддержания конкурентоспособности отдельных отраслей и предприятий, а также экономики в целом на мировых рынках, корректировки негативных последствий действия механизма рынка»¹⁶¹ либо «комплекс правовых, организационно-экономических и управленческих мероприятий, направленных на создание условий для эффективного функционирования производственных структур и обеспечение роста производительности, объёмов выпуска и занятости, разрабатываемых правительствами»¹⁶².

Вместе с тем среди отечественных и зарубежных экономистов нет единства взглядов по проблеме определения сущности и необходимости проведения промышленной политики, что обусловлено целым комплексом факторов. Главными из них были и продолжают

---

¹⁵⁹ *Выжитович А.М., Ершов П.А.* Евразийская интеграция против импортозамещения: противоречия и возможности // Россия и евразийский мир: прошлое, настоящее, будущее: материалы Международной науч.-практ. конф. (г. Новосибирск, 15 мая 2015 г.) / науч. ред. С.В. Козлова. – Новосибирск: СибАГС, 2015.

¹⁶⁰ *Фридман Ю.А., Речко Г.Н., Бияков О.А., Блам Ю.Ш.* Оценка уровня согласованности экономических интересов субъектов региональной промышленной политики // Регион: экономика и социология. – 2008. – № 3. – С.78–96.

¹⁶¹ *Антонова Н.Б.* Государственное регулирование экономики: учебник. – Мн., 2002.

¹⁶² *Сухарев О.С., Стрижакова Е.Н.* Индустриальная политика и развитие промышленных систем // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – № 15. – С.2–21.

оставаться идеологические установки. В СССР отсутствие чёткого понимания промышленной политики как самостоятельной экономической категории предопределялось безусловной необходимостью выполнения решений партийных съездов по развитию народно-хозяйственного комплекса и следованию «генеральной линии коммунистической партии». Соответственно практически не оставалось свободы для дискуссии о мерах, механизмах и формах государственного управления развитием индустриального сектора. Суждения об экономической роли государства, отличные от официально признанной точки зрения, автоматически определялись как оппортунистические и/или антисоветские.

Среди западных экономистов при рассмотрении экономической роли государства идеологическая обусловленность преобладает в работах представителей «мэйнстрима» («основного течения»). Причина этого кроется в том, что в 1960-е гг. в экономической науке начинает доминировать модель идеального рыночного механизма, очищенная от каких-либо социальных факторов. В дальнейшем этой модели был присвоен универсальный характер. В. Радаев справедливо отметил по этому поводу, что «с её помощью (идеальной рыночной модели. – *Примеч. авт.*) стали объяснять самые разные типы существующих рынков вне зависимости от исторической и культурной специфики хозяйства и общества»¹⁶³. По традиции, заложенной Г. Беккером¹⁶⁴, в «мэйнстриме» и теории общественного выбора данная модель начинает активно использоваться даже за пределами анализа собственно хозяйственных отношений в их былом понимании¹⁶⁵. Результатом этого явилось создание рыночной идеологической доктрины, «подпитываемой духом экономического либерализма. Жизнь начала уподобляться рынку, представленному в виде достаточно абстрактной конструкции»¹⁶⁶. Господство рыночной идео-

---

¹⁶³ Радаев В.В. Рынок как объект социологического исследования // Социологические исследования. – 1999. – № 3. – С.28–37.

¹⁶⁴ Becker G. Nobel Lecture: The Economic Way of Looking at Behavior // Journal of Political Economy. – 1993. – Vol. 101. – P.395–396.

¹⁶⁵ Радаев В.В. К обоснованию модели поведения человека в социологии (основы «экономического империализма») // Социологические чтения. – М., 1997. – Вып. 2. – С.177–189.

¹⁶⁶ Радаев В.В. Социология рынков: к формированию нового направления. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – С.22.

логии в рамках «мэйнстрима» привело к тому, что в нём нет места рассмотрению вмешательства государства в экономику как допустимого, положительного момента. Соответственно и промышленная политика в рамках этого научного направления не исследовалась и не исследуется.

Вместе с тем в западной и русскоязычной литературе существует значительный пласт источников по обоснованию экономической государственной политики вообще и промышленной в частности. В. Ойкен, разработавший теоретические основы смешанной экономики, отмечал, что «продавцы и покупатели постоянно пытаются, где только возможно, избежать конкуренции, захватить в свои руки монопольные позиции или утвердиться на них»¹⁶⁷. «Повсеместно существует склонность к созданию монополий – факт, с которым должна считаться любая экономическая политика»¹⁶⁸. В. Ойкен прямо заявил, что «всегда и везде любая хозяйственная деятельность базируется на планах»¹⁶⁹. Разница же между регулируемым рыночным или административно-командным плановым хозяйствами заключается не в отсутствии планирования при рынке, а в различных формах и целях планирования. Применительно к проблеме промышленной политики этот справедливый вывод означает, что и в транзитивной, и в социально ориентированной рыночной экономике названная политика необходима для нормального функционирования народного хозяйства. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в процессе развития и совершенствования современной рыночной экономики значение промышленной политики как целенаправленной системы регулирующих мероприятий государства не ослабевает, а возрастает.

Подчёркивая отличие названного подхода от «мэйнстрима», В. Радаев разделил всех современных экономистов-теоретиков на два типа в зависимости от того, «рассматриваем ли мы рынок, прежде всего, как универсальную аналитическую модель с весьма ограниченным числом переменных, предназначенную для объяснения неких существенных экономических связей, или нашим объектом вы-

---

¹⁶⁷ Ойкен В. Основные принципы экономической политики. – М.: Прогресс, 1995. – С.84.

¹⁶⁸ Там же. – С.85.

¹⁶⁹ Там же. – С.72.

ступают “реальные” рынки... для описания которых мы используем разные аналитические модели с большим общим числом переменных»¹⁷⁰. В Беларуси, как отмечает В. Байнев, в последние годы «на смену рыночно-конкурентной доктрине развития уверенно приходит интеграционная парадигма экономической науки и практики»¹⁷¹.

Но признание необходимости существования промышленной политики автоматически не приводит к корректному определению её понятия. В конце XX в. российскими экономистами предпринимались неоднократные попытки определить промышленную политику, но эти попытки, по справедливому замечанию Б. Алиева, «отличаются недостаточной чёткостью»¹⁷². В экономической энциклопедии (1999) под редакцией Л.И. Абалкина написано: «Политика промышленная (промышленная политика. – *Примеч. авт.*) – комплекс принципов и мер государственного воздействия на распределение ресурсов в целях совершенствования структуры национальной экономики, поддержания конкурентоспособности выпускаемой продукции на мировых рынках, корректировки рыночных механизмов в случаях фиаско рынка»¹⁷³. Данное определение носит расширительный характер и может быть использовано не только для промышленной политики, но и экономической, социальной и структурной. В «Курсе переходной экономики» (1997), вышедшем также под редакцией Л.И. Абалкина, указывается, что в индустриально развитых странах «активизируется такая функция государственного регулирования, как общая координация экономического процесса посредством разработки долгосрочной экономической стратегии, проведения строго ориентированной структурной, научно-технической, инновационной и других форм промышленной политики»¹⁷⁴. Вместе с тем, как отмечалось многими российскими исследовате-

---

¹⁷⁰ Радаев В.В. Социология рынков: к формированию нового направления. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – С.22.

¹⁷¹ Байнев В.Ф. Интеграция вместо конкуренции // Наука и инновации. – 2010. – № 5. – С.55.

¹⁷² Алиев Б.Х. Промышленная политика и экономика. – М.: Экономика, 2000. – С.8.

¹⁷³ Экономическая энциклопедия / гл. ред. Л.И. Абалкин. – М.: Экономика, 1999. – С.577.

¹⁷⁴ Курс переходной экономики / под ред. Л.И. Абалкина. – М.: Финстатинформ, 1997. – С.113.

лями, используемое сегодня понятие «промышленная политика» нуждается в дополнениях¹⁷⁵.

Если с тем, что используемые сегодня определения промышленной политики нуждаются в корректировке, согласны практически все учёные-экономисты, работающие в этой области, то по поводу того, как именно это понятие должно дополняться, существуют серьёзные разногласия. Так, например, К. Грасмик категорично заявляет, что содержанием промышленной политики государства на современном этапе является политика «по созданию и поддержанию конкурентной среды и стимулирования инновационной деятельности в рамках национальной инновационной системы»¹⁷⁶. По нашему мнению, подход названного автора хотя и озвучивает один из важных аспектов промышленной политики – создание конкурентной среды на национальном рынке промышленной продукции, но по существу является определением инновационной политики, а не промышленной. Иначе говоря, в данном случае происходит подмена понятий. Вместе с тем К. Грасмик справедливо подмечает следующую особенность, наблюдающуюся на рынке промышленной продукции: «... преимущество на рынке предприятия получают не столько благодаря наличию вещественных факторов производства, сколько способности быстрее и эффективнее осуществлять нововведения»¹⁷⁷. Действительно, мировой опыт развития промышленности показывает, что лидером в мировой торговле промышленной продукцией становится то государство, которое сумело наладить эффективную систему взаимоотношений между всеми участниками разработки, производства и реализации промышленной продукции за счёт обеспечения «быстрого и эффективного трансфера знания от организаций одного звена инновационного процесса другому, совместной работы рыночных и нерыночных структур по генерации новых знаний, что является необходимым условием капитализации знаний, превращения их в актив»¹⁷⁸. Соответственно на смену конкуренции предприятий приходит конкуренция кластеров, государств и межгосудар-

---

¹⁷⁵ Алиев Б.Х. Промышленная политика и экономика. – М.: Экономика, 2000. – С.9.

¹⁷⁶ Грасмик К.И. Промышленная политика государства как фактор модернизации реального сектора экономики России. – Омск, 2007. – С.5.

¹⁷⁷ Там же. – С.9.

¹⁷⁸ Там же.

ственных союзов. Всё это не могло не повлиять на характер и механизмы современной промышленной политики. Поскольку национальная промышленная политика в индустриально развитых странах направлена, прежде всего, на оптимизацию отношений между хозяйственными субъектами с целью повышения конкурентных преимуществ национальных производителей, то это требует подчинения этой политике иных политик, таких как кадровая, социальная, сырьевая, образовательная и т.д.

В. Стрельникова считает, что «промышленная политика – это система экономических, институциональных и организационных мер, регулируемых органами государственной власти, направленных на повышение эффективности работы промышленности, исходящая из интересов и приоритетов социально-экономического развития страны. Промышленная политика представляет собой отраслевую форму экономической политики, так же как и аграрная, торговая, научно-техническая, транспортная, социальная, финансовая, инвестиционная и т.д. любой сферы или отрасли хозяйственной системы»¹⁷⁹. В данном определении, по нашему мнению, справедливо подчёркивается, что важным компонентом промышленной политики является система экономических, институциональных и организационных мер, регулируемых органами государственной власти, исходящая из интересов и приоритетов социально-экономического развития страны. Вместе с тем В. Стрельникова сужает цель промышленной политики, сводя её только к повышению эффективности работы промышленности, хотя промышленная политика в современных условиях должна решать более глобальные задачи. Сужение названной цели у этого автора происходит потому, что допускается методологическое упрощение, когда промышленная политика рассматривается только как отраслевая экономическая политика и соответственно ставится в один ряд с аграрной, торговой, научно-технической, транспортной.

М.Т. Кенжебаева предлагает следующее определение: «Промышленная политика – это комплекс мер государственного регулирования, направленных на изменение институциональной структуры экономики на основе новейших достижений науки и техники

---

¹⁷⁹ Стрельникова В.В. Промышленная политика в условиях трансформации и модернизации экономики России. – Волгоград, 2005. – С.6.

в целях увеличения конкурентоспособности отраслей, секторов, предприятий и продукции как на внешнем, так и на внутреннем рынках, стимулирование экономического роста, в соответствии с выработанными национальными стратегическими приоритетами на долгосрочную перспективу»¹⁸⁰. В данном определении термин «регулирование» чётко определяет субъект-объектный подход к исследуемой категории, в то время как современные тенденции в системе отношений государства и общества (в том числе субъектов хозяйствования) характеризуются повышением роли партнёрства государства и бизнеса, т.е. и в промышленной политике необходимо вести речь о субъект-субъектных отношениях.

И. Михайлова-Станюта в статье «Промышленная политика страны: анализ и стратегические позиции»¹⁸¹ предлагает исходить из следующего определения промышленной политики: «Промышленная политика – политика, направленная на обеспечение эффективности промышленного производства и конкурентоспособности, содействие техническому прогрессу, а также создание новых рабочих мест»¹⁸². Данное определение не совсем подходит для анализа состояния промышленного комплекса Республики Беларусь. Во-первых, в нашей стране нет проблемы безработицы, а есть проблема обеспечения эффективной занятости для тех трудовых ресурсов, которыми мы располагаем. Поэтому если и выделять в определении такой аспект, как занятость, то надо говорить о росте в промышленности доли рабочих мест с высокой долей добавленной стоимости. Во-вторых, создание новых рабочих мест с высокой долей добавленной стоимости входит в более общее направление, определяемое как инновационное развитие промышленности. В-третьих, хотя в рассматриваемом определении декларируется, что промышленная политика направлена «на обеспечение эффективности промышленного производства и конкурентоспособности», по существу И. Михайлова-

---

¹⁸⁰ Кенжебаева М.Т. Основные подходы к определению промышленной политики // Вестник КазНУ. – 2011. – № 1. – С.264.

¹⁸¹ Михайлова-Станюта И.А. Промышленная политика страны: анализ и стратегические позиции // Вестник Гродненского государственного университета им. Янки Купалы. Серия 5 «Экономика. Социология. Биология». – 2012. – № 3. – С.60–64.

¹⁸² Бизнес. Деловой энциклопедический словарь / под ред. А.Г. Гавриленко. – Минск: Право и экономика, 2003. – С.1.

Станюта выступает, опираясь на либеральную экономическую парадигму, за сокращение промышленного производства. Так, в конце вышеназванной статьи она пишет: «Поэтому стране, не имеющей своего металла, “горевать” о возможном падении доли промышленности или даже машиностроения не стоит, а целесообразно его даже прогнозировать, если не удастся быстро поднять уровень эффективности её отраслей и кластеров»¹⁸³.

Как видим, среди множества определений промышленной политики существуют и такие, которые даются их авторами (или последователями авторов) не для того, чтобы обосновать новые (инновационные) механизмы и направления развития промышленного сектора, а для того, чтобы придать видимость научности и объективности своим предложениям о деиндустриализации нашей страны. В рамках деиндустриального подхода промышленная политика рассматривается по существу как целенаправленная система регулирующих мероприятий государства с целью снижения негативных социальных последствий от ликвидации (или значительного сокращения) промышленного комплекса страны. Однако такой подход не совпадает ни с выбранной стратегией социально-экономического развития страны, ни с объективно сложившимся экономическим потенциалом и структурой национальной экономики Республики Беларусь. В программе развития промышленного комплекса Республики Беларусь на период до 2020 г., утверждённой Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 05.07.2012 № 622, промышленная политика определена как «система правовых и экономических мер и действий субъектов промышленной политики исходя из приоритетного обеспечения конкурентоспособности национальной экономики, стабильного и инновационного социально-экономического развития Республики Беларусь»¹⁸⁴. Хотя данное определение и стра-

---

¹⁸³ Михайлова-Станюта И.А. Промышленная политика страны: анализ и стратегические позиции // Вестник Гродненского государственного университета им. Янки Купалы. Серия 5 «Экономика. Социология. Биология». – 2012. – № 3. – С.64.

¹⁸⁴ Программа развития промышленного комплекса Республики Беларусь на период до 2020 года: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 05.07.2012 № 622. – URL: http://www.economy.gov.by/nfiles/001146_12850_Programma.pdf (дата обращения 27.09.2016).

дает некоторой размытостью, оно задаёт чёткую направленность на развитие национального промышленного потенциала.

Следовательно, в зависимости от задач, стоящих перед исследователями, промышленная политика может трактоваться ими как в широком, так и в узком смысле. При первом подходе она рассматривается как фактор, влияющий на развитие всей национальной экономики через государственное регулирование развития промышленности с использованием большинства макро- и институциональных инструментов управления национальной экономикой. При втором (узком) подходе названная политика рассматривается в исключительно отраслевом разрезе. Исходя из задач нашего исследования, нам подходит первая (расширительная) трактовка, но поскольку и в её рамках до настоящего времени не выработано единого общепризнанного определения промышленной политики, то, опираясь на рассмотренные выше понятия и используя исторический подход (т.е. с учётом специфики современного этапа развития мировой экономики: глобализация, регионализация, ускорение научно-технического прогресса, усиление конкуренции за все виды ресурсов и т.д.), дадим своё интегральное определение промышленной политики. При этом мы будем исходить из её расширенной трактовки.

Таким образом, **промышленная политика** – это система принципов, инструментов и целей государственной координации экономического процесса в промышленности посредством разработки и реализации долгосрочной экономической стратегии развития национального промышленного комплекса, включающей в себя: формирование связей между экономическими субъектами для совместной работы рыночных и нерыночных структур по генерации новых знаний, быстрого и эффективного трансфера знаний и их коммерческого освоения; совершенствование структуры промышленного комплекса за счёт управления распределением ресурсов; создание и поддержание конкурентной среды на рынках промышленной продукции; механизмы поддержания конкурентоспособности отечественной промышленной продукции на национальном и мировых рынках; корректировку рыночных механизмов в случаях, когда они не срабатывают; согласование с социальной политикой.

В зависимости от национальной модели социально-экономического развития будут меняться цели, задачи и механизмы формирования и реализации промышленной политики. В свою очередь,

промышленный комплекс представляет собой совокупность организаций, функционирующих в горнодобывающей, обрабатывающей промышленности, в сфере производства и распределения электроэнергии, газа и воды, а также технологически связанных с ними отраслевых инновационных и научно-исследовательских организаций. Промышленная политика не может быть обособленной, асимметричной, она должна учитывать весь комплекс воспроизводственных социально-экономических связей национальной, региональной (ЕАЭС) и мировой хозяйственной системы.

Среди западных экономистов получило достаточно широкое распространение разделение экономически развитых стран на два типа: страны с производящей экономикой и общество потребления. В Европейском союзе сегодня на постиндустриальной стадии развития находятся страны, условно относящиеся и к первому, и ко второму типу. Для стран с производящей экономикой (например, Германии) характерна эффективно работающая промышленность, отличающаяся широким использованием новейших технологий, со сферой услуг, нацеленной, прежде всего, на обслуживание потребностей национальной промышленности. Для этих государств понятие «постиндустриальная экономика» по существу близко к понятию «сверхиндустриальная экономика», а экономический рост в этих моделях опирается на развитие промышленности и поддерживается им. Развитый финансовый сектор сориентирован в первую очередь на свои внутренние ресурсы и активно используется для внешней экономической экспансии. Именно поэтому деиндустриализация Германии, наблюдавшаяся в 2003–2007 гг. (в частности, за этот период производство автомобилей в ФРГ сократилось на 500 тыс.), тяжело переживалась её экономикой, а инструментом выхода из кризиса 2008–2010 гг. выступила новая промышленная политика, усилившая государственную поддержку немецких автомобилестроителей.

Для обществ потребления характерна иная ситуация. В таких странах (например, в Великобритании) наблюдается постоянное увеличение внешнего долга, а экономический рост – это, прежде всего, рост сферы услуг. По существу для этих стран постиндустриальная экономика – сервисная экономика. Их экономический рост обеспечивается за счёт постоянного увеличения потребления домашних хозяйств, которые для этого используют всё больше и больше заёмных финансовых ресурсов. Такого рода экономическая политика подра-

зумевают развитие не промышленных, а иных технологий, а также усиление зависимости национальной экономики от динамики мировых финансовых рынков. Именно поэтому Великобритания сегодня активно получает китайские кредиты, которые тратятся на приобретение промышленной продукции, произведённой в КНР.

В Республике Беларусь (как и в Российской Федерации) исторически сложилась и динамично развивается производящая экономика. В Беларуси промышленности принадлежит решающая роль в развитии национальной экономики, росте экспортного потенциала страны, размещении производительных сил и формировании научно-технического потенциала. Сегодня белорусский промышленный комплекс включает в себя более 100 отраслей и в структурном отношении представляет собой сложную систему, на долю которой приходится около 30% ВВП, оказывая тем самым существенное влияние на динамику всех показателей национальной экономики. Трудно переоценить значительный вклад промышленности в формирование бюджета и внебюджетных фондов. Промышленность формирует более 90% объёма экспорта и основную сумму валютных поступлений в Республику Беларусь, обеспечивает рабочими местами четверть экономически активного населения страны¹⁸⁵.

Это надо учитывать, когда мы создаём теории перехода нашей страны к постиндустриальной стадии развития. Если вспомнить концептуальные положения основоположника постиндустриального подхода Д. Белла, то можно заметить, что названный автор нигде не говорил об исчезновении промышленного уклада, а только отмечал изменение его экономической роли¹⁸⁶. Причём, поскольку Д. Белл не ставил целью своего исследования детально описать отраслевую структуру постиндустриальной экономики, то оно носит скорее общетеоретический (политико-экономический) характер и не может быть напрямую использовано для разработки политики социально-экономического, технологического, отраслевого и т.д. развития конкретной экономики. Точно так же как для этих целей не может и ни-

---

¹⁸⁵ Программа развития промышленного комплекса Республики Беларусь на период до 2020 года: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 5.07.2012 № 622. – URL: http://www.economy.gov.by/nfiles/001146_12850_Programma.pdf (дата обращения: 27.09.2016).

¹⁸⁶ *Bell D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting.* – New York: BasicBooks, 1973.

когда не мог быть использован такой фундаментальный теоретический труд К. Маркса, как «Капитал».

Именно это вызывало и продолжает вызывать среди научной экономической общественности серьёзную полемику по определению той стадии развития общества, которая сегодня приходит (а в некоторых странах уже пришла) на смену классическому индустриальному обществу капиталистического типа. Примером таких теоретических поисков содержательных характеристик общества, идущего на смену классической индустриальной экономике, может служить значительное разнообразие понятий, применяемых для его описания, например: «терциализация экономики» (К. Кларк, Ж. Фурастье)¹⁸⁷; «сетевое общество» (М. Кастелльс)¹⁸⁸; «общество знаний» (Н. Штер)¹⁸⁹; «информационное общество» (Ф. Махлуп)¹⁹⁰. Для этих целей также используются понятия «посткапиталистическое общество», «конец истории», «постбуржуазное общество», «экологический постиндустриализм», «коммунизм» и др.

Такое обилие подходов к определению общества, идущего на смену индустриальному, свидетельствует о том, что вести теоретические споры даже по всем названным концепциям физически невозможно и что попытки дать определение, претендующее на всеобщность, легко критикуемы как с позиций научной методологии, так и с точки зрения фактуры конкретных стран. Поэтому, говоря об особенностях белорусской экономики, ограничимся констатацией того, что для Республики Беларусь промышленность является краеугольным камнем устойчивого экономического роста, и соответственно, целью нашей промышленной политики будет являться создание сверхиндустриальной экономики, т.е. такой экономики, где, во-первых, изменится характер промышленного производства от массового изготовления до гибкого специализированного в ответ на технологические инновации, во-вторых, будет быстро развиваться сек-

---

¹⁸⁷ *Вередюк О.В.* Детерминанты занятости в концепции постиндустриального общества // Вестник СПбГУ. Серия 5. – 2010. – Вып. 4. – С.36.

¹⁸⁸ *Castells M.* The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I: The Rise of the Network Society. – London and Oxford: Blackwell Publisher, 1996.

¹⁸⁹ *The Knowledge Society / ed. by G. Bohme, N. Stehr.* – Holland, 1984.

¹⁹⁰ *Machlup F.* The Production and Distribution of Knowledge in the United States. – Princeton University Press, 1962.

тор услуг, основанный не на финансовых (спекулятивных) услугах (как в обществе потребления), а на оптимальном соотношении услуг технологических, научных, социальных, финансовых, логистических и т.д., в-третьих, значительно увеличится значение знаний для развития экономики за счёт широкого использования инструментов для быстрого и эффективного трансфера знания от организаций одного звена инновационного процесса к другому, в-четвёртых, будут развиты инструменты партнёрства общества, государства и бизнеса.

В подходах и механизмах реализации промышленной политики различают «жёсткую» промышленную политику, центральным элементом которой выступало централизованное управление промышленностью, включая бюджетную поддержку предприятий через систему госзаказов, госинвестиций, субсидирование и налоговые льготы, торговый протекционизм (установление таможенных барьеров, субсидирование экспорта, квотирование, тарифное регулирование), селекцию национальных чемпионов (технологий, отраслей, фирм), и современную «мягкую» промышленную политику, направленную на повышение конкурентоспособности национальной экономики в условиях открытого рынка и предполагающую использование институциональных и косвенных финансовых механизмов регулирования, поддержки наукоёмкой сферы, в частности системы подготовки кадров, внедрение современных мер патентной защиты, создание условий для упрощения процессов распространения и внедрения инноваций¹⁹¹.

В основе промышленной политики конкретной страны всегда лежат определённые системные принципы, предопределяющие используемые для её реализации инструменты. Во второй половине XX в. для всех эффективно развивающихся рыночных хозяйственных систем была характерна активная и взаимоувязанная государственная политика в области промышленного, социального и научно-технического развития.

Сегодня в нашей стране управление промышленным производством осуществляют отдельные министерства и ведомства, концерны. Ведущую роль играет Министерство промышленности Рес-

---

¹⁹¹ *Княгинин В.Н., Щедровицкий П.Г.* Промышленная политика России – кто оплатит издержки глобализации? // Современная национальная политика России. – М.: Академкнига, 2004. – Вып. 1. – С.106–108.

публики Беларусь, которое занимается разработкой промышленной и научно-технической политики, осуществляет управление отраслями. Ведущими отраслями промышленности, на долю которых приходится примерно 80% объёма выпуска промышленности и около 20% ВВП страны, являются: топливная промышленность (в том числе нефтеперерабатывающая); машиностроение и металлообработка; пищевая промышленность; химическая и нефтехимическая промышленность; электроэнергетика.

В Республике Беларусь разработана Программа развития промышленного комплекса на период до 2020 г., предусматривающая определение направлений, темпов, новой структуры и механизмов развития промышленного комплекса страны, целей и форм адресной государственной поддержки приоритетных направлений развития промышленности. Министерством экономики подготовлена концепция программы, актуальность которой заключается в необходимости определения приоритетов развития промышленности в современных условиях, утверждения стратегии её развития на долгосрочную перспективу. Причиной, обусловившей её разработку, является влияние ряда негативных факторов, воздействующих на развитие промышленности¹⁹²:

- низкая производительность труда (по добавленной стоимости). По данному показателю в обрабатывающей промышленности Беларусь более чем в 4 раза отстаёт от ЕС-27, что делает отечественную промышленную продукцию недостаточно конкурентоспособной на мировом рынке. Между тем даже при неразвитой инфраструктуре выработка на транспорте выше, чем в промышленности, на 12,4%, в отрасли связи – на 51,8%;

- неэффективная отраслевая и технологическая структура промышленного комплекса. На долю высокотехнологичных производств в Республике Беларусь приходится порядка 5,5% выпускаемой промышленной продукции, в развитых странах – 15%, что является одной из причин отставания по уровню производительности труда от экономически развитых стран. Здесь преобладают производства пре-

---

¹⁹² Программа развития промышленного комплекса Республики Беларусь на период до 2020 года: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 05.07.2012 № 622. – URL: http://www.economy.gov.by/nfiles/001146_12850_Programma.pdf (дата обращения: 27.09.2016).

имущественно третьего технологического уклада. Высокотехнологичные производства, выступающие «точками роста» для экономики, занимают долю всего лишь в 4,4%, что крайне мало на фоне средневропейского уровня в 15%. Низкая технологичность становится основной причиной отставания отечественной промышленности по уровню производительности труда от европейских стран;

- высокая затратность промышленных производств при медленных темпах снижения материало- и энергоёмкости промышленной продукции, что отрицательно сказывается на финансовых возможностях предприятий и качестве выпускаемой продукции;

- недостаточный уровень реализации на экспорт и существенная импортоёмкость промышленного комплекса, что усиливает дисбаланс внешней торговли и оказывает нагрузку на валютный рынок страны;

- высокий износ производственных фондов и морально устаревшая инфраструктура (промышленные коммуникации, внутриводская транспортная и складская система (внутренняя логистика)) не позволяют осваивать современные технологии, выпускать продукцию с высоким удельным весом добавленной стоимости, тормозят укрепление экспортного потенциала. Результат – невысокая конкурентоспособность отечественных производителей на внешних рынках;

- недостаточная обеспеченность предприятий собственными оборотными средствами. Имеет место дефицит финансовых ресурсов как для поддержания объёмов производства, так и для инвестирования в техническое перевооружение;

- неэффективная система государственного управления, выраженная в множественности государственных органов, осуществляющих регулирование промышленных организаций. В России, Украине, Казахстане и других странах СНГ промышленность курирует 1–2 министерства, в Беларуси – 8 отраслевых органов управления, что ведёт к заорганизованности подведомственных организаций и отсутствию должного взаимодействия в вопросах совершенствования и развития промышленного комплекса республики;

- недостаточно развитая (вплоть до полного отсутствия) система сервиса и технической поддержки выпускаемой продукции в течение всего жизненного цикла изделия;

- слаборазвитая система менеджмента качества (несоответствие международным стандартам качества, включая систему контроля, техническое регулирование, культуру производства).

Всё это остро ставит задачу проведения структурных преобразований, технической и технологической модернизации, замещения производств устаревших технологических укладов и ускоренного развития наукоёмких производств, совершенствования системы государственного управления промышленным комплексом и возможного создания специального органа, координирующего проведение единой промышленной политики.

В монографии «Государственная антикризисная поддержка крупных и системообразующих компаний: направления, особенности и уроки российской практики»¹⁹³ озвучены базовые задачи и направления антикризисной политики российского правительства, некоторые из них после соответствующей корректировки могут быть использованы при разработке промышленной политики Республики Беларусь в условиях новой индустриализации и интеграции в рамках ЕАЭС. В частности, в данной работе интерес для нас представляет следующее: «расширение доступа компаний к финансовым ресурсам (прямое кредитование госбанками, а также частными банками, получившими государственную поддержку, предоставление субсидий по процентным ставкам и госгарантий, капитализация); снижение нагрузки на бизнес (снижение налоговой нагрузки, введение льгот, уменьшение ввозных таможенных пошлин, снижение административного давления); стимулирование внутреннего спроса...»¹⁹⁴ В названной монографии этих направлений больше, но по тем, по которым в нашей стране накоплен положительный опыт, превышающий российский (например, в сфере социальной политики), нет смысла использовать их разработки.

Инструменты промышленной политики необходимо разделять на 2 типа: 1) те, которые используются в условиях нормального функционирования народнохозяйственного воспроизводственного цикла,

---

¹⁹³ Государственная антикризисная поддержка крупных и системообразующих компаний: направления, особенности и уроки российской практики / Ю.В. Симачев, Д.С. Иванов, М.Ю. Коротков, Б.В. Кузнецов, М.Г. Кузык; науч. ред. А.Д. Радыгин. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012.

¹⁹⁴ Там же. – С.22.

и 2) те, которые применяются в условиях кризисов (или очевидного сползания к кризису). Во втором случае, как правило, используются инструменты государственной поддержки системообразующих промышленных предприятий для недопущения катастрофического развития событий при неблагоприятном стечении обстоятельств. К антикризисным инструментам промышленной политики могут быть отнесены такие, как: ускоренная амортизация или отказ (для государственных предприятий) от амортизационных отчислений; льготное кредитование при приобретении промышленной продукции отечественного производства; государственные закупки; беспроцентные займы предприятиям жилищно-коммунального хозяйства и агропромышленного комплекса для приобретения отечественной техники; субсидирование части процентной ставки по кредитам промышленным предприятиям лесопромышленного комплекса на создание межсезонных запасов древесины, сырья и топлива; предоставление государственных гарантий системообразующим промышленным предприятиям; предоставление государственных гарантий по займам на осуществление инвестиционных проектов системообразующим промышленным предприятиям. Антикризисные инструменты промышленной политики не подменяют собой те инструменты, которые использовались в условиях нормального функционирования народнохозяйственного воспроизводственного цикла, а, как правило, дополняют их.

При применении антикризисных инструментов промышленной политики необходимо принимать во внимание то, что не бывает одинаковых экономических кризисов. Поэтому всякий раз необходимо применять новые антикризисные инструменты, а также по-новому сочетать традиционные.

После преодоления экономического кризиса промышленная политика, как и государственное регулирование народного хозяйства в целом, должна быть ориентирована на недопущение или, если это невозможно, на минимизацию действия тех негативных факторов, которые привели к возникновению кризиса или, если этот кризис был мировым (т.е. принесённым извне), усилили его негативные последствия. Соответственно инструменты промышленной политики, используемые в условиях нормального функционирования народнохозяйственного воспроизводственного цикла и экономического роста,

должны соответствующим образом корректироваться. Как известно, изменение цели требует изменения средств её достижения.

В российской и белорусской экономической литературе появилось достаточно большое количество суждений (часто взаимоисключающих) о причинах ограничений, с которыми столкнулись национальные правительства при выборе решений в рамках антикризисной политики. Ввиду ограниченности объёма данной работы остановимся только на том, которое, по нашему мнению, имеет непосредственное отношение к промышленной политике. В частности, отмечается, что при выборе решений в рамках антикризисной политики в Российской Федерации основные проблемы, изначально обусловившие существовавшие ограничения, следующие: неразвитость конкурентной среды, недостаточно благоприятная среда для формирования новых компаний и их роста; сильнейшее расслоение компаний в ряде секторов по эффективности, докризисная практика поддержки ряда крупных предприятий с низкой рентабельностью; недостаточная активность в докризисный период в реализации мер по диверсификации экономики моногородов, критическая зависимость отдельных региональных и местных бюджетов от результатов деятельности крупных предприятий; дисбалансы в распределении ресурсов и ответственности между федеральными и региональными уровнями; ограниченность системных инструментов структурной и промышленной политики; неразвитость механизмов стимулирования внутреннего спроса, в том числе со стороны населения; плохо настроенный на развитие и модернизацию государственный спрос¹⁹⁵. Многие указанные аспекты актуальны и для состояния управления промышленным комплексом Республики Беларусь.

Таким образом, опираясь на российский и белорусский опыт осмысления эффективности применения инструментов промышленной политики, выделим те из них, которые при правильном системном использовании могут повысить действенность промышленной политики в современных (новых) условиях хозяйствования.

---

¹⁹⁵ Государственная антикризисная поддержка крупных и системообразующих компаний: направления, особенности и уроки российской практики / Ю.В. Симачев, Д.С. Иванов, М.Ю. Коротков, Б.В. Кузнецов, М.Г. Кузык; науч. ред. А.Д. Радыгин. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012. – С.262.

Итак, инструментами промышленной политики в Республике Беларусь, используемыми в условиях нормального функционирования народнохозяйственного воспроизводственного цикла на этапе новой индустриализации и функционирования ЕАЭС, должны стать следующие:

1. Определение перечня системообразующих промышленных предприятий на основании разработки качественных и количественных критериев таких предприятий. Качественными критериями (предприятие должно удовлетворять хотя бы одному из них) должны стать: наличие современного технологического потенциала, влияние на социальную стабильность (сохранение рабочих мест как средства недопущения массовой единовременной безработицы), значимость для сохранения инфраструктуры и производственной кооперации, значимость для сохранения города, участие в реализации перспективных инвестиционных проектов, обеспечение национальной безопасности, участие в выполнении международных обязательств и договоров. Количественными критериями (предприятие должно удовлетворять большинству из них) являются: годовая выручка, размер налоговых отчислений за последние 3 года, размер добавленной стоимости на одного работающего за последние 3 года, численность персонала.

2. Упрощение системы принятия решений по вопросам государственной поддержки системообразующих предприятий. Необходимость этого обусловлена тем, что в Республике Беларусь сохраняется система многошагового согласования решений в системе ведомственных, межведомственных и правительственных комиссий, которые не всегда обладают собственным аппаратом для подготовки решений и поэтому используют кадровые ресурсы других организаций, что не только затягивает время принятия решений (а это дополнительные издержки для народного хозяйства и/или государственного бюджета), но и ограничивает количество рассматриваемых вопросов. Последнее может препятствовать оперативному рассмотрению вопросов государственной поддержки системообразующих промышленных предприятий для недопущения катастрофического развития событий при неблагоприятном стечении обстоятельств.

3. Расширение доступа промышленных предприятий к финансовым ресурсам (прямое кредитование госбанками, а также частными банками, получившими государственную поддержку, предо-

ставление субсидий по процентным ставкам и госгарантий, капитализация).

4. Снижение налоговой нагрузки на системообразующие промышленные предприятия. Поскольку скорость оборота основных и оборотных средств на крупных промышленных предприятиях объективно больше, чем на мелких и средних, а также предприятиях сферы услуг, то для обеспечения равных условий к инвестиционным ресурсам необходимо названное снижение.

5. Снижение административного давления, в том числе уменьшение количества проверок и отчётной документации.

6. Стимулирование внутреннего спроса на промышленную продукцию.

7. Развитие системы партнёрства общества, государства и бизнеса.

8. Принятие действенных мер по диверсификации экономики моногородов.

9. Создание и поддержание функционирования институтов государственного управления, направленных на установление паритета и его последующего сохранения в распределении ресурсов и ответственности между национальным и региональными уровнями.

10. Проведение адресных мероприятий по повышению эффективности системообразующих промышленных предприятий с проведением постоянного мониторинга их результативности.

11. Создание институциональной платформы для постоянного диалога между обществом, государством и бизнесом по проблемам формирования и реализации промышленной и структурной политик.

12. Развитие механизмов стимулирования внутреннего спроса, в том числе со стороны населения, на белорусскую промышленную продукцию с прямой увязкой их с целями промышленной и структурной политик.

13. Создание государственного органа (с правами министерства), непосредственно отвечающего за проведение промышленной политики с возложением на него функции координации всех заинтересованных органов государственного управления, научных и общественных организаций, бизнеса. Главной целью нового органа должно быть создание институциональных условий, формирующих государственный спрос, настроенный на развитие и модернизацию.

14. Обеспечение тесной увязки промышленной и социальной политик, т.е. проведение их в едином комплексе. Социальная поли-

тика при этом, имея самостоятельное значение, одновременно служит фактором решения задач экономического развития.

15. Системная увязка промышленной, структурной и научно-технической политик. Для всех технологически развитых экономик общим сегодня является «проведение государством активной научно-технической политики, обеспечившей создание национальных систем финансирования науки, инноваций и обновления технологий. Особенно важен опыт по поддержке государством деятельности по распространению инноваций и обновлению технологий. В этой части научно-техническая политика непосредственно соединяется с промышленной политикой»¹⁹⁶.

16. Государственная поддержка становления и развития венчурного предпринимательства разных форм собственности.

17. Проведение отраслевой промышленной политики, направленной на содействие новой индустриализации, путём изменения отраслевой структуры промышленности, опережающего развития важнейших отраслей и недопущения деиндустриализации экономики.

18. Использование программно-целевого планирования. Состав целевых программ будет меняться в зависимости от задач, которые стоят перед промышленностью на том или ином этапе.

19. Государственное регулирование цен с использованием его разнообразных форм: прямое установление тарифов и цен в ценообразующих отраслях (энергонасосители, сырьё, транспортные услуги и т.д.), заключение ценовых соглашений под контролем представителей государственных органов, установление гарантированных государством цен по социально значимой продукции и т.д.

20. Система мер, направленных на развитие человеческого капитала, в том числе за счёт повышения квалификации рабочих, инженерно-технических работников, служащих промышленного комплекса.

21. Совершенствование законодательной базы в области промышленной и структурной политики, распределения и накопления бюджетных средств.

22. Совершенствование региональной промышленной политики.

---

¹⁹⁶ Алиев Б.Х. Промышленная политика и экономика. – М.: Экономика, 2000. – С.15.

Инструменты промышленной политики не являются неизменными, а наоборот, должны постоянно меняться в зависимости от изменения внутренней и внешней экономической, социальной и институциональной среды функционирования промышленного комплекса, экономики Республики Беларусь и ЕАЭС. При этом могут возникать новые инструменты, будет меняться эффективность и значение старых инструментов.

Таким образом, на основании изучения сущности и понятия промышленной политики было установлено, что среди отечественных и зарубежных экономистов нет единства взглядов по данной проблеме, что обусловлено комплексом объективных и идеологических факторов. Под промышленной политикой авторами предлагается понимать систему принципов, инструментов и целей государственной координации экономического процесса в промышленности посредством разработки долгосрочной экономической стратегии развития национального промышленного комплекса, включающей в себя: формирование связей между экономическими субъектами для совместной работы рыночных и нерыночных структур по генерации новых знаний, быстрого и эффективного трансфера знаний и их коммерческого освоения; совершенствование структуры промышленного комплекса за счёт управления распределением ресурсов; создание и поддержание конкурентной среды на рынках промышленной продукции; механизмы поддержания конкурентоспособности отечественной промышленной продукции на мировых рынках; корректировки рыночных механизмов в случаях, когда они не срабатывают; согласование с социальной политикой.

В качестве принципов промышленной политики Республики Беларусь в контексте перехода к новому качеству экономического роста определены: государственная поддержка крупных и системообразующих предприятий; необходимость проведения новой индустриализации промышленного комплекса; учёт достигнутого уровня развития промышленного комплекса; согласование с программой социально-экономического развития страны, учёт комплекса воспроизводственных социально-экономических связей национальной, региональной (ЕАЭС) и мировой хозяйственной системы; многовекторность экспортной стратегии страны; системное развитие партнерства общество – государство – бизнес.

Глава IV

ВЗАИМОУСЛОВЛЕННОСТЬ МОДЕРНИЗАЦИИ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ И НОВОГО КАЧЕСТВА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Существование и развитие человеческого общества, обеспечение его материальной базы возможно лишь на основе труда. Труд представляет собой особый вид субъектно-предметных отношений, а также содержит в себе специфическую совокупность внутрисубъектных отношений. В экономической литературе отношения, в которые вступают субъекты в процессе труда, названы трудовыми и определяются как отношения людей по поводу их участия в труде. Иными словами, «трудовые отношения можно определить как отношения, возникающие между субъектами в сфере трудовой деятельности»¹⁹⁷. А.П. Морова справедливо определяет трудовую деятельность «как целесообразную общественно необходимую и практически полезную производственную деятельность человека, направленную на обеспечение экономической жизнеспособности общества и его членов»¹⁹⁸. При этом под жизнеспособностью (жизнеспособностью) понимается способность сохранять себя, развертывать и воспроизводить в реальных условиях¹⁹⁹. С учётом такого понимания трудовой деятельности в дальнейшем нами будет использоваться наиболее совершенное на сегодняшний день и развёрнутое определение трудовых отношений, когда последние характеризуются «как отношения, которые возникают и устанавливаются между субъектами в процессе трудовой деятельности при создании материальных средств и благ, а также услуг, необходимых для удовлетворения экономических потребностей и нужд общества и его членов с целью обеспечения их жизнеспособности»²⁰⁰.

Так как реально-онтологической формой трудовых отношений является рынок труда, то при их исследовании целесообразно про-

---

¹⁹⁷ Морова А.П. Социальная политика в сфере трудовых отношений. – Мн.: ИСПИ, 2000. – С.6.

¹⁹⁸ Там же. – С.7.

¹⁹⁹ Герасимов Н.В. Экономическая система: генезис, структура, развитие. – Минск: Навука і тэхніка, 1991. – С.290–315; Морова А.П. Указ. соч. – С.7.

²⁰⁰ Морова А.П. Указ. соч. – С.8.

вести анализ и оценку рынка труда Республики Беларусь. При этом под рынком мы будем подразумевать совокупность социально-экономических условий, обеспечивающих покупателям и продавцам возможность вступать в отношения друг с другом с целью купли-продажи товаров. Соответственно, рынок труда представляет собой систему общественных отношений, связанных с наймом и предложением рабочей силы, формирующих механизм согласования цены и условий труда между работодателями и наёмными работниками, регулирующий их спрос и предложение. Для модернизации экономики Республики Беларусь необходимо обеспечить выполнение комплекса задач во всех сферах деятельности. Эти задачи включают в себя обеспечение экономического роста и процветания на основе труда, предпринимательской энергии и созидательной инициативы людей, формирование эффективных трудовых отношений и рынка труда, единой системы занятости.

Трансформация трудовых отношений в 1980–1990 гг. в странах Центральной и Восточной Европы проистекала по приблизительно ожидаемым траекториям, характерным для стран, вставших на путь рыночных преобразований. В результате в этих странах были сформированы модели рынка труда, имевшие некоторые особенности, но по существу аналогичные рынкам труда ведущих стран Западной Европы, а именно модели рынка труда «с высокой степенью защиты занятости, сложными механизмами заключения коллективных договоров, значительной сегментацией рабочей силы и устойчивой долговременной безработицей»²⁰¹. Поэтому при распаде СССР прогнозировалось, что в образовавшихся на постсоветском пространстве независимых государствах рынок труда будет развиваться по аналогичному сценарию. Более того, предполагалось, что с учётом необходимости большей глубины трансформации переход к рынку будет протекать резче и болезненней: «... сброс предприятиями рабочей силы – активнее, безработица – выше, трудовые конфликты – многочисленнее, инфляционное давление со стороны издержек на рабочую силу – сильнее и т.д.»²⁰². Однако механический перенос рыноч-

---

²⁰¹ Капелюшников Р. Конец российской модели рынка труда? – 1999–2011. – URL: <http://www.polit.ru/article/2009/04/23/kapeljushnikov> (дата обращения: 23.11.2016).

²⁰² Там же.

ных институтов в экономику ряда постсоветских стран не привёл к формированию в них рыночных экономик западного образца. Специфика функционирования белорусского рынка труда проявляется в том, что изменения в занятости слабо синхронизированы с изменениями в объёмах производства белорусской экономики, приспособление к изменениям производства осуществляется не за счёт пропорционального изменения занятости, а за счёт гибкости заработной платы.

Следует отметить, что в Республике Беларусь, несмотря на устойчивую тенденцию разгосударствления экономики, по-прежнему значительна доля работников, занятых на государственных предприятиях (государственный наём). В 2015 г. их удельный вес составил 39,3%²⁰³. Причём организации и предприятия, в которых имеется доля государственной собственности, но она составляет менее 50%, относят к частной форме. В таких условиях государственная политика в сфере занятости является одним из определяющих факторов обеспечения высокой трудовой активности, мотивации и производительности труда.

На динамику трудовых отношений оказывают влияние демографические тенденции, в последние годы выражающиеся в сокращении численности трудовых ресурсов, занятого населения, увеличении доли лиц, старше трудоспособного населения, в занятом населении. Неблагоприятные демографические тенденции на рынке труда усугубляются оттоком трудовых мигрантов за границу, который хотя и не оказывает сильного влияния на уменьшение численности населения страны, негативно сказывается как на его возрастной структуре, т.к. работать за границу выезжают преимущественно молодые трудоспособные кадры, так и на профессионально-квалификационной структуре, т.к. в результате миграции происходит замещение работников с высоким уровнем образования и квалификацией менее образованными и квалифицированными работниками.

В Республике Беларусь существенная часть населения в трудоспособном возрасте не занята трудовой деятельностью (около 1,4 млн человек). Так, в 2015 г. численность трудовых ресурсов составила 5 874,8 тыс. человек, в том числе занятое население –

---

²⁰³ Статистический бюллетень «Трудовые ресурсы и занятость населения Республики Беларусь в 2015 году». – Минск, 2016.

4 496 тыс. человек (76,5%) и прочее трудоспособное население в трудоспособном возрасте – 1 378,8 тыс. человек (23,5%)²⁰⁴. Обследования домашних хозяйств с целью изучения проблем с занятостью, состояния и динамики рынка труда, проводимые в Беларуси начиная с 2012 г., позволяют проанализировать динамику структуры трудоспособного населения, незанятого в экономике. Как показывают результаты обследований, наибольшее количество трудоспособного населения, не занятого в экономике, составляют учащиеся и лица, находящиеся в отпусках по беременности и родам, по уходу за ребёнком до достижения им возраста 3 лет. В совокупности эти две категории составляют более половины трудоспособного, но не занятого в экономике населения. Достаточно значимое количество составляют безработные, хотя их доля и укладывается в границы естественного уровня безработицы. Уровень зарегистрированной безработицы в Республике Беларусь за последние несколько лет не превышал 1%. В 2015 г. количество зарегистрированных безработных составило 41,3 тыс. человек, или 0,7% от численности трудовых ресурсов. Уровень безработицы, рассчитанный по методологии Международной организации труда (далее – МОТ), в соответствии с которой к безработным относятся лица в возрасте 15–74 лет, которые в рассматриваемый период соответствовали одновременно следующим критериям: не имели работы (занятия, приносящего доход); занимались поиском работы; были готовы приступить к работе, в Беларуси также относительно невысок. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, в результате обследования домашних хозяйств с использованием данной методики в 2015 г. помимо официально безработных было выявлено 202 тыс. таких лиц, что в сумме составило 3,4% от численности трудовых ресурсов. Эта цифра в сумме с официально зарегистрированной безработицей показывает уровень безработицы по методологии МОТ и составляет 4,1% (или 243,3 тыс. человек).

Как отмечено выше, в Республике Беларусь достаточно значительная часть трудоспособного населения не вовлечена в трудовую деятельность. Это обусловило в целях предупреждения социального иждивенчества, стимулирования трудоспособных граждан к трудо-

---

²⁰⁴ Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: <http://www.belstat.gov.by> (дата обращения: 11.01.2016).

вой деятельности, обеспечения исполнения конституционной обязанности граждан по участию в финансировании государственных расходов путём уплаты налогов, пошлин и иных платежей и в соответствии с ч.3 ст.101 Конституции Республики Беларусь принятие Декрета Президента Республики Беларусь «О предупреждении социального иждивенчества» от 02.04.2015 № 3²⁰⁵.

Политика, проводимая на рынке труда Республики Беларусь, фактически направлена на поддержание максимальной занятости населения и минимальной дифференциации в доходах. Следует отметить, что поставленные задачи успешно решены. В Республике Беларусь с целью сокращения удельного веса населения с уровнем среднедушевых располагаемых ресурсов ниже бюджета прожиточного минимума (абсолютная бедность) и сохранения в стране низкого уровня неравенства применяется прямое и косвенное регулирование рынка труда по вопросам, касающимся уровня оплаты труда, а также приёма и увольнения работников. По результатам обследования домашних хозяйств, в 2016 г. уровень малообеспеченности составил 5,1%²⁰⁶. Цель поддержания в стране низкого уровня расслоения по уровню доходов также успешно достигается. В соответствии с «Докладом о человеческом развитии 2013»²⁰⁷ в Республике Беларусь коэффициент Джини составляет 27,2, что примерно соответствует уровню северо-западных европейских стран (Норвегия – 25,8; Германия – 28,3; Швеция – 25,0; Финляндия – 26,9).

Вместе с тем низкая дифференциация в оплате труда приводит и к негативным последствиям. В соответствии с исследованием

---

²⁰⁵ О предупреждении социального иждивенчества: декрет Президента Республики Беларусь от 02.04.2015 № 3. – URL: http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/dekret-3-ot-2-aprelja-2015-g-11135 (дата обращения: 22.10.2016).

²⁰⁶ Распределение населения по уровню среднедушевых располагаемых ресурсов ниже бюджета прожиточного минимума // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/socialnaya-sfera/uroven-zhizni-naseleniya/osnovnyepokazateli-za-period-s-__-po-____gody_4/raspredelenie-naseleniya-po-sootnosheniyu-srednedushevyh-raspolagaemyh-resursov-s-byudjetom-projitochnogo-minimuma (дата обращения: 23.01.2017).

²⁰⁷ Доклад о человеческом развитии 2013. – URL: http://hdr.undp.org/en/media/HDR_2013_RU.pdf (дата обращения: 01.12.2016).

Всемирного банка²⁰⁸, производительность труда на государственных предприятиях значительно ниже, чем в частном секторе, что является неиспользованным ресурсом для роста производительности труда в экономике в целом. Низкая дифференциация в уровне заработной платы затрудняет переток рабочей силы из низкоэффективных предприятий в высокоэффективные, т.к. инвестиции в человеческий капитал (получение дополнительного образования, повышение квалификации, переподготовка) с целью дальнейшего трудоустройства на другом более производительном предприятии не приносят существенной финансовой отдачи. В результате складывается ситуация, когда при формально высокообразованном и квалифицированном трудовом потенциале в стране предприятия испытывают дефицит работников необходимой квалификации. Низкая мобильность работников и недостаточность стимулов для инвестиций в человеческий капитал в конечном счёте препятствуют модернизации предприятий, росту производительности.

Формирование эффективного рынка труда – одна из главнейших задач обеспечения нового качества экономического роста. Эффективность рынка труда в современных условиях определяется способностью адекватно реагировать на изменения, происходящие в социально-экономическом положении страны, и обусловлена, с одной стороны, формальными нормами, регулируемыми трудовые отношения, и с другой стороны, фактическим их соблюдением. Значение эффективности рынка труда в современной экономике подчёркивает то обстоятельство, что данный параметр используется в качестве одного из компонентов Индекса глобальной конкурентоспособности, рассчитываемого Всемирным экономическим форумом начиная с 1979 года²⁰⁹. При расчёте данного индекса показателями, определяющими эффективность рынка труда, являются: эластичность (гибкость в определении заработной платы, фактически сложившаяся

---

²⁰⁸ Экономическая трансформация для роста: страновой экономический меморандум для Республики Беларусь. – URL: http://www-wds.worldbank.org/external/default/WDSContentServer/WDSP/IB/2012/07/06/000333038_20120706010040/Rendered/PDF/666140ESW0P1230Official0Use0Only090.pdf (дата обращения: 01.12.2016).

²⁰⁹ The Global Competitiveness Report 2013–2014. – URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2013-14.pdf (дата обращения: 01.12.2016).

практика найма и увольнения, неэластичность занятости и др.) и эффективность использования способностей личности. То есть в современных условиях одним из ключевых показателей для определения эффективности рынка труда является «гибкость законодательного регулирования занятости», состоящая из трёх субиндексов: трудность найма, негибкость рабочего времени, трудность сокращения кадров. В результате определяется интегральная оценка «жесткости» трудовых отношений, показывающая способности предприятий к быстрой адаптации к изменяющимся условиям хозяйствования и уровень мобильности рабочей силы.

Следует отметить, что рост гибкости рынков труда является общемировой тенденцией. «Все страны демонстрируют быстрый рост неполного рабочего времени с 70-х годов, но в различной степени»²¹⁰. Это приводит к снижению количества часов работы в год на одного человека. По данным европейского исследования, 48% обследованных предприятий используют эластичные формы рабочего времени. Наиболее распространёнными они являются в секторе услуг (50% обследованных предприятий), промышленности (43%)²¹¹. Главная причина – 68% в связи с семейными обстоятельствами, 47% – лучшее приспособление потребностей производства к количеству труда²¹².

Трансформация мировой экономики и поиск новых факторов экономического роста находят отражение в виде качественных преобразований на рынке труда и приводят к смене многих устоявшихся стереотипов и теоретических аксиом. Происходит кардинальное изменение зависимостей и закономерностей в экономической системе. Внутри индустриальной системы экономические процессы теряют присущую им в течение многих столетий закономерность развития. Ранее точки роста экономической системы формировались на локальных её элементах и в рамках отдельных субъектов хозяйствования, а затем пространственно расширялись, вытесняя в конкурентной борьбе предшествующие хозяйственные организации. Последние либо прекращали своё существование, либо превращались в мар-

---

²¹⁰ Spoleczna odpowiedzialnosc organizacji: od odpowiedzialnosc do elastycznych form pracy / pod red. R. Walkowiaka, K. Krukowskiego. – Olsztyn, 2009. – S.31.

²¹¹ Там же. – С.69.

²¹² Там же.

гинальные формы деятельности на фоне количественно и качественно доминирующих новых экономических моделей²¹³.

Изменения в технологическом базисе приводят и к модернизации сферы труда. В индустриальном обществе типичные признаки социально-трудовых отношений были таковы: жёсткая регламентация, стационарность рабочих мест и закрепление за ними работников, упор на материальное стимулирование и развитие персонала на уровне, достаточном для выполнения стандартных трудовых операций. На рынке труда пользовался спросом работник средней квалификации, хороший и дисциплинированный исполнитель. Стандартный трудовой контракт предусматривал бессрочную занятость на предприятии, полный рабочий день, 40-часовую рабочую неделю, защиту трудовых прав. В нём также фиксировался факт строгого подчинения работника решениям работодателя и контроль с его стороны трудового процесса²¹⁴. Между тем постиндустриальная трансформация общества сопровождалась такими явлениями, как демассификация, информатизация и интеллектуализация производства и труда, глобализация и дерегулирование. Повысились требования к квалификации рабочей силы. Возникла потребность в нестандартном, творчески мыслящем работнике²¹⁵. При этом, как указывают некоторые учёные, происходило формирование новой жизненной философии занятости, которая характеризовалась свободой выбора, расширением границ дозволенного, личной ответственностью за результат, сжатием масштабов вмешательства государства в сферу частного бизнеса²¹⁶.

В современных условиях тенденция к перемене деятельности находит своё выражение в процессах флексибилизации рынка труда, т.е. обеспечения его «гибкости». «Гибкие» формы занятости служат своеобразным буфером между занятостью и безработицей,

---

²¹³ Фахрутдинова Е.В., Мокичев С.Д. Проблемы методологии в развитии и модернизации экономики // Экономические науки. – 2015. – № 1 (122). – С.11.

²¹⁴ Янченко Е.В. Трансформации социально-трудовых отношений как источник прекариата // Труд и социальные отношения. – 2015. – № 2. – С.24.

²¹⁵ Там же. – С.24–25.

²¹⁶ Сытых О.Л. Российское общество в «полосе» глобальных перемен // Гуманитарный вектор. – 2014. – № 2 (38). – С.60.

отображая потребность в сокращении рабочего времени, что является фактором становления и развития перемены деятельности. Развитие «гибкого» рынка труда в развитых странах сопровождается сокращением сферы стандартных условий найма. Всё большее распространение получают такие «гибкие» формы занятости, как работа по временным контрактам, занятость в режимах неполного рабочего времени, альтернативной рабочей недели, деления рабочего места, сжатой рабочей недели, дистанционной занятости. Эти формы занятости создают предпосылки для высвобождения рабочего времени, связанного с одним видом деятельности, переключения на другие виды деятельности или их чередования либо сочетания²¹⁷.

Иными становятся отношения найма. Получают распространение устный трудовой договор, договор на срок. Деформализация, сокращение сроков контрактации, расширение имплицитной составляющей по-новому организуют труд. Происходит дистанцирование рабочих мест в связи с телеработой. Активнее применяются гибкие формы занятости, рабочего времени, организации и оплаты труда. Однако всё это не столько следствие распространения информационно-компьютерных технологий (далее – ИКТ), процессов демократизации на предприятиях, сколько элемент деградации «стандартности» – массового производства, жёстко детерминированного технологией, хорошо поддающегося контролю, обслуживаемого массовым рабочим классом²¹⁸. Как справедливо отмечает Е.В. Ванкевич, наиболее существенные изменения в сфере труда затронули: качество «рабочих мест, соответственно, критериев их идентификации, т.к. на смену физическому и пространственному пониманию рабочего места»²¹⁹ приходит такое явление, как «*flexyplace*» (т.е. гибкое рабочее место: «е-занятость», «телетруд», «фрилансерство» и др.); состав, структуру и качество рабочей силы (в частности, вовлечение и увеличение доли таких категорий, как пенсионеры, инвалиды, женщины и др.); рост мобильности рабочей силы как в профессиональном, так и в географическом отношении, что обуславливает трансформа-

---

²¹⁷ Лебедева В.К. Экономико-теоретические аспекты перемены деятельности // Экономика Украины. – 2015. – № 2 (631). – С.31–32.

²¹⁸ Янченко Е.В. Трансформации социально-трудовых отношений как источник прекариата // Труд и социальные отношения. – 2015. – № 2. – С.25.

²¹⁹ Ванкевич Е.В. Гибкость рынка труда: единство макро- и микроподходов. – Витебск: УО «ВГТУ», 2014. – С.8.

цию требований к компетенциям и навыкам персонала, повышение важности личностных качеств.

Инновационная экономика создаёт новые сферы и виды экономической деятельности (растущий сектор услуг, экологоориентированные производства и др.) и формирует занятость в организациях нового типа (интеллектуальных, виртуальных, сетевых и др.). В современном мире наиболее перспективной основой трансформации отношений собственности выступает так называемая сетевая модель экономики. Формирование её идей происходит одновременно в нескольких направлениях: во-первых, в направлении развития интернет-технологий с позиции создания адекватной технической базы, во-вторых, в направлении информационной открытости производства и управления, а также доступности информации²²⁰. Всё это требует увеличения доли высококвалифицированных специалистов, обладающих новыми знаниями и компетенциями, и делает актуальной проблему структурного согласования рынка образовательных услуг и рынка труда. Сегодня страны Евросоюза всё больше внимания уделяют координированию рынка образовательных услуг и рынка труда²²¹. Так, Инициатива Евросоюза «Новые знания для новых рабочих мест»²²² обозначает в качестве основных направлений формирования механизма приведения к соответствию потребности в кадрах с учётом задач инновационного развития экономики и требований нанимателей и системы профессиональной подготовки кадров: прогнозирование, информационное обеспечение, опережающее обучение²²³. Таким образом, главные тенденции трансформации современных рынков труда состоят в «происходящем глобальном сдвиге парадигмы занятости, возросшей необходимости согласования рынка труда и рынка образовательных услуг»²²⁴.

---

²²⁰ Олейник А. Модель сетевого капитализма // Вопросы экономики. – 2003. – № 8. – С.132.

²²¹ Рынки труда и возможности трудоустройства. Тенденции и проблемы в Армении, Азербайджане, Беларуси, Грузии, Молдове и Украине. – Европейский Фонд образования, 2010.

²²² New Skills for New Jobs. Anticipating and matching labor market and skills needs. – European Comission, 2009.

²²³ Ванкевич Е.В. Гибкость рынка труда: единство макро- и микроподходов. – Витебск: УО «ВГТУ», 2014. – С.8.

²²⁴ Там же. – С.8.

Анализ тенденций на мировых рынках труда задаёт направление совершенствования и развития для рынка труда Республики Беларусь. Как справедливо отмечает В.К. Лебедева, «не нужно, по-видимому, забегать вперёд с поспешными прогнозами, но не следует и отставать от требований времени, чтобы события не казались неожиданными. Поэтому уже сегодня важно выявить и спрогнозировать те процессы и явления, которые характеризуют действие закона на перемены труда в современной экономике, а также тенденции их развития»²²⁵.

С целью исключить излишнюю зарегулированность рынка труда в стране была принята Директива Президента Республики Беларусь «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь» от 31.12.2010 № 4²²⁶. В развитие некоторых её положений был принят Указ Президента Республики Беларусь «О некоторых мерах по совершенствованию государственного регулирования в области оплаты труда» от 10.05.2011 № 181²²⁷. В соответствии с указанными нормативными актами установлен рекомендательный характер применения Единой тарифной сетки работников Республики Беларусь; расширено применение гибких форм занятости населения, в частности, увеличен объём прав субъектов предпринимательской деятельности в части формирования условий оплаты труда их работников, а также прав нанимателей в вопросах повышения тарифных ставок (окладов) работников и установления выплат стимулирующего характера; упорядочена действующая нормативная правовая база, регулирующая условия оплаты труда. Помимо этого, данными нормативными актами сняты ограничения на объём денежных выплат стимулирующего характера (премий и надбавок) на предприятиях всех форм собственности.

---

²²⁵ *Лебедева В.К.* Экономико-теоретические аспекты перемены деятельности // Экономика Украины. – 2015. – № 2 (631). – С.25.

²²⁶ О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь: директива Президента Республики Беларусь от 31.12.2010 № 4. – URL: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p2=1/12259> (дата обращения: 22.10.2016).

²²⁷ О некоторых мерах по совершенствованию государственного регулирования в области оплаты труда: указ Президента Республики Беларусь от 10.05.2011 № 181. – URL: http://www.belta.by/ru/articles/officially?cat_id=1424 (дата обращения: 22.10.2016).

Начиная с 2010 г. в Республике Беларусь законодательно утверждена возможность привлекать рабочую силу на условиях нестандартных форм занятости, с использованием гибких режимов и графиков работы. Нетипичные формы занятости, в отличие от традиционных, позволяют гибко устанавливать продолжительность действия трудового договора, режим рабочего времени, место выполнения и содержание работы по индивидуальной договорённости между работником и работодателем. Значительную роль гибкие формы занятости играют в развитии малого бизнеса. Такие формы занятости выгодны и нанимателям, которые получают возможность мобильно регулировать численность и состав работников на основе текущей рыночной конъюнктуры, обеспечивая необходимый объём производства и оптимизируя при этом свои издержки, и работникам, которые имеют потребность в дополнительном заработке, но не имеют возможности работать в стандартном режиме (учащиеся, родители, находящиеся в отпуске по уходу за детьми, в том числе детьми-инвалидами, люди с ограниченной трудоспособностью, инвалидностью, пенсионеры). Вместе с тем гибкие формы занятости пока не получили широкого распространения в Республике Беларусь.

Следует отметить, что сотрудники, работающие на условиях гибкой занятости, получают меньше правовых и социальных гарантий, чем при обычной занятости. Как справедливо отмечает Т.В. Сергиевич, «при наличии очевидных преимуществ использования форм нестандартной занятости как работник, так и работодатель не могут быть уверенными в стабильности и продолжительности их трудовых отношений, а следовательно, не всегда будут готовы инвестировать средства в развитие человеческого капитала»²²⁸. Между тем более широкое применение нетипичных форм занятости будет способствовать оптимизации издержек на рабочую силу путём изменения численности и вознаграждения, что повысит возможности адаптации и конкурентоспособность для предприятий в условиях структурных трансформаций; безболезненному сокращению сотрудников (дополнительному найму) за счёт использования срочных трудовых дого-

---

²²⁸ *Сергиевич Т.В.* Некоторые предпосылки и последствия распространения нестандартной занятости в Республике Беларусь // Актуальные проблемы науки: материалы Международной науч.-практ. конф. – Кузнецк, 2016. – Вып. XI. – С.189.

воров (контрактов); повышению трудовой мотивации за счёт дифференциации вознаграждения, социального пакета, условий занятости.

С развитием информационных технологий происходит трансформация рабочего процесса. Информационные технологии замещают рутинную, повторяющуюся, однотипную работу и обогащают работу, требующую анализа, решений и способностей человеческого мозга. Наиболее востребованными становятся работники, обладающие разносторонней квалификацией, многофункциональностью, восприимчивостью, гибкостью и адаптивностью к изменяющимся нуждам всё более дифференцирующейся экономики. Наиболее конкурентоспособными оказываются «версатилисты», т.е. работники, обладающие богатым портфелем знаний и компетенций для выполнения разнообразных бизнес-задач, в отличие от «специалистов», сочетающих глубокие профессиональные навыки с ограниченным профессиональным горизонтом, и «генералистов», обладающих широким кругозором и поверхностными навыками²²⁹.

В связи с этим интерес представляет опыт ряда японских компаний, в которых при приёме работника часто остаются неопределёнными характер его будущей работы, функциональные обязанности и рабочее место. В течение его трудовой деятельности руководство компании по своему усмотрению и в соответствии со способностями данного работника может перемещать его с одного места на другое, из одного подразделения в другое. При этом характер работы может меняться коренным образом: от производственной до торгово-сбытовой, от торгово-сбытовой до научно-исследовательской. Всё большее распространение получает так называемая система оплаты за квалификацию, когда производится доплата за освоение работником дополнительных специальностей²³⁰. В западных странах, в частности в Германии, существует практика, когда человек 3 дня в неделю работает на промышленном предприятии, а 2 – в культурной или социальной организации, владея одновременно несколькими профессиями²³¹.

---

²²⁹ Фридман Т. Плоский мир: краткая история XXI века. – М., 2007. – С.102.

²³⁰ Лебедева В.К. Экономико-теоретические аспекты перемены деятельности // Экономика Украины. – 2015. – № 2 (631). – С.31–32.

²³¹ Галкин А.А., Котов В.Н., Красин Ю.А., Меньшиков С.М. Капитализм сегодня: парадоксы развития / под ред. В.Н. Котова. – М., 1989. – С.76.

Необходимость перемены деятельности нашла отражение в концепции образования на протяжении всей жизни человека. Потребность не только в повышении квалификации, но и в переквалификации становится неотъемлемой чертой трудовой деятельности, что требует, в свою очередь, повышения доступности образования²³². Первоочередной задачей государственной политики становится оказание поддержки работникам в этом направлении. Например, Т. Фридман полагает, что если индустриализация в США сопровождалась введением обязательного среднего образования, то при переходе к постиндустриальной экономике особую актуальность приобретает образование третьей ступени, и целесообразно сделать его если не обязательным, то хотя бы субсидируемым государством²³³.

Исследование трансформации мировых рынков труда и выявление современных критериев для её оценки необходимо для более качественной диагностики степени гибкости (жесткости) рынка труда в Беларуси и выработки приоритетных направлений его развития с учётом национальной специфики. Это застрахует от упрощённой оценки белорусского рынка труда как излишне жёсткого и предотвратит риск принятия необоснованных решений по его дальнейшей либерализации. Учитывая, что повышение гибкости рынка труда в современных условиях становится важной прикладной задачей, продиктованной, с одной стороны, необходимостью построения инновационной экономики и обеспечения нового качества экономического роста, а с другой – сохранением в этих условиях социальной стабильности и социальной защищённости работников, необходимо определить допустимые границы изменения гибкости рынка труда, а также факторы, условия и механизмы флексибилизации для обеспечения экономической и социальной эффективности занятости. Е.В. Ванкевич выделяет следующие факторы гибкости рынка труда Республики Беларусь: экономические (связаны с ростом транзакционных издержек при поиске и смене работы); социальные (обусловлены изменениями в социально-демографической структуре общества: ростом средней продолжительности жизни населения и коли-

---

²³² *Лебедева В.К.* Экономико-теоретические аспекты перемены деятельности // Экономика Украины. – 2015. – № 2 (631). – С.31–32.

²³³ *Фридман Т.* Плоский мир: краткая история XXI века. – М., 2007. – С.102.

чеством работающих пенсионеров, формированием новых образовательных стандартов и др.); технологические (вызваны сменой технологических укладов, приводящей к структурным преобразованиям, повсеместным внедрением ИТ-технологий, усилением значимости нематериальных факторов производства и знаний); организационно-производственные (изменение форм организации производства, вытеснение массового промышленного производства современными адаптивными организациями нового типа); институциональные (формирование институтов рынка труда: минимальная заработная плата, индексация заработной платы, система страхования безработицы, налогообложение фонда заработной платы, коллективные договоры и деятельность профсоюзов)²³⁴.

Динамика трудовых отношений в Республике Беларусь, проявляющаяся в низком уровне безработицы и сохранении низкого уровня неравенства, не создаёт стимулов для инвестиций в человеческий капитал (получение дополнительного образования, повышение квалификации, переподготовка) с целью дальнейшего трудоустройства на другом, более производительном предприятии. Это приводит к неэффективному распределению трудовых ресурсов, препятствует структурным сдвигам и модернизации экономики. Вместе с тем для обеспечения нового качества экономического роста за счёт усиления рыночных элементов в экономике; формирования института работников-инноваторов; формирования и развития института общественно-государственно-частного партнёрства в сфере трудовых отношений; формирования регулируемого гибкого рынка труда; развития системы непрерывного образования; согласования рынка образовательных услуг и рынка труда; формирования посткапиталистических трудовых отношений; дальнейшего развития механизмов самозанятости в стране необходимо провести структурное перераспределение трудовых ресурсов между секторами и создать стимулы для увеличения количества высокопродуктивных рабочих мест, в том числе в частном секторе.

---

²³⁴ Ванкевич Е.В. Гибкость рынка труда: единство макро-и микроподходов. – Витебск: УО «ВГТУ», 2014.

Глава V

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ТРАНСФЕРА ТЕХНОЛОГИЙ

Уровень благосостояния населения любой страны мира, её экономическое и политическое состояние сегодня во многом зависят от конкурентоспособности её хозяйства. Последнее во многом определяется способностью экономических агентов генерировать и повсеместно использовать инновационные технологии. Нынешний этап развития мировой экономики характеризуется переходом экономически и технологически развитых государств от пятого к шестому технологическому укладу. Вместе с тем уже сегодня в рамках четвёртого и пятого технологических укладов важнейшим условием достижения и сохранения высокой конкурентоспособности национальных экономик и коммерческих организаций является способность обеспечения непрерывности процесса создания и внедрения инноваций. Таким образом, технологическое обновление стало фактором, определяющим новое качество и устойчивость темпов экономического роста.

Успешность использования инноваций непосредственно зависит от эффективности использования трансфера технологий. В самом общем плане «трансфер технологий – основная форма продвижения инноваций. Это процесс передачи знаний, а также права на их использование между физическими лицами или организациями с целью их последующего внедрения и/или коммерциализации»²³⁵. Трансфер технологий включает в себя: «передачу либо отчуждение исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности (как правило, объекты промышленной собственности); предоставление права на использование объектов интеллектуальной собственности в рамках лицензий; передачу технологической документации (как правило, в рамках лицензий на ноу-хау); передачу технологических сведений, сопутствующих приобретению или аренде (лизингу) оборудования и машин; информационный обмен в персональных контактах на семинарах, симпозиумах, выставках и т.п.; проведение различными фирмами и учёными совместных разработок и исследований; наём новых квалифицированных сотрудников, обла-

---

²³⁵ Трансфер технологий. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 23.08.2016).

дающих определёнными знаниями; организацию совместного предприятия»²³⁶. Как справедливо отмечает Л.П. Васюченко, «“трансфер” (трансфер технологий. – *Примеч. авт.*) предполагает не только передачу информации о новшестве, но и её освоение при активном позитивном участии и источника этой информации (например, автора изобретения), и реципиента, приёмника информации о новой технологии, и конечного пользователя продукта, производимого с помощью этой технологии. Основной акцент при трансфере технологий делается не столько на технологии как таковой, сколько на субъектах – участниках этого процесса»²³⁷.

В современном глобализирующемся мире трансфер технологий осуществляется, как правило, не изолированно, в рамках национальных экономик, а в условиях усиления международного разделения и кооперации труда, в результате чего национальные инновационные системы интегрированы в глобальные инновационные системы.

Несмотря на то что в современной экономической науке и хозяйственной практике важность для инновационного развития национальных хозяйств их эффективного участия в международном трансфере технологий не оспаривается ни одним серьёзным учёным и политиком, до настоящего времени отсутствует общепризнанный ответ на ключевой теоретический вопрос: почему происходят задержки в распространении технологий по всему миру? Ответить же на поставленный вопрос, по нашему мнению, невозможно без ответа на другой промежуточный вопрос: объективные или субъективные причины лежат в основе явления задержки в распространении технологий по всему миру?

Эмпирически сегодня просматривается устойчивая тенденция к усилению политико-экономической поляризации мира, в основе которой лежит отрыв экономически развитых стран от развивающихся за счёт быстрой и непрерывной технико-технологической модернизации своих экономик, а также широкого использования в хозяйственной жизни общественно-функциональных инноваций, причём

---

²³⁶ Трансфер технологий. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 23.08.2016).

²³⁷ *Васюченко Л.П.* Трансфер технологий как экономический ресурс // *Экономическая наука сегодня.* – 2015. – № 3. – С. 15.

значение последних в конкуренции хозяйственных систем постоянно усиливается. На этой основе в странах золотого миллиарда произошло становление общества всеобщего благоденствия, основанного на постиндустриальной и/или сверхиндустриальной экономике.

Системный экономический анализ теоретических основ международного трансфера технологий затрудняется не только проблемами, связанными с феноменологической сложностью самого этого явления, но и тем, что до настоящего времени отсутствуют данные, позволяющие количественно и качественно оценить эти трансферы. А в основе проверки истинности любого теоретического положения в экономической науке лежит именно практическое (эмпирическое) состояние исследуемого феномена. Следует также подчеркнуть, что в последнем случае возникает ещё одна архисложная проблема – способ статистического обобщения этого эмпирического материала. П.С. Лемещенко и И.А. Лаврухина справедливо напоминают по этому поводу о том, что «если обратиться к истории экономического анализа, то традиционными окажутся дискуссии не по самому фактическому материалу, а по способу его добычи, аргументации и тестирования»²³⁸.

Проблемы влияния технологий на развитие национальных и мировой экономик достаточно изучены благодаря таким зарубежным учёным, как Д. Белл, С.Ю. Глазьев, П. Дракер, Н.Д. Кондратьев, Л. Туроу, Й. Шумпетер, К. Фримен, Ю.В. Яковец и многим другим. Их усилиями создана теория долгосрочного технико-экономического развития, описаны технологические предпосылки возникновения постиндустриального и сверхиндустриального обществ, раскрыты инструменты и механизмы создания национальных и наднациональных инновационных систем, показаны пути и способы рационального использования инноваций экономическими агентами и т.д.

Белорусские экономисты внесли значительный, хотя до настоящего времени и не до конца осознанный зарубежными экономистами вклад в осмысление проблемы международного трансфера технологий. Исследованиями в этой области успешно занимались

---

²³⁸ Лемещенко П.С., Лаврухина И.А. Экономическая наука Беларуси: путь к самоидентификации // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Экономика». – 2013. – Вып. 1 (19). – С.35.

Л.П. Васюченко²³⁹, Е.Л. Давыденко²⁴⁰, Л.Н. Нехорошева и А.А. Слонимский²⁴¹, Г.В. Турбан²⁴² и многие другие.

Вместе с тем проблема международных технологических трансферов исследована меньше всего. Не последнюю роль в этом сыграла идеологическая предвзятость либеральных экономистов, сводящих проблему международного перемещения технологий только к отсутствию в развивающихся странах рыночной свободы и адекватной этому институциональной среды. Очевидно, что подобного рода упрощение затрудняет объективное рассмотрение экономических явлений вообще и международного трансфера технологий в частности. С.Ю. Солодовников пишет по этому поводу, что «существует гносеологическая необходимость рассматривать социально-экономические институты (рынок, общественно-функциональные инновации, инновационная деятельность и т.д.) как социальные инструменты, позволяющие более или менее успешно облегчать жизнь людей – снижать транзакционные издержки. Такой подход должен позволить объективно (без внеисторической морализации) рассмотреть границы целесообразного применения инновационного инструментария в экономической системе общества во взаимоотноувязке с глобальными и национальными цивилизационными тенденциями, институциональной матрицей, материально-технологической средой...»²⁴³. В свою очередь А.Л. Подгайский справедливо отмечает, что смысл

---

²³⁹ *Васюченко Л.П.* Особенности трансфера технологий в белорусской экономике // *Экономическая наука сегодня*. – 2016. – № 4. – С.84–94; *Васюченко Л.П.* Трансфер технологий как экономический ресурс // *Экономическая наука сегодня*. – 2015. – № 3. – С.15–22.

²⁴⁰ *Давыденко Е.Л.* Технологический баланс как индикатор инновационного развития национальной экономики // *Банковский вестник*. – 2009. – № 7. – С.21–25.

²⁴¹ *Нехорошева Л.Н., Слонимский А.А.* Инновационная деятельность в конкурентной экономике // *Белорусский экономический журнал*. – 2004. – № 3. – С.120–123.

²⁴² *Турбан Г.В.* Структурные преобразования как фактор развития социальной рыночной экономики // *Oikonomos: Journal of Social Market Economy*. – 2015. – № 2 (3). – С.37–46.

²⁴³ *Солодовников С.Ю.* Новая парадигма инновационного развития белорусской экономики и подходы к её формированию // *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д «Экономические и юридические науки»*. – 2011. – № 14. – С.5.

прогресса «заключается не в нарастающем универсализме исторического процесса, а в умножении разнообразия социальных форм бытия, в позитивных результатах взаимодействия»²⁴⁴. Названный автор также подчёркивает: при этом необходимо учитывать, что «ни синергетика, ни цивилизационный подход не отрицают эвристического потенциала исследования общих тенденций, определяющих “лицо” человечества в целом. Но оба направления далеки от того, чтобы признавать за выводами таких исследований абсолютно значимый характер. Они настаивают лишь на универсальности общих принципов самоорганизации социальных систем. Отвергая представления об обществе как некотором однородном континууме, эти направления рассматривают в качестве истинных субъектов истории всё многообразие социальных формирований между обществом и индивидом. Речь идёт о том, что универсальные закономерности и черты социально-экономического прогресса в целом находят различное преломление в непреходящем разнообразии социально-экономической действительности»²⁴⁵.

К. Перес удалось путём диалектического снятия противоречий в теоретических взглядах сторонников длинных волн Н. Кондратьева решить проблему происхождения задержек в распространении технологий по всему миру. Напомним, Н. Кондратьев писал о том, что «большие циклы важнейших элементов экономической жизни имеют международный характер, причём в отношении европейских капиталистических стран периоды этих циклов близко совпадают»²⁴⁶. Далее названный автор подчёркивал, что «на основании приведённых данных можно утверждать, что последнее положение имеет силу и для США. Однако это не мешает думать, что в динамике развития капитализма этой страны, и в частности в период колебания её динамики, имеются и свои особенности»²⁴⁷.

---

²⁴⁴ Подгайский А.Л. Взаимодействие доминирующих и периферийных укладов как составляющая социально-экономической динамики // Гуманітарна-економічний вісник. – 2008. – № 3 (42). – С.8.

²⁴⁵ Там же. – С.8–9.

²⁴⁶ Кондратьев Н.Д., Яковец Ю.В., Абалкин Л.И. Большие циклы экономической конъюнктуры // Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. – М.: Экономика, 2002. – С.370.

²⁴⁷ Там же.

К. Перес пишет, что каждая новая технологическая парадигма «распространяется волнообразно: от сектора к сектору через индустриальную структуру и географически в каждой стране и во всём мире»²⁴⁸. При этом любая технологическая революция начинает проявляться «с группы основных отраслей промышленности, обычно задействуя некоторые источники энергии или другие универсальные ресурсы, новую инфраструктуру и несколько главных продуктов и процессов»²⁴⁹. После чего революционные технологические изменения видоизменяют и связанные с основными отрасли. В результате чего, как справедливо подчёркивает К. Перес, «формируется интерактивная система с очень высоким уровнем синергии и эффективной обратной связью. Это способствует улучшению понимания элементов парадигмы и восприятию их как хорошо проверенных всё более широким кругом отраслей и занятий. Таким образом усиливаются внешние эффекты (экстерналии) и снижаются издержки приспособления парадигмы ко всё новым видам деятельности, и, поскольку институциональные условия становятся благоприятными, все составляющие экономики в рамках своих инновационных траекторий постепенно настолько осваивают парадигму, что она начинает восприниматься как “естественный путь” для выгодной, эффективной и результативной работы»²⁵⁰. Следует обратить внимание на очень важное и справедливое замечание цитируемого автора о том, что институциональные условия становятся благоприятными после приспособления новой технологической парадигмы ко всё новым видам деятельности, а не наоборот. Вопреки широко развитому среди отечественных либерально настроенных экономистов мнению технологическая модернизация не происходит после проведения радикальных институциональных преобразований, а наоборот, соответствующие новейшему технологическому укладу новые институты зарождаются и зреют под воздействием объективных технико-экономических процессов, естественным образом эволюционно подстраиваясь под эти процессы.

---

²⁴⁸ *Перес К.* Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. – М.: Изд-во «Дело» АНХ, 2011. – С.96.

²⁴⁹ Там же.

²⁵⁰ Там же.

К. Перес категорически заявляет, «... что “чудеса” синергии, интенсивного роста и процветания, которым даёт ход каждая технологическая революция, переносятся на всё более дальние области, от наиболее развитых областей к наименее развитым. Такой процесс можно рассматривать как проявление всеохватывающей мировой конвергенции с заключительным этапом в виде распространения данной парадигмы, хотя к тому времени обнаруживаются расхождения ведущих стран под влиянием следующей технологической революции и начала становления её элементов. Это вскоре должно свести на нет некоторые преимущества, достигнутые на периферии»²⁵¹. Таким образом, становится видна методологическая, теоретическая и практическая несостоятельность концепции «догоняющего развития», поскольку при её последовательном применении страна становится на путь консервации своего места технологической и экономической периферии, а значит, уровень благосостояния её населения всегда будет существенно ниже, чем в технологически развитых странах. Последнее обстоятельство будет способствовать усилению трудовой миграции из стран технологической периферии в страны-лидеры, что также будет ухудшать конкурентные возможности страны, ставшей на путь «догоняющего развития» за счёт «утечки мозгов», миграции из неё квалифицированных рабочих и талантливой молодёжи. Таким образом, использование варианта «догоняющего развития» может применяться развивающимися странами, странами с переходной экономикой только как относительно непродолжительный этап адаптации к новым экономико-технологическим тенденциям международных экономических отношений.

В пользу последнего умозаключения говорит и тот факт, что текущая технологическая волна «... в каждой своей фазе, вероятно, будет иметь во многом схожий характер»²⁵², но «поскольку главной особенностью нынешнего века информации является создание глобальной экономики, то производственные и торговые сети с самого начала инсталляционного периода стали распространяться и в ведущих, и в периферийных странах, – пишет К. Перес. – Такая особен-

---

²⁵¹ Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. – М.: Изд-во «Дело» АНХ, 2011. – С.96.

²⁵² Там же. – С.100.

ность, вероятно, отличает эту волну от всех предыдущих с точки зрения её распространения от ведущих к остальным странам»²⁵³. Названная особенность новой технологической парадигмы, то, что её распространение предполагает длительное сосуществование перелёстывающихся кондратьевских волн и отсутствие автоматизма в распространении новых технологий от центра к периферии, свидетельствует о решающем значении государственной политики для привлечения зарубежных технологий и использования их в целях тотальной модернизации народного хозяйства. «Переход к постиндустриальной экономике не означает исчезновение аграрного и индустриального укладов, а сохранение последних, но уже не как доминирующих, а как периферийных, – подчёркивает вслед за Д. Беллом С.Ю. Солодовников. – При этом постиндустриальный уклад становится доминирующим. В итоге усложняется сложность социально-экономических процессов»²⁵⁴.

Анализ теоретических основ трансфера технологий показывает, что без научно обоснованной и последовательной государственной политики по участию в международных технологических трансферах Республика Беларусь не сможет обеспечить высокий уровень благосостояния страны за счёт модернизации народного хозяйства на основе новейших технологий. При этом задачей государства в сфере международных технологических трансферов является создание условий для использования любого своего преимущества с целью создания платформы для инноваций и выгодного использования имеющихся возможностей.

Беларусь – страна с малой открытой экономикой, поэтому стабильность её экономического развития зависит от степени и уровня развития взаимодействия с другими странами. Инновационная составляющая в экономике Республики Беларусь предопределяет необходимость использования новых перспективных технологий. Сегод-

---

²⁵³ *Перес К.* Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. – М.: Изд-во «Дело» АНХ, 2011. – С.100.

²⁵⁴ *Солодовников С.Ю.* Тенденции и перспективы развития занятости и создания социально-научного сообщества в условиях модернизации транзитивной экономики: на примере Республики Беларусь // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д «Экономические и юридические науки». – 2015. – № 6. – С.3.

ня финансирование научной сферы в Беларуси не является оптимальным и по такому показателю, как наукоёмкость ВВП, отстаёт от экономически развитых стран. Беларусь финансирует свою научную сферу в объёме около 0,5% от ВВП.

Существующая ситуация предопределяет необходимость разработки новых подходов не только к финансированию исследований, но и к их коммерциализации, т.е. фактически участия на рынке трансфера технологий. Применение подхода, в рамках которого трансфер технологий является результатом научного труда и одновременно конечным товаром, позволяет применить к научной сфере общеэкономические методы оценки эффективности её функционирования. Прежде всего это касается оптимального соотношения объёмов финансирования и вовлечённых в процесс создания факторов производства. Тривиальное решение задачи оптимизации сводится к урегулированности финансовых потоков и применению формальных критериев для определения степени важности отдельных исследований. С учётом качественного состояния факторов производства можно определить области, в которых Республика Беларусь имеет конкурентные преимущества и на функционировании которых целесообразно сосредоточить применяемые факторы производства. В то же время подобный подход не предполагает полный отказ от исследований в иных, менее важных областях. Подобные работы могут выполняться на условиях кооперации и специализации, разработки отдельных технологических решений на условиях аутсорсинга.

Одной из форм интернационализации хозяйственных связей предприятий нескольких стран является совместное предприятие. В то же время в практике хозяйственной деятельности подобные альянсы возникают, как правило, между предприятиями с относительно равным потенциалом используемых факторов производства. В других случаях возможно приобретение предприятия, финансирование его деятельности, прямые иностранные инвестиции²⁵⁵ и т.д. Для Республики Беларусь наиболее приемлемым является развитие интернационализации на основе инвестиций. Л.П. Васюченко по этому поводу отмечает, что «международный трансфер технологий в рес-

---

²⁵⁵ *Гурин А.Ю.* Интернационализация бизнеса: мировой опыт и практика российских компаний: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – М., 2009. – С.10–12.

публике, занимающей в мировой технологической пирамиде положение чистого акцептора технологий с незначительным потенциалом технологической ренты, обеспечивает наилучший результат при расширенном сотрудничестве с транснациональными корпорациями с опорой на прямые иностранные инвестиции, в рамках которого страны с транзитивной экономикой не только получают и используют, но и развивают новые технологии с учётом требования рынка на основе создания так называемых обогащённых центров производства»²⁵⁶. Интернационализация на основе инвестиций может обеспечить и сохранение права собственности на существующие предприятия, в частности, в сфере машиностроения.

Международный технологический обмен основан на четырёх сферах человеческой деятельности: науке, технике, производстве и управлении²⁵⁷. В настоящее время экономический эффект от сотрудничества промышленных предприятий Республики Беларусь с научной сферой не оценён. Это затрудняет принятие решения о целесообразности передачи научным организациям либо высшим учебным заведениям функций по разработке и научному сопровождению производства перспективной продукции конкретного промышленного предприятия как альтернативы развития собственной научной базы. Усиление мотивации руководителей белорусских промышленных предприятий по внедрению новых перспективных технологий в совокупности с внедрением системы по стимулированию деятельности предприятий в сфере трансфера технологий создаст условия и предпосылки для повышения спроса со стороны реального сектора экономики на услуги научной сферы как белорусских НИИ, конструкторских бюро и вузов, так и зарубежных центров по разработке новых перспективных технологий.

Необходимость разработки новых подходов к привлечению новых технологий в экономику Республики Беларусь и продвижению отечественных технологий на зарубежных рынках обусловлена,

---

²⁵⁶ *Васюченко Л.П.* Трансфер технологий как экономический ресурс // Экономическая наука сегодня. – 2015. – № 3. – С.22.

²⁵⁷ *Киреев А.П.* Международная экономика: в 2 ч. Ч.1: Международная микроэкономика: движение товаров и факторов производства: учеб. пособие для вузов. – М.: Международные отношения, 2005. – С.349; *Кудров В.М.* Мировая экономика: учебник. – М.: Юстицинформ, 2010. – С.149.

прежде всего, низкой эффективностью трансфера технологий, участниками которого являются предприятия Беларуси. Существующая система стимулирования отдельных предприятий и работников к привлечению и продвижению технологий на рынках сбыта не позволяет достичь поставленных целей социально-экономического развития страны. Так, удельный вес инновационно активных организаций промышленности в 2013 г. составил 21,7% (по плану – 26%), в 2014 г. – 20,9% (по плану – 40%)²⁵⁸.

Общий анализ практики ведения хозяйственной деятельности говорит о наличии заинтересованности отдельных работников и групп работников в случае использования материальных и нематериальных факторов. На трансфер технологий в Республике Беларусь могут оказать влияние обе группы факторов. Большую значимость имеет степень заинтересованности отдельных руководителей как предприятий, так и структурных подразделений в использовании перспективных технологий.

Среди основных направлений привлечения технологий в Республику Беларусь целесообразно выделить следующие:

1. Необходимость изменения процедуры стимулирования деятельности отдельного работника или группы работников предприятия. В Республике Беларусь снято большинство ограничений на регулирование трудовых отношений между нанимателем и наёмным работником. Тарифная сетка как способ дифференциации в оплате труда между наиболее квалифицированными и менее квалифицированными работниками применяется по усмотрению администрации отдельных предприятий. В связи с этим руководители предприятий могут применять дифференцированный подход в формировании и проведении политики в области оплаты труда, в том числе и методов стимулирования. Это позволяет использовать разные системы и формы управления персоналом, в том числе функциональные и матричные системы. В соответствии с темой исследования особого внимания заслуживает матричная система управления персоналом. Прежде всего это связано с возможностью сформировать отдельную группу из специалистов различных отделов предприятия, которая будет

---

²⁵⁸ Концепция Государственной программы инновационного развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы. – URL: <http://www.gknt.gov.by/opencms/opencms/ru/innovation/inn2> (дата обращения: 15.10.2016).

заниматься решением поставленной задачи. Подобный подход обусловлен необходимостью привлечения специалистов не только технического, но и гуманитарного профиля, прежде всего маркетологов, для создания и продвижения отечественных технологий как внутри страны, так и за рубежом.

2. Необходимость формирования совместных предприятий. В качестве таковых целесообразно рассматривать в первую очередь предприятия производственной сферы, т.е. фактически промышленное производство. Несмотря на тот факт, что сфера услуг формирует практически 48% ВВП, т.е. больше, чем производственная сфера, рынок сферы услуг в стране носит архаичный и отчасти аморфный характер. Согласно статистическим данным, в Беларуси доминируют транспортные услуги и торговля, а услуги, которые непосредственно связаны с трансфером технологий – консалтинговые, оказание услуг в сфере бухгалтерского учёта, аудита и т.д., – практически не развиты в стране. Основываясь на общем методологическом подходе о том, что предложение является результатом спроса, можно утверждать, что спрос на услуги, непосредственно определяющие трансфер технологий, практически отсутствует.

Практика хозяйственной деятельности показывает, что малые предприятия в трансфере технологий практически не участвуют, трансфером технологий как результатом интеллектуального труда занимаются средние или крупные предприятия. Исключения составляют малые предприятия, деятельность которых направлена на создание и продвижение технологических решений. Последние по количеству занятых могут относиться к малым предприятиям, в то же время по уровню фондовооружённости труда их можно отнести к средним при сравнении их с предприятиями Республики Беларусь по аналогичному показателю.

3. Создание совместных концернов на транспарентных паритетных началах. Прежде всего это обусловлено тем фактом, что зарубежные предприятия будут передавать новые или перспективные для Беларуси технологии в случае, если белорусские предприятия будут иметь устойчивое стабильное развитие и развитую систему финансов. В ином случае для заинтересованности зарубежной компании в трансфере технологий и их использовании в хозяйственном комплексе Республики Беларусь необходимо рассматривать иные подходы. Например, обеспечение сбыта продукции на внутреннем

рынке Республики Беларусь создаваемого предприятия и в перспективе – использование части внешнего рынка отдельных предприятий в качестве меры стимулирования по развитию перспективных производств. Передача новых технологий позволит белорусским производителям создать новые конкурентоспособные образцы товаров, что обеспечит их продвижение на внешних и внутреннем рынках и увеличение объёма продаж совместного предприятия. Процесс создания совместных предприятий будет эффективным, если у предприятия-учредителя кроме прав хозяйственного ведения и оперативного управления будет юридическая возможность самостоятельно пользоваться правами управления имуществом. В связи с этим актуализируется вопрос о проведении приватизации в Республике Беларусь и передаче части пакета акций, который они смогут использовать, руководствуясь своими критериями оценки целесообразности. В последнем случае его можно использовать для обмена на перспективные технологии или на участие в иных консорциумах и корпорациях на правах старших и младших партнёров. Данный подход можно использовать в отношении крупных предприятий Беларуси, которые обладают значительными финансами и могут контролировать значительную часть рынка страны.

Упрощения в формах ведения бухгалтерского учёта и учётных регистрах, проведённые за последние несколько лет, позволяют проводить учёт функционирования и финансирования так называемых центров ответственности. Таким образом, указанную выше группу можно рассматривать в качестве центра ответственности, формировать её бюджет и определять показатели эффективности её функционирования.

Развитие трансфера технологий внутри страны может быть основано также и на использовании административных мер. Прежде всего, к ним относится введение обязательного использования перспективных технологий при создании новых предприятий и выполнении целевых параметров программ экономического развития Республики Беларусь, приобретение которых должно быть обеспечено за счёт средств предприятия или банка. Бюджет Республики Беларусь в этом процессе участвовать не должен, что обусловлено необходимостью повышения экономической ответственности предприятий и их руководителей.

Изменение структуры финансов предприятий Республики Беларусь и включение их в кооперационные связи с зарубежными предприятиями, занимающимися трансфером технологий, позволит отечественным предприятиям выступать на рынке трансфера технологий, включая вторичный рынок, в качестве не только покупателя, но и продавца.

Развитие системы трансфера технологий в Республике Беларусь, изменение структуры финансов обуславливают необходимость формирования новых подходов к продвижению отечественных и зарубежных технологий на рынках других стран. Основными проблемами, с которыми сталкиваются предприятия на рынках сбыта, являются, во-первых, практически полное отсутствие чёткой стратегии маркетинга²⁵⁹, имитационного моделирования на конкретном рынке, увязанного не только с ценовой политикой, но и с финансовой устойчивостью предприятия и отдельных его звеньев, во-вторых, концентрация предприятий, которые занимаются разработкой технологий в технопарках, в том числе Парке высоких технологий, а не на отдельных промышленных предприятиях, в-третьих, использование системы налогообложения, ориентированной на виды экономической деятельности, а не на конкретные результаты.

Функции маркетинговых служб на предприятиях Республики Беларусь практически сведены к функциям отделов сбыта. В связи с этим возникают проблемы с корректной оценкой ёмкости рынка трансфера технологий в страновом, номенклатурном разрезах, а также в разрезе покупателей, что влечёт за собой некорректную оценку используемых факторов производства, отсутствие как гибкой политики ценообразования, так и актуальной оценки целесообразности выпуска продукции с учётом применяемой технологии.

Корректная оценка ёмкости рынка трансфера технологий улучшит структуру финансов предприятий посредством отказа от производства отдельных видов товаров и увеличения производственных мощностей для выпуска иной продукции. Специфика влияния приобретаемых и продаваемых технологий на деятельность предприятия

---

²⁵⁹ Стратегия экспорта и продвижение научных разработок на рынок: метод. рекомендации по проведению маркетинговой работы и продвижению разработок НАН Беларуси на внутренний и внешний рынок / под ред. С.М. Дедкова. – Минск: Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси, 2008.

и его финансы в настоящее время маркетинговыми службами практически не рассматриваются. В связи с этим целесообразно расширение функций маркетинговых служб, формирование их на предприятиях на условиях работы центров ответственности и усиление мероприятий по формированию спроса и стимулированию сбыта. В качестве средне- и долгосрочной перспективы можно рассматривать формирование малых и средних предприятий, которые могут функционировать за счёт создания и продвижения собственных технологий и технологических решений, получения от их использования другими предприятиями паушальных платежей и роялти.

Экономическую сущность рынка трансфера технологий рассмотрим подробнее. Несмотря на многовековую историю исследования рыночных отношений, экономическая теория пока не смогла выработать единого понимания рынка. «Подходы к его определению сильно различаются, – отмечает В.В. Радаев, – и в результате практически каждому из нас в зависимости от контекста случается называть “рынком” принципиально разные явления»²⁶⁰. Сегодня «наряду с трактовкой рынка как “территории обмена”, – поясняет В.В. Радаев, – используется его понятие как формы хозяйства, уже не столь привязанное к определённому месту. Рядом с ними располагается неоклассическая экономическая концепция “идеального рынка”, в которой обмен осуществляется автоматически, без каких-либо сил трения. В последнем случае рынок предстаёт как механизм спроса и предложения, который действует в любых территориальных или отраслевых контурах. Причём речь идёт не просто об агрегированной совокупности индивидуальных актов обмена, но об относительно автономной от остальной части общества и самодостаточной системе со встроенным механизмом саморегуляции»²⁶¹. За счёт такого методологического приёма происходит превращение рынка «из эмпирического объекта в аналитическую модель с достаточно абстрактными основаниями»²⁶². Причём в этой модели «социальным условиям отводится незавидная роль внешних факторов или, того хуже, тех самых сил трения, которые снижают эффективность саморегулиро-

---

²⁶⁰ Радаев В.В. Социология рынков: к формированию нового направления. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – С.19.

²⁶¹ Там же. – С.20–21.

²⁶² Там же. – С.21.

вания»²⁶³. Таким образом, живые люди, индивиды, были выброшены из предмета экономической теории. Им на смену приходит некий абстрактный «экономический человек» с достаточно примитивными потребностями и мотивами, которые легко могут быть переложены на математический язык.

Современное преимущественно рыночное многоукладное хозяйство представляет собой сложную систему социально-экономических, политических и иных институтов, персонифицированных в социально-экономических субъектах (индивидах, группах, классах). Хозяйственная эффективность взаимодействия этих субъектов во многом предопределяется накопленным в обществе социальным потенциалом и институциональными формами его капитализации. Социальный капитал, способы и формы его присвоения, оптимальность распределения и прочее выступают основой для сокращения (или увеличения) транзакционных издержек в экономике.

Рынок представляет собой специфический уклад хозяйствования, существующий наряду с другими его формами. Государство выступает как конфигуратор рынка. Степень его воздействия вариативна, но в любом случае речь идёт не просто о весомер, но о конституирующем влиянии государства на совокупность рынков – посредством установления формальных правил и способов их поддержания, осуществления перераспределительных функций и прямого участия в хозяйственных процессах²⁶⁴. Государство не просто вмешивается в рыночные отношения, оно создаёт условия для возникновения и развития рынков, являясь во многом внутренним элементом процесса их формирования и трансформации, действуя на началах встроенной автономии (*embedded autonomy*)²⁶⁵.

---

²⁶³ Радаев В.В. Социология рынков: к формированию нового направления. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – С.21.

²⁶⁴ Block F. The Role of the State in the Economy // The Handbook of Economic Sociology / eds. by N. Smelser, R. Swedberg. – Princeton: Princeton University Press, 1994. – P.696.

²⁶⁵ Evans P.B. Embedded Autonomy. – Berkeley: University of California Press, 1995; Frye T., Shleifer A. The Invisible Hand and the Grabbing Hand // American Economic Review. Papers and Proceedings. – 1997. – Vol. 87. – № 2. – P.354–358; Shleifer A., Vishny R. The Grabbing Hand: Government Pathologies and Their Cures. – Cambridge: Harvard University Press, 1998; Радаев В.В. Указ. соч. – С.39.

Деятельность субъектов рынка – домашних хозяйств, предприятий – основана на различных формах государственного регулирования экономики, которое предполагает его воздействие на деятельность хозяйствующих субъектов и рыночную конъюнктуру с целью обеспечения нормальных условий функционирования рыночного механизма, решения экономических и социальных проблем. Особое значение имеет правовая форма как способ урегулирования отношений, складывающихся при купле-продаже конкретных объектов. Среди последних могут быть как материальные, так и нематериальные блага, факторы и средства производства, вовлечённые в отношения купли-продажи. Двойственный характер технологий позволяет рассматривать их в качестве особого вида товара и фактора производства, что накладывает на деятельность субъектов рынка трансфера технологий отдельные ограничения и обязательства.

Процесс коммерциализации научных разработок и технологий зарубежными предприятиями является одной из форм сотрудничества с зарубежными партнёрами и обеспечивается конкретными элементами рыночной инфраструктуры. В Республике Беларусь более 120 организаций занимается трансфером технологий. В качестве основных направлений политики технологического трансфера на внутреннем рынке и его инструментов выступают оптимизация структуры инновационной системы, включая государственное финансирование науки и образования, а также инноваций; стимулирование инновационного сотрудничества между бизнес-сектором, промышленностью и наукой внутри страны; системное интегрирование в международные инновационные сети на основе технологической специализации. В Беларуси в среднесрочной перспективе планируется создать отдельные отрасли промышленности и значительно усилить существующие перспективные направления. В частности, предполагается развитие биотехнологической, химической отрасли, информационно-коммуникационных секторов экономики, фармацевтической промышленности.

Для Республики Беларусь неприменимо слепое копирование теоретических подходов и практических механизмов, выработанных и использованных в других социумах. В этой связи перед белорусской экономической наукой стоит задача предложить концепцию обеспечения инновационного развития страны, сохранив при этом социальный и экологические приоритеты внутренней политики. Соот-

ветственно, требуется выработка и всестороннее обоснование целесообразности и возможностей по привлечению, адаптации и внедрению новых технологий в национальную экономическую систему с последующей реализацией новой парадигмы инновационного развития страны, ориентированной на глобальные цивилизационные тенденции в контексте планетарных финансовых, экономических, политических, экологических и иных кризисных явлений.

Гносеологическая основа для существующих теоретических противоречий может быть устранена путём введения единого комплексного критерия оценки макроэкономической эффективности. Таковым критерием может выступить усиление или снижение жизненности социума. Как известно, главный экономический интерес любой социальной общности и отдельного индивида заключается в оптимизации своей жизнедеятельности. Н.В. Герасимов писал, что экономические интересы представляют собой «социальную направленность жизненной активности субъектов на создание наиболее благоприятных общественных условий, необходимых для удовлетворения их материальных потребностей и нужд, обеспечения максимально возможной физической и социальной жизнеспособности»²⁶⁶. Социально-экономическая жизнеспособность общества как интегральный показатель, отражающий конечную эффективность технологической модернизации отраслей (в целом) и позволяющий с высокой степенью вероятности судить о значении использования отечественных технологий в этом процессе, может быть адекватно показана через понятие «истинные нормы инвестиций». Истинные инвестиции или истинные сбережения – показатель, предложенный Всемирным банком для измерения устойчивого развития экономики, отражающий реальную скорость накопления государственных сбережений после соответствующего учёта истощения природных ресурсов и ущерба от загрязнения окружающей среды. «Истинные сбережения ведут более обширный учёт человеческого потенциала, природных ресурсов и энергетического фактора по сравнению с традиционными макроэкономическими показателями»²⁶⁷.

---

²⁶⁶ Герасимов Н.В. Экономическая система: генезис, структура, развитие. – Минск: Навука і тэхніка, 1991. – С.23.

²⁶⁷ Мазуренко О.М. Методологические основы применения категории «истинные нормы инвестиций» для оценки социально-экономического

При использовании названного критерия видно, что все экспортоориентированные отрасли белорусской экономики демонстрируют положительную динамику по показателю истинных сбережений. Вместе с тем корректно выделить, за счёт каких именно технологий, отечественных и зарубежных, это сделано, невозможно, поскольку, во-первых, успешное внедрение технических технологий невозможно без использования общественно-функциональных технологий, а последние у нас в основном свои, во-вторых, возможности и перспективы применения зарубежных технологий в значительной степени определяются квалификационными характеристиками рабочей силы, которая готовится в белорусских вузах с использованием отечественных технологий, в-третьих, перед тем как оценить преимущества для конкретного коммерческого проекта зарубежных и отечественных технологий, необходимо провести соответствующую технологическую экспертизу, а для этого следует использовать отечественных экспертов. Именно поэтому все экономически развитые страны мира поддерживают развитие отечественной науки. Развитие отечественной науки позволит увеличить присутствие отечественных предприятий не только на внутреннем рынке трансфера технологий, но и на внешних рынках, особый интерес среди которых представляет рынок ЕАЭС.

развития регионов // Социально-экономическое развитие сферы сервиса в регионе: материалы III Всероссийской науч.-практ. конф. молодых учёных и студентов (28 марта 2012 г., Сыктывкар): в 2 т. – Сыктывкар: Сыктывкарский филиал ФГБОУ ВПО «СПБГУСЭ», 2012. – Т.1. – С.64.

Глава VI

ТРАНСФЕР ТЕХНОЛОГИЙ В ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ КАК ФАКТОР НОВОГО КАЧЕСТВА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

В последние десятилетия стало традицией много говорить и писать о новом качестве экономического роста. С одной стороны, это естественная реакция научного и медийного сообществ на объективные изменения, происходящие в хозяйственной деятельности в результате ускорения научно-технической революции. В этом контексте такое внимание можно только приветствовать. Но, с другой стороны, весьма значительная часть того, что написано (и, к сожалению, того, что ещё будет написано) по проблемам нового качества экономического роста, является пересказом давно известных вещей. Ввиду лимитированного объёма данной работы не будем останавливаться на этом подробно и ограничимся лишь одним примером.

В Интернете (в статье «Новое качество экономического роста. Эффективность экономического роста и её показатели»²⁶⁸) приводится следующее высказывание: «Важнейшим направлением, обеспечивающим *новое качество экономического роста* и создающим условия для реализации задачи ускорения социально-экономического развития, является применение на практике эффективных форм управления, организации и стимулирования труда, активизации человеческого фактора»²⁶⁹. Далее читаем: «Важнейшим направлением, обеспечивающим *новое качество экономического роста* и создающим условия для реализации задачи ускорения социально-экономического развития, является применение на практике эффективных форм управления, организации и стимулирования труда, активизации человеческого фактора»²⁷⁰, для чего потребуется «усиление ответственности централизованного руководства при одновременном повышении самостоятельности объединений и предприятий, их заинтересованности и ответственности за достижение наивысших конеч-

---

²⁶⁸ Новое качество экономического роста. Эффективность экономического роста и её показатели. – URL: <http://economics-konspect.org/?content=3878> (дата обращения: 28.06.2016).

²⁶⁹ Там же.

²⁷⁰ Там же.

ных результатов <...> Особое внимание уделяется усилению воздействия хозяйственного механизма на ускорение научно-технического прогресса – главного рычага интенсификации и ускорения социально-экономического развития»²⁷¹. Казалось бы, всё написано правильно, актуально, современно и вполне может быть использовано как направление совершенствования экономических систем стран-участниц ЕАЭС и других развивающихся и новых индустриальных стран. Но это только на первый взгляд; как сказал один киноман, «это кажущаяся видимость». Почему? Прежде чем ответить на этот вопрос, приведём следующий абзац с цитируемого сайта: «Курс партии на ускорение социально-экономического развития страны, достижение *нового качества экономического роста* обуславливает серьёзные структурные изменения в экономике. КПСС призвана обеспечить: динамичное и сбалансированное развитие народного хозяйства и его отраслей; коренной перелом в деле интенсификации экономики и повышение её эффективности на базе кардинального ускорения научно-технического прогресса, масштабной технической реконструкции народного хозяйства с использованием современных достижений науки и техники; дальнейшее усиление социальной ориентации экономики, более глубокий поворот её к многообразным задачам, связанным с повышением благосостояния народа»²⁷².

Так что же получается? То, что говорил М.С. Горбачёв на XXVII съезде КПСС, не потеряло актуальность и сегодня? Конечно же, нет. За эти почти 30 лет качественно изменилась мировая экономика, в частности, «реальностью современного мирового экономического порядка стала глобализация производства, сопровождаемая становлением и бурным развитием транснациональных корпораций»²⁷³; сменились новейшие технологические уклады; да и экономика многих постсоветских стран (в том числе Республики Беларусь и Российской Федерации) радикально изменилась в качественно луч-

---

²⁷¹ Новое качество экономического роста. Эффективность экономического роста и её показатели. – URL: <http://economics-konspekt.org/?content=3878> (дата обращения: 28.06.2016).

²⁷² Там же.

²⁷³ Солодовников С.Ю. Цивилизация, культура, экономическая система общества и институциональные матрицы: феноменологическая природа и взаимообусловленность // Веснік Гродз. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Серія 5 «Эканоміка. Сацыялогія. Біялогія». – 2011. – № 2. – С.19.

шую сторону. Значит, дело не в том, что объект остался неизменным, а в том, что теоретическое отражение новых экономических реальностей зачастую отстаёт от практики. Попытаемся разобраться, почему и как сложилась такая ситуация.

По нашему мнению, проблемы в изучении нового качества экономического роста можно условно разделить на 2 типа, проистекающие из:

1) стремления упростить исследуемый объект, что по итогу всегда приводит к упрощённым, а значит, идеализированным, внеисторическим выводам. Зачастую этот приём используется исходя из дидактических задач, но достаточно часто он встречается и в научной литературе, когда тот или иной исследователь преднамеренно (для получения какого-либо полезного эффекта, в том числе и связанного с изменением имиджа) допускает такое искажение. В этом случае мы имеем дело либо с преднамеренным подлогом, либо с научным невежеством. Примером последнего, в частности, является упомянутая нами в главе II статья П.Н. Пекутько с тавтологическим названием «Экономическая наука Беларуси: тематическая направленность и функциональная специализация», где без проведения системного анализа и рассмотрения объекта исследования по существу приводится типологизация отечественной экономической науки, причём последняя ничем фактически и теоретически не обосновывается²⁷⁴.

Вместе с тем некоторые авторы также допускают упрощение исследуемого объекта как приём для концентрации внимания читателей (в условиях ограниченного объёма работы) на том, что автору кажется наиболее важным. В конечном счёте такой приём зачастую может свести на нет ту научную новизну, которая получена в данном исследовании, поскольку чёткое определение исходных понятий является обязательным атрибутом любой фундаментальной науки;

2) объективных трудностей исследования такого сложного социально-экономического явления, как новое качество экономического роста, что не позволяет его теоретически адекватно осмыслить только в рамках предметного поля частных экономических наук, а, напротив, требует проведения комплексного исследования на основе

---

²⁷⁴ Пекутько П.Н. Экономическая наука Беларуси: тематическая направленность и функциональная специализация // Вестник БГЭУ. – 2015. – № 1. – С.15.

политической экономики, социологии, философии и истории. Категория «новое качество экономического роста» непосредственно связана с категорией «постиндустриальное общество», поскольку перейти к постиндустриальной стадии развития возможно только путём качественного изменения структуры и содержания факторов общественного воспроизводства. «Становление концепции постиндустриального общества, – справедливо подчёркивает В.А. Рыбалкин, – наиболее значимый результат современного этапа развития экономической науки, социологии в целом. Плодотворность дальнейшей разработки данной концепции зависит, во-первых, от степени вызревания объективных свойств постиндустриального общества, во-вторых, от методологического инструментария их познания – последний должен быть адекватным его материальной, социальной и духовной составляющим»²⁷⁵.

В качестве наиболее общего определения нового качества экономического роста может быть использовано его определение как совокупности «свойств анализируемого во времени и в пространстве экономического процесса, которая позволяет отличать его от аналогичных процессов в прошлом посредством приобретения им новых по содержанию черт и количественных характеристик»²⁷⁶. При этом поясняется, что «новое качество экономического роста является закономерным процессом внутренних преобразований экономической системы, результатом которого становится приобретение экономическим ростом новых форм, свойств и черт на основе планомерного накопления определённого количественного задела, измеряемого как в экономических, так и социальных составляющих. Для соответствия экономической системы жёстким современным критериям она должна быть способна к адаптации к новым, изменившимся условиям функционирования, стремиться к устойчивости своей жизнедеятельности, что характеризуется способностью системы сопротивляться внешним и внутренним воздействиям»²⁷⁷. Озвученное опре-

---

²⁷⁵ Рыбалкин В.А. К методологии формирования теории экономики знаний в концепции постиндустриального общества // Экономическая теория. – 2016. – № 1. – С. 26.

²⁷⁶ Новое качество экономического роста. Эффективность экономического роста и её показатели. – URL: <http://economics-konspekt.org/?content=3878> (дата обращения: 28.06.2016).

²⁷⁷ Там же.

деление хотя и даёт в самом общем (постановочном) плане представление о том, что такое новое качество экономического роста, но не позволяет раскрыть социально-экономическую природу этого процесса, те политико-экономические силы, которые определяют скорость и направления его протекания. Исправить этот методологический просчёт можно только на основе последовательного применения субъектного подхода в рамках политической экономии. При этом следует учесть замечание о том, что «дальнейший прогресс политической экономии (и, как результат, действительное возвращение ей роли методологической базы частных экономических дисциплин) возможен только при, во-первых, возвращении ей традиционного предмета изучения – отношения между социально-экономическими субъектами и, во-вторых, широкого привлечения к политэкономическим исследованиям достижений “сопредельных” наук: социальной философии, теории познания, универсальной истории, психологии, социологии и некоторых других»²⁷⁸. Напомним, «что политическая экономия – это социальная наука, изучающая отношения между социальными субъектами, включёнными в единый, относительно устойчивый, организационно оформленный материально-общественный комплекс, в пределах которого осуществляется внутренне взаимосвязанное производство, присвоение и социально значимое потребление материальных средств и благ для обеспечения физической жизни общества, а также для создания материальной базы всех сфер общественной жизни»²⁷⁹.

Вместе с тем для содержательного определения категории «новое качество экономического роста» недостаточно только применения субъектного подхода, необходимо также по-новому посмотреть на проблему используемых при инновационном развитии факторов производства, изменения их доли во вновь созданной стоимости и конкурентоспособности продуктов и услуг. Следует отметить, что поскольку переход к новому качеству экономического роста является закономерным процессом внутренних преобразований экономической системы, то для содержательной характеристики этого явления необходимо уточнить, в чём же заключается функциональ-

---

²⁷⁸ Солодовников С.Ю. Гносеологические трудности при изучении классов и классовой борьбы в постиндустриальном обществе // Социологический альманах. – 2012. – № 3. – С.74.

²⁷⁹ Там же.

ное назначение экономических отношений. «При достаточно глубоком рассмотрении любого экономического отношения в основе его всегда обнаруживается социальный обмен деятельностью, – справедливо отмечает по этому поводу С.Ю. Солодовников. – Прогресс человеческого общества неразрывно связан с оптимизацией этого обмена, критерием которого выступает снижение транзакционных издержек. Научно-технические достижения, разделение и кооперация труда, субординация и ординация между индивидами и многие другие социальные феномены и институты тем успешнее способствуют экономному получению человечеством необходимых вещества и энергии из природы, чем выше уровень социального прогресса в обществе»²⁸⁰. Таким образом, становится очевидным, что переход к новому качеству экономического роста был вызван необходимостью дальнейшего совершенствования процесса получения человечеством необходимых вещества и энергии из природы, а важнейшей составляющей этого процесса выступает снижение транзакционных издержек. Иначе говоря, новое качество экономического роста – это не только инновационное развитие материальной базы производства, но и революционное расширение роли в социально-экономической жизнедеятельности общества общественно-функциональных инноваций. Именно за счёт этого и происходит приобретение экономическим ростом новых форм, свойств и черт на основе планомерного накопления определённого количественного задела, измеряемого как в экономических, так и социальных составляющих.

Поясним, что «инновация (нововведение), – как справедливо отмечают А. Сурин и О. Молчанова – это конечный результат реализации новых идей и знаний в целях их практического использования для удовлетворения определённых запросов потребителей»²⁸¹. Иначе говоря, если новая идея «не используется в процессе удовлетворения потребностей и не находит своего потребителя, является просто новой идеей, результатом творческого труда»²⁸². Д.И. Коку-

---

²⁸⁰ Солодовников С.Ю. Социальный капитал как экономический ресурс // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д «Экономические и юридические науки». – 2015. – № 5. – С.2.

²⁸¹ См.: Круглов В.Н., Паунов С.А. Эволюция теории инноваций в зарубежной и отечественной науке // Региональная экономика: теория и практика. – 2016. – № 5 – С.5.

²⁸² Там же.

рин, В.С. Волков, Е.И. Сафуллина и К.Н. Назин также считают, что «инновация или нововведение – это процесс реализации новшества в конкретных условиях среды... Новшество – некая идея, документально оформленная и адаптированная к применению в конкретных условиях»²⁸³.

«Целью общественного производства является не просто производство материальных благ на основании какого-то достигнутого уровня развития технологии, а производство их наиболее экономичным способом»²⁸⁴, и «для этого необходимо в полной мере активизировать использование производственных способностей субъектов, а это требует учёта интересов индивидов и различных социальных общностей в целях организации и наиболее эффективного вовлечения их в общественное производство»²⁸⁵.

Поскольку новое качество экономического роста включает в себя способность к адаптации, а это невозможно без опережающего развития новых (нематериальных и нефинансовых) экономических ресурсов, то при выявлении его (роста) категориальной специфики необходимо это учитывать. Тем более что, как отмечается в современной экономической литературе, «по критерию экономической эффективности социальный капитал может быть сопоставим только с такими факторами производства, как человеческий капитал и наука»²⁸⁶, а «функциональное назначение социального капитала в экономической системе общества, в макро- и микроэкономических системах заключается в оптимизации (снижении транзакционных издержек) взаимодействия субъектов в процессе их хозяйственной деятельности»²⁸⁷. Т.В. Сергиевич подчёркивает, что «стратегический курс на проведение новой индустриальной политики (переход к новому качеству экономического роста. – *Примеч. авт.*) должен охва-

---

²⁸³ Инновационная экономика (управленческий и маркетинговый аспекты): монография / Д.И. Кокурин и др. – М.: Экономика, 2011. – С.112.

²⁸⁴ Солодовников С.Ю. Социальный капитал как экономический ресурс // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D «Экономические и юридические науки». – 2015. – № 5. – С.2.

²⁸⁵ Там же.

²⁸⁶ Солодовников С.Ю. Социальный капитал как фактор экономического роста // Экономика и банки. – 2015. – № 1. – С.32.

²⁸⁷ Солодовников С.Ю. Политико-экономическое исследование сущности социального капитала // Экономика и банки. – 2012. – № 1. – С.16.

тивать не только технологическую и экономическую системы, но и систему общественных отношений»²⁸⁸.

Переход к новым общественно-технологическим укладам, начинающим играть доминирующую роль в социуме, а именно это подразумевается под категорией «новое качество экономического роста», обязательно вызывает нарушение баланса социально-экономических интересов, активизацию борьбы различных социальных групп и классов за оптимизацию реализации своих интересов в новых политико-экономических реалиях. Неучёт этого может привести к обострению классовой борьбы, что сегодня наблюдается даже в таких экономически благополучных и технологически развитых странах, как Франция и Германия. В своё время С.Ю. Солодовников писал по этому поводу: «Для ускоренного перехода республики (Республики Беларусь. – *Примеч. авт.*) к новому технико-технологическому укладу (к новому качеству экономического роста. – *Примеч. авт.*) и для оптимизации воздействия научно-технического прогресса на общество в направлении усиления социальной направленности и экономической эффективности белорусской рыночной экономики необходимо, чтобы государство приняло на себя задачу регулирования изменения инновационной социально-классовой структуры общества <...>, что будет способствовать преимущественно инновационному экономическому росту и устойчивому развитию страны»²⁸⁹.

Как социально-экономическая категория «новое качество экономического роста» представляет собой политико-экономический и социально-институциональный феномен, характеризующийся революционным преобразованием экономической системы общества на основе новейших технико-технологических и социально-функциональных технологий, усилением роли человеческого, социального, культурного и экологического капиталов, сопровождаемым радикальным изменением расстановки социально-классовых сил и значительным усложнением механизмов адаптации национальных

---

²⁸⁸ *Сергиевич Т.В.* Труд в неоиндустриальном обществе // Научно-образовательный центр «Технологии товароведческой, таможенной и криминалистической экспертизы»: сб. науч. работ / под ред. Г.Д. Дроздова. – СПб.: СПбГЭУ, 2015. – № 6. – С.54.

²⁸⁹ *Солодовников С.Ю.* Социально-экономические условия перехода Республики Беларусь к постиндустриальному обществу // Известия Самарского НЦ РАН. – 2007. – Т.9. – № 2. – С.445.

и мировой экономики к новым быстро меняющимся условиям жизнедеятельности.

Технологические обмены между государствами-членами ЕАЭС не являются самоцелью, а направлены на совместное развитие реального сектора национальных экономик. Вместе с тем по степени интегрированности промышленных комплексов этих стран можно с высокой степенью вероятности судить о том, насколько развиты между ними технологические трансферы. Следует особо подчеркнуть, что без единой промышленной политики в ЕАЭС интенсивность технологических обменов между государствами-членами будет незначительна.

Известно, что процесс экономической интеграции в своём развитии от простой торговли товарами и услугами к перемещению капиталов и созданию совместных производств через производственную и научно-техническую кооперацию, развиваясь, требует повышения степени согласования на межгосударственном уровне. Очевидно, что проведение согласованной промышленной, равно как и любой другой совместной политики предполагает более высокий уровень интеграции между странами, качественно иной уровень взаимодействия не только глав государств, но прежде всего субъектов хозяйствования. Согласно одному из фундаментальных положений экономической науки, развитие экономических интеграционных процессов протекает от простого к сложному, и переход на новый уровень является закономерным результатом углубления международного разделения труда²⁹⁰. Из вышесказанного следует, что для реального изменения качества экономических взаимоотношений одной лишь политической воли руководства стран ЕАЭС и теоретического обоснования возможных выгод совершенно недостаточно. Анализ актуальных статистических данных по ЕАЭС свидетельствует, что даже самая простая форма интеграционного взаимодействия (интеграция рынков товаров, услуг, капитала) пока полностью не реализована.

Интеграционное взаимодействие в ЕАЭС предполагает постепенное повышение уровня четырёх свобод: движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Естественно считать, что, развивая идею интеграции, правительства стран-участниц (как субъекты промыш-

---

²⁹⁰ Бровко Н.А. Развитие экономических интеграционных процессов на современном этапе: дис. ... д-ра экон. наук. – Бишкек, 2011.

ленной политики своей страны) руководствуются интересами своей страны. Особенности и текущее состояние экономики каждой страны обуславливает наличие своих собственных интересов. Интеграционная практика показывает, что общие для всех стран ЕАЭС интересы пока не сформированы. Даже такие, казалось бы, общие интересы, как расширение рынка сбыта и рост объёма промышленного производства, для каждой страны являются частными и рассматриваются с точки зрения своей продукции. Многие из национальных интересов вступают в противоречие друг с другом. Эта проблема требует незамедлительного решения на основе «учёта интересов индивидов и различных социальных общностей в целях организации и наиболее эффективного вовлечения их в общественное производство»²⁹¹. В противном случае влияние ЕАЭС на технологические обмены стран-участниц будет незначительным.

Наибольший интерес к экономической интеграции и либерализации взаимной торговли испытывают экспортёры продукции. Вместе с тем формирование согласованной промышленной политики стран-участниц ставит своей целью не только увеличение доли промышленной продукции государств-членов на общем рынке ЕАЭС, но и активизацию инвестиционной и инновационной деятельности. В этой связи целесообразно исследовать уровень взаимодействия в этой области. Как свидетельствует статистика, в 2013 г. в ЕАЭС функционировало 10,1 тыс. совместных предприятий с участием капитала из стран ЕАЭС, в том числе в Беларуси – 2 840 предприятий, в Казахстане – 3 299, в России – 3 949. Объём накопленных взаимных инвестиций в ЕАЭС составил почти 24 млрд долларов США, в том числе в Армению – 2,2 млрд долларов США, в Беларусь – 7,9 млрд долларов США, в Казахстан – 9,3 млрд долларов США, в Кыргызстан – 1,2 млрд долларов США, в Российской Федерации – 3,4 млрд долларов США²⁹².

---

²⁹¹ Солодовников С.Ю. Социальный капитал как экономический ресурс // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D «Экономические и юридические науки». – 2015. – № 5. – С.2–9.

²⁹² Сидорский С.С. Промышленное сотрудничество в ЕАЭС – мощный фактор экономического развития // Республика. – URL: <http://respublika.sb.by/obshchestvo-27/article/promyshlennoe-sotrudnichestvo-v-eaes-moshchnyy-faktor-ekonomicheskogo-razvitiya.html> (дата обращения: 20.12.2016).

Исходя из показателя удельного веса организаций с участием капитала стран ЕАЭС в общем количестве организаций с участием иностранного капитала Беларусь является наиболее интегрированной со странами ЕАЭС (93,2%, причём 89,7% – это предприятия с российским капиталом), существенно ниже этот показатель в Казахстане – 38,4% (предприятия с российским капиталом – 34,6%), для России этот показатель на уровне 17,4% (14% – предприятия с белорусским капиталом), для Кыргызстана и Казахстана высока доля участия России – 8,9% и 6,7% соответственно, в Армении учёт по данному показателю не ведётся.

Взаимные прямые инвестиции в ЕАЭС в 2014 г. возросли с 24,8 до 25,1 млрд долларов США, т.е. на 1,2%. Основной объём взаимных инвестиций осуществлялся между Россией и Казахстаном. В 2014 г. в Россию поступило 83,96% от всех инвестиций внутри ЕАЭС и 12,9% инвестировала сама Россия. Для Казахстана аналогичные показатели составили 14,2% и 36,4% соответственно. При этом удельный вес взаимных инвестиций России и Казахстана составил 47,6%. Вторую по значимости пару стран с развитыми встречными потоками инвестиций составили Беларусь и Россия (34,5%). Доминирующими отраслями взаимных инвестиций в ЕАЭС стали топливный комплекс и цветная металлургия²⁹³.

Удельный вес взаимных прямых инвестиций стран ЕАЭС в стоимости основных средств страны показывает высокий уровень влияния российского капитала в экономике Армении (25,6%), средний уровень – в Беларуси (4,7%), Кыргызстане (4,7%) и Казахстане (3,3%), наблюдается также средний уровень влияния казахстанского капитала в Кыргызстане (4,8%).

В то же время накопленные прямые инвестиции Китая в Россию, Беларусь и Казахстан увеличились с 2009 по 2013 г. с 11 млрд долларов США до 24,7 млрд долларов США (на 6,1% в год в среднем). На Казахстан пришлось 91,5% из них. Подавляющая их часть (72% в России, 99% в Казахстане) была инвестирована в топливный комплекс (добычу нефти, природного газа и их транспорти-

---

²⁹³ Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ. – URL: http://eabr.org/general/upload/СІІ%20-%20izdania/MonitoringVzaimnikhInvesticij/2015/MVI_2015_Ezhegodnyy_Doklad_rus.pdf (дата обращения: 11.06.2016).

ровку)²⁹⁴. Анализ торгово-инвестиционной экспансии китайского бизнеса выходит за рамки настоящего исследования, тем не менее нельзя не указать на наличие настолько серьёзного конкурента, который, не являясь членом ЕАЭС, успешно осуществляет «интеграцию снизу».

В основе евразийской экономической интеграции, несомненно, заложены принципы взаимной выгоды и комплементарности экономик, однако различие производственных потенциалов стран, разноразностной и разноразностный характер их формирования и развития, невозможность быстрого изменения структуры промышленного производства в стране, а также диалектическая взаимосвязь интеграционных и дезинтеграционных тенденций существенно осложняют процесс²⁹⁵. Так, анализ национальных программ развития промышленных комплексов России, Беларуси и Казахстана, проведённый экспертами Евразийской экономической комиссии, показал, что, хотя все они нацелены на создание высокопроизводительных рабочих мест, приоритетное развитие стратегически важных отраслей, программы развития во многом совпадают в части методологии решения проблемных вопросов развития промышленности, определения целей и задач, инструментов и механизмов государственной политики в промышленности, однако являются совершенно автономными. Каждая из стран стремится повысить объёмы производства и экспорта на общий рынок по аналогичным видам продукции. Страны ЕАЭС, рассматривая рынки друг друга в качестве экспортных, свои национальные рынки стремятся закрыть, в том числе через программы импортозамещения.

При этом стремление к формированию общего внутреннего рынка носит декларативный характер. Приоритеты развития промышленных комплексов по отраслям также имеют высокую степень идентичности, хотя различия, предусматривающие разную специализацию на отдельных видах продукции, могли бы стать основой для углубления международного разделения труда, которое, в свою

---

²⁹⁴ *Винокуров Е.* Инвестиции Китая в экономики стран-участниц ЕАЭС? – URL: http://www.eabr.org/r/press_center/expert_comment/index.php?id_4=48501 (дата обращения: 11.06.2016).

²⁹⁵ *Бровко Н.А.* Развитие экономических интеграционных процессов на современном этапе: дис. ... д-ра экон. наук. – Бишкек, 2011.

очередь, является необходимым условием развития международной интеграции. Высокую степень пересечения имеет также экспорт продукции за пределы ЕАЭС. Это ведёт к нежелательной конкуренции и противостоянию между производителями и с учётом осуществляемой государственной поддержки соответствующих отраслей к усилению противоречий между правительствами стран ЕАЭС²⁹⁶. Наиболее яркими примерами такого противостояния в промышленности являются ОАО «МАЗ» и ПАО «КАМАЗ», которые являются прямыми конкурентами в секторе грузовых автомобилей, прежде всего на рынке ЕАЭС, так же как холдинги «Гомсельмаш» и «Ростсельмаш» на рынке сельхозтехники²⁹⁷.

Многочисленные взаимные претензии и разногласия, часто возникающие в практике экономического взаимодействия стран-членов ЕАЭС, на наш взгляд, демонстрируют серьёзные внутренние противоречия самого процесса «интеграции сверху», когда заключённые межправительственные соглашения, вполне соответствующие общенациональным интересам стран ЕАЭС, вступают в противоречие или не в полной мере отражают интересы реального сектора интегрируемых экономик. Основные противоречия, возникшие в процессе интеграции стран ЕАЭС, на современном этапе носят не отраслевой, конъюнктурный, а макроэкономический, системный характер и могут быть определены следующим образом:

1. Формализация процесса интеграции через создание большого количества интеграционных объединений, существующих на постсоветском пространстве, и размытость принципиальных отличий одного от другого.

2. Явное несоответствие нарастающего количества подписанных межправительственных соглашений («интеграции сверху») сокращающейся активности экономического взаимодействия стран ЕАЭС («интеграции снизу»).

3. Политический характер многих интеграционных инициатив, несмотря на декларируемые экономические цели.

---

²⁹⁶ О результатах анализа национальных программ Беларуси, Казахстана и России в сфере промышленности. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_prom/siteassets (дата обращения: 15.07.2016).

²⁹⁷ Михалевич И. Кооперативный соблазн для евразийской промышленности. – URL: http://www.neg.by/publication/2015_05_19_19654.html?print=1 (дата обращения: 20.12.2016).

4. Противоречие интересов национальных производителей, которое выражается в периодически возникающих «молочных», «сахарных» и других торговых конфликтах между Россией, Беларусью и (реже) Казахстаном, с активным использованием нетарифных методов регулирования, несмотря на отсутствие таможенной границы.

5. Неготовность стран ЕАЭС к свободному экономическому взаимодействию без изъятий и ограничений (по отдельным позициям решение вопроса отложено до 2025 г.).

Обозначенные проблемы, характеризующие противоречия в интеграционных процессах, являются одновременно и задачами, которые необходимо решить, и исходными факторами формирования согласованной промышленной политики, расширения технологических обменов между государствами-участниками ЕАЭС. По своему определению согласование предполагает достижение общего согласия между группой заинтересованных лиц по поводу принятия общего решения, проведения совместных действий²⁹⁸.

Среди перспективных для экспорта белорусских технологий выделяют информационные технологии, в том числе программное обеспечение. Среди экспертов нет однозначного мнения относительно целесообразности отнесения информационных технологий к технологическим решениям и процессам производственного характера. Информационные технологии рассматриваются как составная часть разрабатываемых и внедряемых в производственный процесс технологий. С учётом развития процессов автоматизации производства удельный вес применяемого программного обеспечения будет увеличиваться. В связи с этим, по нашему мнению, целесообразно согласиться с подходом, предлагающим рассматривать информационные технологии в качестве составного элемента технологий.

В Республике Беларусь функционирует ряд крупных технологических парков, одним из основных видов деятельности которых является создание программного обеспечения. Наиболее важным образованием среди них является Парк высоких технологий (далее – ПВТ). По данным, приведённым на официальном сайте ПВТ, «мобильными приложениями, разработанными компаниями-резидентами ПВТ, пользуется более 900 миллионов человек в 193 странах ми-

---

²⁹⁸ *Борисов А.Б.* Большой экономический словарь. – М.: Книжный мир, 2003.

ра», «пять компаний-резидентов ПВТ входят в рейтинг 100 лучших аутсорсинговых компаний мира – *The Global Outsourcing 100®* – по версии Международной ассоциации профессионалов аутсорсинга»²⁹⁹. 91,5% производимого в ПВТ программного обеспечения экспортируется, при этом 40,2% поставляется в США и Канаду, 46,7% – в страны Европы, 10,7% – в Россию и СНГ³⁰⁰.

Продвижение белорусских разработок на внутреннем рынке может создать синергетический эффект и позволит улучшить конкурентные преимущества отечественной продукции для её продвижения на рынке ЕАЭС. Прежде всего это касается предприятий машиностроения Республики Беларусь. Формирование кластерных структур на основе кооперации и специализации между промышленными предприятиями и резидентами ПВТ позволит увеличить степень автоматизации и технологической оснащённости белорусской продукции. В ЕАЭС, кроме традиционных отраслей, в которых Республика Беларусь может увеличить своё присутствие, существует развитая промышленность. В связи с этим создание кластерных структур и продвижение на внутреннем рынке информационных технологий позволит не только увеличить объёмы экспорта продукции, но и сформировать логистическую цепь по продвижению и обслуживанию белорусской машиностроительной продукции на рынке ЕАЭС.

Вхождение на внутренний рынок других стран предполагает проведение мероприятий по формированию спроса и стимулированию сбыта продукции. В то же время целесообразным является привлечение местных предприятий к реализации этих проектов. В данном случае основу сотрудничества могут составлять совместные исследования и разработки новых технологий с учётом спроса на внутренних рынках стран ЕАЭС. Сотрудничество непосредственно с предприятиями позволит выявить спрос на внутренних рынках стран-участниц ЕАЭС на отечественные технологии и реализовать маркетинговый подход, предполагающий определение отраслей, в которых существует наибольшая необходимость в обновлении производственной базы и технологий.

Формирование спроса на белорусские технологии на рынке ЕАЭС возможно за счёт селективного применения двухсторонних

---

²⁹⁹ НТР Belarus. – URL: <http://www.park.by> (дата обращения: 24.01.2017).

³⁰⁰ Там же.

соглашений между профильными предприятиями на основе специально разработанных бизнес-планов (с привлечением компетентных белорусских учёных) под гарантии Совета Министров Республики Беларусь. В качестве иных подходов целесообразно рассматривать, во-первых, создание на территории стран-участниц ЕАЭС венчурных предприятий с участием местного капитала, которые будут привлекать технологии Республики Беларусь в экономику конкретной страны-резидента. Во-вторых, делегировать посольствам Республики Беларусь полномочия по правовой поддержке белорусских инвестиций в страны ЕАЭС, в случае если использование инвестиций сопряжено с внедрением белорусских технологий на их внутренних рынках.

Мировой рынок трансфера технологий отличается высоким динамизмом. По оценкам некоторых специалистов³⁰¹, за счёт привлечения новых технологий в развитых странах ежегодно обновляется до 25% выпускаемой продукции. Значимой особенностью функционирования мирового высокотехнологичного рынка является высокий уровень конкуренции, что определяет требования к качеству продукции и объёму капитальных вложений для реализации соответствующей маркетинговой стратегии развития.

Инновационной путь развития экономики Республики Беларусь предполагает совершенствование работы действующих наукоёмких предприятий, а также создание новых с более передовыми прогрессивными технологиями. В определённой мере это развитие определяется экономическим потенциалом высокотехнологичных отраслей промышленности. По статистике³⁰² каждое созданное рабочее место в этой сфере создаёт до 10 мест в смежных отраслях. В Республике Беларусь действует ряд госпрограмм, направленных на дальнейшее совершенствование применяемых технологий. Кроме того, приняты и успешно реализуются программы Союзного государства

---

³⁰¹ Солодовников С.Ю., Сверлов А.С., Мельникова Л.В., Наумович О.А. Отчёт о научно-исследовательской работе «Интернационализация деятельности субъектов рынка Беларуси и Армении по привлечению, адаптации и внедрению новых технологии в экономические системы двух стран», (заключительный) договор с БРФФИ № Г11АРМ-003 от 01.07.2011 (2011–2013 гг.) / науч. рук. С.Ю. Солодовников. – Минск: Институт экономики НАН Беларуси, 2013.

³⁰² Там же.

Беларуси и России. В то же время необходимо чётко определить целесообразность разработки собственными силами технологических решений или их приобретения за рубежом.

Таким образом, нами установлено, что рынок трансфера технологий носит двойственный характер. С одной стороны, на нём реализуются непосредственно технологические решения, с другой стороны, на нём обращаются товары, созданные с помощью перспективных технологий. Взаимодействие субъектов хозяйствования на этом рынке основано на хозяйственном праве и договорных отношениях. Выполнение договорных обязательств, как правило, сопровождается поставкой оборудования, лицензий на право применения конкретной технологии, передачей патентов. В отдельных случаях может передаваться только лицензия на использование технологических решений.

Трансфер технологий является комплексной категорией. Его появление связывается с научно-техническим прогрессом. Использование подхода, учитывающего влияние научно-технического прогресса, обуславливает необходимость исследования влияния всего цикла создания новой технологии и её дальнейшей коммерциализации. В этой связи рассматривается взаимосвязь между функционированием отдельных исследовательских подразделений предприятий, производственного процесса, служб маркетинга и эффективность администрирования. Эффективно использовать перечисленные 4 компонента может предприятие любого размера. В то же время коммерциализация конкретной технологии предполагает значительные вложения в продвижение на рынке этого вида продукта. Как правило, этим занимаются крупные предприятия. Использование перспективных технологических решений позволяет развитым странам увеличивать объёмы экспортных поставок.

Одним из значимых факторов влияния на трансфер технологий в Республике Беларусь является мотивация конкретных субъектов хозяйствования, их руководителей и членов трудового коллектива. В Республике Беларусь существует ряд законодательных актов, которые определяют правовую базу по стимулированию инновационной деятельности и внедрению перспективных технологий. В то же время существующая система льгот, в том числе налоговых, не всегда является эффективной. Используемая нормативно-правовая база по стимулированию деятельности руководителей в основном

сводится к выполнению валовых показателей. Отдельные проекты, которые позволили бы перейти на преимущественно интенсивный путь экономического развития и выполнить качественные параметры развития страны, не учтены в существующей системе льготирования и мотивации субъектов экономической деятельности. Применение отдельных элементов налогового стимулирования стран Западной Европы также малоэффективно. Для решения проблемы необходимо более полное и широкое привлечение руководителей крупных промышленных предприятий и членов трудового коллектива к процессу внедрения конкретных технологий, которое может быть достигнуто посредством увеличения экономической заинтересованности в результатах деятельности предприятий.

В Республике Беларусь уже создана инфраструктура по развитию трансфера технологий, которая включает в себя ряд организаций, таких как Республиканский центр трансфера технологий, его представительства, конструкторские бюро и т.д. Формирование данной структуры было завершено относительно недавно. Это обуславливает тот факт, что отдельные мероприятия, которые реализуются данной системой, практически не приносят ожидаемых экономических результатов. В то же время необходимо отметить, что существующая инфраструктура постоянно модернизируется, что определяется не только нормативно-правовой базой, издаваемой органами государственного управления, но и государственными программами, которые реализуются в Республике Беларусь. Прежде всего это государственная программа инновационного развития страны на соответствующий период, реализация которой позволяет не только модернизировать существующие технологии и внедрять новые перспективные производства, но и создавать новые перспективные отрасли экономики.

Для развития системы трансфера технологий в Республике Беларусь предлагается использовать несколько направлений. Одно из них – реформирование законодательной базы, второе – экономическое стимулирование. Первое направление предполагает принятие соответствующих нормативных правовых актов, которые позволяют усовершенствовать инфраструктуру по привлечению технологий и их внедрению в хозяйственную практику предприятий, а также повысить экономическую заинтересованность в результатах хозяйственной деятельности. В качестве второго направления экономи-

ческого стимулирования необходимо использовать систему налоговых льгот вместо прямых ассигнований из бюджета. Использование системы льгот позволит достичь конкретных результатов инновационного развития как в отдельных отраслях экономики страны, так и в экономике в целом, а также позволит устранить «экономическое иждивенчество» отдельных предприятий, хозяйственная деятельность которых основана исключительно на дотациях и субсидиях из государственного бюджета.

Использование в Республике Беларусь опыта зарубежных стран должно носить селективный характер. В силу различия экономических систем полное применение зарубежного опыта в Беларуси невозможно. В то же время отдельные элементы по стимулированию привлечения технологий уже используются в экономической системе страны. Прежде всего необходимо отметить налоговое законодательство, в соответствии с которым резидентами ПВД уплачивается налог на прибыль с учётом пониженной налоговой ставки, существуют также льготы по уплате НДС в случае приобретения, производства или реализации инновационной продукции.

Применяемая система стимулирования трансфера технологий не является оптимальной, её необходимо значительно улучшить, пересмотрев функционирование отдельных элементов. Исследование данного вопроса показывает, что решение проблем привлечения новых технологий в Республику Беларусь фактически будет сопряжено с продвижением отечественных технологий на зарубежных рынках. Реализация данного подхода позволит отечественным производителям в средне- и долгосрочной перспективе участвовать на вторичном рынке трансфера технологий, т.е. осуществлять их куплю-продажу.

Одним из сдерживающих факторов трансфера технологий является низкий уровень мотивации труда. Несмотря на либерализацию трудовых отношений между нанимателем и наёмным работником, данный ресурс используется не полностью. Более эффективное его использование может быть обеспечено за счёт применения матричной системы управления персоналом и формирования центра ответственности с количественными параметрами оценки результатов их работы

Сегодня функции маркетинговых служб отечественных предприятий практически сведены к функциям отдела сбыта. Отечественные предприятия слабо ориентируются на рынках сбыта, в связи

с чем не могут корректно оценить целесообразность привлечения или замены конкретной технологии. На уровне государства стимулированию продвижения отечественных технологий на зарубежных рынках будет способствовать придание большей гибкости налоговой системе. Прежде всего это создание дигрессивной шкалы по наиболее существенным налогам, например, налогу на добавленную стоимость и налогу на прибыль.

Несмотря на то что внедрение отечественных технологий в отрасли экономики Республики Беларусь способствуют поддержанию конкурентоспособности производимой продукции, необходимо как усиливать коммерческую направленность прикладных исследований, так и развивать фундаментальную науку. Последнее, в частности, важно для возможности проведения комплексных социально-эколого-экономических и технико-технологических оценок при выборе и освоении зарубежных технологий.

Вопросы, касающиеся внедрения и трансфера технологий, являются комплексными и должны рассматриваться с позиций не только экономического эффекта, но и перспектив сотрудничества между странами. Трансфер технологий имеет сложившиеся формы, среди которых выделяется внутрифирменная передача технологий и лицензирование. Практика хозяйственной деятельности показывает, что технологии в значительной части передаются на условиях аутсорсинга. В то же время передаваемые технологии не позволяют предприятию-реципиенту получить перспективные технологические решения.

Решением поставленных задач может быть развитие дифференцированных форм международного сотрудничества. Очевидно, что получить перспективные технологии можно на основе развития системы кооперации и специализации, участия в совместных научных исследованиях, посредством подписания межправительственных соглашений. В этом случае каждая из сторон является собственником полученных результатов. Более сложная задача – продвижение технологий на рынках других стран.

Основной экономический эффект от создания ЕАЭС заключается в расширении рынков сбыта стран-участниц, снижении транзакционных издержек через устранение таможенных и технических барьеров, привлечении прямых иностранных инвестиций из третьих стран. Однако в настоящий момент наблюдается крайне низкий

уровень взаимной торговли, производственной кооперации и взаимного инвестирования в промышленной сфере. Наиболее ёмкие и стратегически важные сегменты общего рынка промышленной продукции оказались заняты импортом из третьих стран. Рассматривая рынки друг друга в качестве экспортных, страны ЕАЭС стремятся закрыть свои национальные рынки, в том числе через программы импортозамещения. При этом стремление к формированию во многом общего внутреннего рынка ЕАЭС носит декларативный характер. Проведение согласованной промышленной политики в ЕАЭС может значительно усилить технологические обмены.

Перспективными формами трансфера технологий в другие страны является создание совместных предприятий и организация кластерных структур. Продукция, выпускаемая по белорусской технологии, реализуется на внутреннем рынке страны, где создано производство. Таким образом, функционирование совместного предприятия фактически является экспортом отечественных технологических решений. Более сложным проектом является подход формирования кластерных структур. Прежде всего это связано с необходимостью установления договорных отношений между участниками объединения. Для Республики Беларусь перспективным является формирование кластера, в котором белорусские научные организации выполняют разработки, тогда как их внедрением и адаптацией занимаются организации-резиденты стран-партнёров по ЕАЭС. Нетривиальность данного конгломерата состоит в изначальной ориентации на внутренние рынки конкретных стран ЕАЭС, т.е. непосредственную коммерциализацию результатов исследований с учётом изменения существующих структур экономик стран-участниц ЕАЭС.

Глава VII

РОЛЬ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА РЕГИОНА НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

В рыночных условиях хозяйствования сохранение потребительской кооперации как единой и самобытной системы должно осуществляться на основе ускорения темпов экономического роста, позволяющих осуществить реализацию важнейшей миссии системы – участие в обеспечении продовольственной безопасности страны, решать такие ключевые государственные задачи, как повышение импортозамещения, увеличение занятости населения, улучшение качества жизни граждан России.

Вопрос о роли потребительской кооперации в социально-экономическом развитии регионов был обсуждён на расширенном заседании Комитета Государственной Думы РФ по региональной политике и проблемам Севера и Дальнего Востока, на котором была выделена социальная направленность работы потребительской кооперации, особо значимой для сельской местности, где население не имеет высоких доходов и лёгкого доступа к необходимым товарам и услугам.

Реализация социальной миссии системы невозможна без освоения во всех региональных организациях современных технологий работы; реализации Стратегии развития торговли «Дорожная карта»; объединения организационных и экономических условий по активизации участия потребительской кооперации в выполнении Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг.; реализации Концепции развития кооперации на селе на период до 2020 года.

Для решения этих стратегических задач потребительская кооперация располагает определённым экономическим и финансовым потенциалом: Центральный союз потребительских обществ России объединяет 67 потребительских союзов, совокупный объём деятельности которых в 2015 г. составил 231,7 млрд руб., размер чистой прибыли – 3,8 млрд рублей³⁰³.

---

³⁰³ Основные показатели социально-экономической деятельности потребительской кооперации России. – М., 2007–2015.

Значительный вклад в развитие системы вносит Коми регион, на долю которого в Северо-Западном регионе приходится 7,1% численности пайщиков, 7,5% объёма продаж, 5,4% закупок и заготовок сельскохозяйственной продукции. Его организации формируют 8,3% чистой прибыли. Многоаспектная деятельность потребительской кооперации создаёт необходимые условия для укрепления традиционных для северных территорий жизненных ценностей и видов хозяйственной деятельности.

В последние десятилетия в системе потребительской кооперации обозначилась тенденция к снижению темпов роста объёмов деятельности в основных её отраслях. Доля оборота потребительской кооперации в розничном обороте страны снизилась, сократились темпы роста прибыли и рентабельности, усилились диспропорции в соотношении собственных и привлечённых финансовых ресурсов для воспроизводственной и текущей деятельности, сократились возможности привлечения средств внешнего финансирования.

Основными причинами создавшегося положения в системе потребительской кооперации являются последствия проведения экономических реформ в 1991–2000 гг. и влияния двух финансовых кризисов, повлекших за собой:

- недостаток финансовых ресурсов на модернизацию объектов материально-технической базы и обновление оборудования;
- недостаточность оборотных средств для осуществления закупок сельскохозяйственной и дикорастущей продукции у населения;
- снижение объёмов государственной финансовой поддержки;
- несовершенство транспортной структуры регионов;
- отсутствие конкурентных преимуществ по сравнению с крупными торговыми сетями на рынке товаров и услуг;
- высокую стоимость заёмных ресурсов;
- слабую интеграцию кооперативного производства с системой заготовительной и торговой деятельности.

Отмеченные проблемы подтверждаются результатами проведённого анализа показателей деятельности организаций потребительской кооперации. Так, вследствие сокращения объектов материально-технической базы и численности работающих наблюдалось существенное снижение объёмов закупок всех видов сельскохозяйственной продукции. Например, в 1999 г. по сравнению с 1990 г. объём закупок мяса и мясopодуктов сократился в 40,4 раза, молока

и молочных продуктов – в 38,2 раза. Несмотря на ряд принятых мер поддержки, показатели хозяйственной деятельности в организациях потребительской кооперации Республики Коми до конца 1998 г. продолжали ухудшаться. Так, только за один 1998 г. объём розничного товарооборота составил в сопоставимых ценах 46,2% от уровня 1997 года. Доля кооперативной торговли в общем объёме розничного товарооборота Республики Коми, включая оборот общественного питания, в 1997 г. составила 4%, а в 1998 г. – 2,1%³⁰⁴.

Тенденцию к сокращению объектов материальной базы по направлениям деятельности можно проследить по данным *табл. 1* и *рис. 1*.

Т а б л и ц а 1

*Динамика объектов материально-технической базы
потребительской кооперации Республики Коми в 1990–1999 гг.*

Годы	Объекты материальной базы по направлениям деятельности, ед.				
	Розничная торговля	Обще- пит	Хлебо- печение	Производ- ственные цеха	Овоще- хранилища
1990	1 100	299	108	21	48
1991	1 073	280	107	21	нет свед.
1992	911	200	108	23	нет свед.
1993	955	111	107	23	54*
1994	679	70	96	17	нет свед.
1995	630	62	87	8	нет свед.
1996	642	56	87	9	нет свед.
1997	622	49	61	8	нет свед.
1998	592	39	59	5	нет свед.
1999	470	39	58	5	19
1999 г. к 1990, %	42,7	13,0	53,7	23,8	39,6

Составлено по: Текущий архив КРПО. Д. Годовые статистические отчёты Коми респотребсоюза (с 1997 г. Коми РПО) за 1990–1999 годы; Республика Коми: энциклопедия. – Сыктывкар, 1997. – Т.1. – С.121.

* С учётом картофеле-фруктохранилищ.

³⁰⁴ Республика Коми в цифрах (К 60-летию законодательного органа государственной власти Республики Коми): сборник. – Сыктывкар, 1998.

Рис. 1. Динамика объектов материально-технической базы потребительской кооперации Республики Коми в 1990–1999 гг.

Как видно из данных табл. 1 и рис. 1, число магазинов в розничной торговле сократилось на 47,3%, предприятий общественного питания – на 87%. Из представленной динамики видно, что резкое снижение объектов материальной базы по всем направлениям деятельности произошло в 1994 году. В 1998 г. было закрыто 30 магазинов, а 152 магазина – законсервировано, продано 5 и передано другим структурам 8 торговых точек.

Из-за финансовой несостоятельности в 1998 г. перестали функционировать 10 столовых на 240 посадочных мест, почти наполовину сократилась численность хлебопекарен. В целом по системе потребительской кооперации Республики Коми на начало 1999 г. функционировало 3 склада-холодильника на 187 т, 4 приёмозаготовительных пункта и 9 картофелехранилищ на 1 245 тонн. На эту же дату было закрыто 5 складов-холодильников на 500 т, 11 картофелехранилищ на 915 т и законсервирован 1 склад-холодильник на 100 тонн.

За период с 1990 по 1999 г. существенно сократилась численность пайщиков потребительской кооперации Республики Коми. Так, в 1990 г. в Коми респотребсоюзе численность пайщиков составляла 121 тыс. человек, в 1995 г. – уже 83 тыс. человек, а на 1 января 2000 г. уменьшилась до 76 тыс. человек. Отмеченные резкие колебания в численности пайщиков были связаны в большей мере со сни-

жением их активности в проведении отчётно-выборных собраний, т.к. они не видели преимуществ своего участия в кооперации, поскольку с 1991 по 1998 г. численность сельских жителей Республики Коми снизилась всего на 5 тыс. человек³⁰⁵.

Средний паевой взнос в кооперативных организациях Республики Коми существенно снизился: если в конце 80-х гг. он составлял около 17–20 руб., то в 1998 г. – только 4 руб. 12 коп. (в сопоставимых ценах). С изменением численности пайщиков в потребительской кооперации Республики Коми непосредственно связаны и изменения в её организационной структуре. Во-первых, число сельпо (горпо) сократилось – с 56 единиц в 1990 г. до 30 в 1998 году. В связи с этим за 9 лет (с 01.01.1991 по 01.01.2000) численность работавших в системе потребительской кооперации Республики Коми сократилась на 78%, или на 8 171 человек.

Значительное уменьшение численности работавших, в основном сельской местности, способствовало увеличению числа безработных в сёлах и деревнях республики. В целом Республика Коми по уровню безработицы занимала в середине 90-х гг. 2-е место по северному региону и 12-е место – в Российской Федерации³⁰⁶.

Изменения, происшедшие в производстве основных видов продукции в условиях перехода к рыночной экономике, отражены в табл. 2 и на рис. 2.

Т а б л и ц а 2

*Производство товаров народного потребления
в потребительской кооперации Республики Коми*

Годы	Виды продукции			
	Хлеб и хлебобулочные изделия, т	Колбасные изделия, т	Кондитерские изделия, т	Безалкогольные напитки, дкл
1990	16 127	707	297	24 124
1991	16 875	643	276	9 010
1992	13 404	556	129	507
1993	11 785	534	88	1 061

³⁰⁵ Республика Коми в цифрах (К 60-летию законодательного органа государственной власти Республики Коми): сборник. – Сыктывкар, 1998.

³⁰⁶ Там же.

Продолжение табл. 2

1994	9 700	429	33	154
1995	8 191	157	26	83
1996	5 701	33	13	8
1997	4 019	–	–	11
1998	300	–	4	35
1999	2 800	–	9	нет сведений
1999 г. к 1990, %	17,4	4,7*	3,0	0,1**

Составлено по: Текущий архив КРПО. Д. Годовые статистические отчёты Коми респотребсоюза (с 1997 г. – Коми РПО) за 1990–1999 годы.

* 1996 г. к 1990 году.

** 1998 г. к 1990 году.

Рис. 2. Динамика производства товаров народного потребления

Как видно из данных табл. 2 и рис. 2, уровень производства хлеба и хлебобулочных изделий резко снизился и составил в 1999 г. к 1990 г. 17,4%. Конкуренция со стороны государственных и частных предприятий стала более жёсткой, и многие кооперативные хлебопекарни не выдержали этой ожесточённой борьбы. Вместе с тем сократились расходы этого продукта на откорм скота, поскольку он стал экономически невыгодным.

Производство кондитерских и колбасных изделий, а также безалкогольных напитков практически сошло «на нет», что отрицательно сказалось на результатах хозяйственной деятельности системы.

Из проведённого анализа можно сделать однозначный вывод: в результате экономических реформ 1991–2000 гг. потребительская кооперация Республики Коми понесла невосполнимые потери во всех отраслях деятельности, что привело практически к развалу системы и проблемам её функционирования в последующие годы.

Экономический кризис негативно отразился на заготовительной деятельности организаций потребительской кооперации Республики Коми. Заготовительный оборот в целом в 1993 г. к уровню 1990 г. снизился на 41%. Динамика объёмов закупок основных видов сельскохозяйственной продукции, представленная в *табл. 3* и на *рис. 3*, показывает, что закупки мяса и мясопродуктов в 1994 г. по сравнению с 1990 г. сократились на 89%, молока и молочных продуктов – на 67,8%. Минимальные объёмы закупок картофеля имели место в 1997 г., овощей, плодов и ягод – в 1998 году. С 1999 г. стал наблюдаться рост закупок картофеля, овощей, плодов, ягод.

В последующие годы продолжали сокращаться быстрыми темпами объёмы закупок всех видов сельскохозяйственной продукции. Так, объём закупок мяса и мясопродуктов сократился в 1999 г. по сравнению с 1990 г. – в 40,4 раза, молока и молочных продуктов – в 38,2 раза. В 1998 г. были сведены до минимума закупки овощей, плодов и ягод.

С развитием рыночных отношений возникла необходимость в создании объективных условий для развития организаций системы потребительской кооперации. Среди важнейших условий функционирования системы в организациях важным является наличие институтов различных организационно-правовых форм хозяйствования, рыночного ценообразования, рынков факторов производства, товаров и услуг, рыночной инфраструктуры, надлежащей системы государственного регулирования их деятельности.

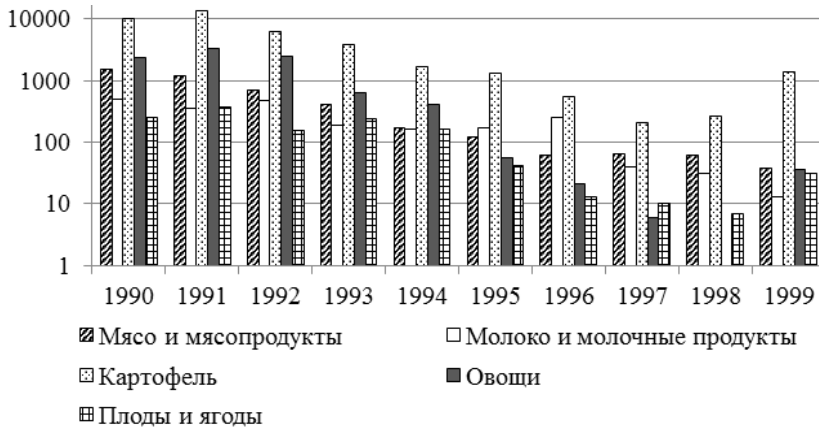
В потребительской кооперации, как и в стране в целом, практика эффективного управления её организациями находится в стадии становления в результате объективных экономических трудностей, несовершенства нормативно-правовой базы, недостаточного уровня подготовки специалистов. Изменение отношений собственности, вызвавшее структурные изменения в объёмах её многоотраслевой дея-

Т а б л и ц а 3

*Объёмы закупок отдельных видов сельхозпродукции
по системе потребительской кооперации Республики Коми
в 1990–1999 гг.*

Годы	Виды сельскохозяйственной продукции, т				
	Мясо и мя- сопродукты	Молоко и молоч- ные продукты	Карто- фель	Овощи	Плоды и ягоды
1990	1 537	496	10 253	2 419	257
1991	1 184	358	13 271	3 322	374
1992	705	470	6 357	2 535	155
1993	409	193	3 883	626	246
1994	169	160	1 709	404	161
1995	124	171	1 294	55	41
1996	63	252	549	21	13
1997	66	39	212	6	10
1998	63	31	263	1	7
1999	38	13	1 370	37	31
1999 г. к 1990, %	2,5	2,6	13,4	1,5	12,1

Составлено по: Текущий архив КРПО. Д. Годовые статистические отчёты Коми респотребсоюза (с 1997 г. – Коми РПО) за 1990–1999 годы.

Рис. 3. Объёмы закупок отдельных видов сельхозпродукции по системе потребительской кооперации Республики Коми в 1990–1999 гг.

тельности, недостаточная финансовая поддержка государства привели к тому, что потребительская кооперация стала испытывать постоянный недостаток финансовых ресурсов и собственных оборотных средств для воспроизводственных целей и осуществления текущей деятельности.

Оценка динамики численности пайщиков и темпов её изменения в потребительской кооперации системы Центросоюза РФ, Северо-Западного региона и Республики Коми за период с 2000 по 2015 г. свидетельствует о том, что за анализируемый период она продолжала уменьшаться. Однако следует отметить, что к 2014 г. по сравнению с 2013 г. темпы её снижения замедлились. Так, по Центросоюзу РФ темп снижения в 2014 г. составил 93,9%, по Северо-Западному региону – 95%, Коми региону – 94,9%. В 2015 г. темпы снижения по Центросоюзу РФ остались примерно на уровне 2014 г., а по Северо-Западному региону и Коми региону существенно сократились и составили соответственно 73,6 и 74,4%.

С 2013 г. не наблюдалось устойчивого роста объёмов продаж в организациях потребительской кооперации Республики Коми в действующих ценах. Напротив, в 2015 г. темпы их роста по сравнению с 2014 г. снизились со 109,5% до 103%. Вместе с тем происходит сокращение оборота розничной торговли в сопоставимых ценах. Так, оборот розничной торговли по Центросоюзу РФ в 2015 г. в сопоставимых ценах к 2014 г. составил 83,8%, Северо-Западному региону – 85%, Коми региону – 87,5%³⁰⁷.

Отсутствие достаточного количества оптовых баз не позволяет использовать современные информационные технологии для компьютерного управления товародвижением. Сдерживающим фактором формирования единой торговой сети в потребительской кооперации Республики Коми является значительная рассредоточенность торговых организаций и их отдалённость от республиканского центра. Например, из 35 потребительских обществ Коми потребительского союза только 6 находятся от г. Сыктывкара на расстоянии до 200 км, т.е. соответствуют требованиям организации на их основе региональных ЕТС³⁰⁸.

---

³⁰⁷ Основные показатели социально-экономической деятельности потребительской кооперации России. – М., 2007–2015.

³⁰⁸ *Ильина Л.И., Мухаметгалимова Н.Н.* Совершенствование управления торговой отраслью в потребительской кооперации региона // Актуаль-

Объём закупок сельскохозяйственной продукции в сопоставимых ценах в целом в 2015 г. по сравнению с 2014 г. сократился на 12,8%. Причиной является снижение объёма государственной поддержки по картофелю и другим видам сельскохозяйственной продукции на 37,9%. Тенденция к сокращению объёмов заготовок являлась характерной и для дикорастущей продукции и сырья. Так, с 2007 по 2015 г. имело место снижение объёмов закупок дикорастущей продукции по всем её видам. С 2013 по 2015 г. не осуществлялась закупочная деятельность по лектехсырью, шерсти, мелкому кожсырью.

Ежегодный рост по производству промышленной продукции, наблюдавшийся с 2009 г., к 2014 г. существенно замедлился. Так, в 2014 г. по сравнению с 2013 г. темп роста промышленной продукции составил 127,6%, в 2015 г. по сравнению с 2014 г. – 107,2%. С 2008 г. продолжало уменьшаться производство хлебобулочных и с 2009 г. – кондитерских изделий, темпы роста которых в 2015 г. к 2007 г. составили соответственно 84,8 и 64,6%.

С 2009 г. отмечалась устойчивая тенденция к снижению темпов роста оборотов общественного питания. В 2015 г. по сравнению с 2014 г. было отмечено снижение оборота общественного питания на 1,7%. За период с 2012 по 2015 г. темпы изменения выработки собственной продукции были отрицательными.

На 145-м общем собрании представителей потребительских обществ России были отмечены проблемы, препятствующие развитию отраслей деятельности системы, которые сводятся к следующему³⁰⁹:

- организациями потребительской кооперации во многом утрачены функции заготовительной деятельности, в них слабо внедряются инновационные технологии, не производится необходимая модернизация оборудования, не осуществляется возрождение приёмозаготовительных пунктов, что приводит к снижению их конкурентоспособности в сфере заготовительной деятельности;

- большинство производственных предприятий имеет низкий уровень технического и технологического обеспечения. Наличие мелких производств, дублирующих друг друга, создающих внутреннюю

ные вопросы экономики и управления: сб. науч. статей по итогам Международной науч. конф. (г. Волгоград, 20–21 июня 2011 г.): в 2 ч. / под ред. И.Е. Бельских. – Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2011. – Ч. II.

³⁰⁹ Гладкевич Ю. Взять в завтра лучшее из вчера // Российская кооперация. – 2016. – № 21 (953). – С.2.

конкуренцию с другими организациями потребительской кооперации, делает их экономически неэффективными. Создание, реперофильрование предприятий производственной сферы осуществляется без учёта развития существующей системы кооперативного производства;

- сфера розничной торговли характеризуется существенной долей убыточных организаций, расположенных на значительном расстоянии от возможных логистических распределительных центров, которые имеют исключительно социальный характер и не являются коммерчески эффективными;

- интеграции кооперативного производства с системой заготовительной и торговой деятельности препятствует невозможность объединения предприятий этих отраслей в единые логистические схемы для организации обеспечения сырьём и сбыта готовой продукции;

- в сферах общественного питания и бытового обслуживания не расширяется спектр услуг, удовлетворяющих потребности населения, из-за отсутствия экономически оправданных механизмов обновления основных средств.

В связи с этим на возрождение потребительской кооперации как одного из основных товаропроизводящих каналов между городом и селом на основе создания управляемой системы финансово устойчивых, экономически эффективных, инвестиционно привлекательных организаций во всех отраслях её деятельности нацелена Концепция развития потребительской кооперации на 2017–2021 гг.³¹⁰.

Проблема обеспечения экономического роста системы потребительской кооперации за счёт интенсивных факторов наиболее остро стоит перед организациями, осуществляющими деятельность в условиях Крайнего Севера и приравненных к нему местностях. Привлечение потребительскими союзами, функционирующими в зоне Севера, дополнительных финансовых ресурсов сдерживается дефицитом средств региональных и местных бюджетов.

Несмотря на реализацию Стратегии развития торговли «Дорожная карта», тесно связанной с автоматизацией торговых проектов, развитие проекта «Центркооп» для объединения закупочной деятельности, разработку основных бизнес-процессов, содержащих

---

³¹⁰ Из Концепции развития потребительской кооперации на 2017–2021 годы // Российская кооперация. – 2016. – № 37 (969). – С.1.

типовые алгоритмы работы региональных союзов и организаций, в системе, как отмечалось на 143-м общем собрании представителей потребительских обществ, медленно осваиваются модели рыночного развития.

Следовательно, одним из базовых условий стабилизации экономики потребительской кооперации является обеспечение темпов экономического роста на основе интеграционного и инновационного развития.

На основании ст.50 Гражданского кодекса РФ³¹¹ потребительские кооперативы (потребительские общества, потребительские союзы) являются некоммерческими организациями, осуществляющими предпринимательскую деятельность лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых они созданы, и соответствующую этим целям.

Потребительская кооперация является многоотраслевой системой, осуществляющей торговую, производственную, заготовительную, строительную и автотранспортную деятельность, оказание платных, в том числе бытовых, услуг населению, что обуславливает применение различных систем налогообложения. Средства потребительских обществ формируются из паевых и вступительных взносов пайщиков, а впоследствии пополняются из части нераспределённой прибыли, средств фондов потребительской кооперации, заёмных средств пайщиков.

Каждый член потребительского общества имеет долю в его собственности в размере внесённого паевого взноса, который определяется общим собранием пайщиков. Члены потребительской кооперации имеют право на часть нераспределённой прибыли после уплаты налогов и других обязательных платежей (кооперативные выплаты). Размер отчислений зависит от массы полученной прибыли и состояния оборотных средств.

В соответствии с Законом «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации» (ст.21 и 33) для реализации уставных целей потребительские общества и союзы имеют право создавать хозяйственные общества, медицинские, образовательные и иные учреждения, филиалы и пред-

---

³¹¹ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142

ставительства, могут быть участниками хозяйственных обществ, кооперативов, вкладчиками товариществ на вере³¹².

В системе потребительской кооперации введено Положение о фондах потребительской кооперации Российской Федерации, предусматривающее формирование в потребительской кооперации системы фондов, нацеленных не только на стимулирование экономической деятельности, расширение инвестиционных возможностей, укрепление кадрового потенциала, но и поддержку её социальной миссии. Хозяйственные общества и учреждения, единственными учредителями которых являются потребительские общества или союзы, имеют право формировать фонды потребительской кооперации, за исключением паевого³¹³.

Союз потребительских обществ Республики Коми (далее – СПО РК) входит в состав организаций потребительской кооперации Северо-Западного региона, представлен 35 потребительскими обществами, осуществляющими свою деятельность в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях.

Функционирование потребительских обществ находится под воздействием определённых факторов, ограничивающих масштабы их хозяйственной деятельности и представленных на *рис. 4*.

Следует отметить, что специфика социально-экономического развития Севера регулируется значительным рядом законодательных актов и документов, многие из которых носят декларативный характер и характеризуются низким уровнем исполнения. В качестве примера можно привести Закон «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации», который в 2004 г. был признан утратившим силу. В большинстве основополагающих нормативных документов (Налоговом, Бюджетном, Трудовом кодексах РФ), а также в законах, регулирующих природопользование, особенности хозяйствования на Севере вообще не учитываются.

---

³¹² О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации: закон РФ от 19.06.1992 № 3085-1. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_608

³¹³ Положение о фондах потребительской кооперации Российской Федерации: постановление 125-го общего Собрания представителей потребобществ РФ от 14.07.2004 // Деловой вестник «Российской кооперации». – 2004. – № 9.

Рис. 4. Состав основных факторов, определяющих темпы социально-экономического развития отраслей северных регионов³¹⁴

В связи с этим управление многоотраслевой деятельностью в системе потребительской кооперации для принятия соответствующих решений зависит от влияния и оценки различных факторов,

³¹⁴ Ильина Л. Методология финансового обеспечения системы потребительской кооперации. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011.

оказывающих влияние на увеличение расходов, связанных с ростом объёмов производства промышленной и сельскохозяйственной продукции, строительными-монтажными работами, оказываемыми социально-бытовыми услугами.

Потребительская кооперация в Республике Коми, осуществляя торговую, производственную, заготовительную и социальную деятельность, является важнейшим фактором устойчивого развития сельских территорий региона, служит связующим звеном между мерами государственного воздействия на социальное развитие села и малых населённых пунктов и самими сельскими жителями с их традициями, умениями и стремлениями. Потребительская кооперация является не только заготовителем, но и основным потребителем продукции. Закупаемая у сельского населения продукция используется для продажи через собственную розничную торговую сеть, для переработки и производства готовой продукции в перерабатывающих цехах и на предприятиях общественного питания организаций потребительской кооперации.

Учитывая, что экономический рост обусловлен влиянием совокупности различных факторов, для оценки его уровня в системе потребительской кооперации авторами использована система оценочных показателей, отражающих специфику её деятельности. Это показатели темпов роста оборотов розничной и оптовой торговли, оборота общественного питания, объёмов заготовок сельскохозяйственной продукции и сырья, объёма промышленной продукции, объёма платных услуг населению.

В качестве экстенсивных факторов, влияющих на динамику оборотов и объёмов деятельности, установлены среднегодовая стоимость основных средств, среднегодовая стоимость товарных запасов, среднегодовая численность работников. В качестве интенсивных – фондоотдача, товарооборачиваемость, нагрузка в отраслях деятельности (производительность труда). Включение в число факторов стоимости товарных запасов и товарооборачиваемости обусловлено тем, что доля оборота розничной торговли в совокупном объёме деятельности в 2015 г. составляла 82,2%, на долю производственной и заготовительной деятельности приходилось соответственно 5,5% и 4,5%.

Анализ современного состояния деятельности отраслей потребительской кооперации Республики Коми позволяет проследить

динамику показателей экономического роста деятельности её организаций, тенденции их изменения.

Данные об объёме продаж позволяют оценить степень проникновения на рынок, сложившуюся конъюнктуру, конкурентную позицию торговых организаций потребительской кооперации на рынке и темпы их экономического развития. Динамика оборота розничной торговли и его доли в совокупном объёме деятельности по СПО РК представлена на *рис. 5* и в *табл. 4*.

Рис. 5. Динамика оборота розничной торговли СПО РК в 2001–2015 гг.

Как свидетельствуют данные, в условиях рынка произошло нарушение принципов организации финансов и свёртывание применявшихся методов управления объёмами продаж. Это привело к снижению конкурентоспособности организаций потребительской кооперации на потребительском рынке по сравнению с развивающимися коммерческими структурами.

Несмотря на увеличение абсолютных показателей оборота розничной торговли, за исследуемый период имело место снижение темпов его роста по сравнению с предыдущим годом. Так, в 2009 г. по сравнению с 2001 г. оно составило 40,2 процентных пункта. Отмеченная тенденция была характерна и для доли оборота розничной торговли в совокупном объёме деятельности.

Таблица 4

Динамика оборота розничной торговли СПО РК в 2001–2015 гг.

Показатели	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2007 г.	2009 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Оборот розничной торговли, млн руб.	281	357	421	463	502	720	1 042,1	1 375	1 618,8	1 769,8	1 822,8
Темп роста к предыдущему году	145	127	117,9	110	108,4	122,4	108,6	109,9	109,5	109,3	103,8
Доля в совокупном объёме деятельности, %	81,2	82,6	84	80,2	83,1	81,4	81,9	82,8	81,3	82,2	82,2

Источник: Основные показатели социально-экономической деятельности потребительской кооперации Республики Коми. – Сыктывкар: Союз потребителей РК, 2007–2015.

Исследование роли деятельности организаций потребительской кооперации Северо-Западного региона в формировании объёма продаж территории за 1996–2015 гг. показало, что доля региона в формировании объёма продаж территории уменьшилась с 5,3% в 2007 г. до 2% в 2015 году. Соответственно уменьшалась и доля оборота розничной торговли СПО РК в обороте территории Коми региона.

Оборот розничной торговли является одним из основных факторов, определяющих величину ресурсного потенциала и расходов на продажу кооперативных организаций. Это подтверждается данными Коми региона, представленными в табл. 4. Так, его доля в совокупном объёме деятельности потребительских обществ в 2015 г. составила 82,2%. Вместе с тем следует отметить, что эффективность функционирования розничной торговли снижается в связи со снижением темпов роста объёмов продаж.

Из данных табл. 5 видно, что темпы роста оборота розничной торговли в 2015 г. по сравнению с 2001 г. сократились со 145% до 103%. Нарастивание темпов роста объёмов продаж сдерживается медленным внедрением прогрессивных форм организации розничной торговли, недостаточной работой потребительских обществ по расширению сети магазинов само-

Таблица 5

Динамика и структура оборота розничной торговли СПО РК в 2007–2015 гг.

Показатели	Годы									
	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	
Оборот розничной торговли	720	960	1 042,1	1 251,3	1 375	1 478,2	1 618,8	1 769,8	1 822,8	
Темп роста, %	145	133,3	108,6	120,1	109,9	107,5	109,5	109,3	103,0	
Доля продовольственных товаров, %	76,0	75,0	80,0	80,0	79,0	79,6	80,3	82,9	82,9	
Доля непродовольственных товаров, %	24,0	25,0	20,0	20,0	21,0	20,4	19,7	17,1	17,1	
Доля оборота розничной торговли СПО РК в показателях Северо-Западного региона, %	3,5	3,9	4,1	4,5	4,9	5,5	5,9	6,5	7,5	
Доля оборота розничной торговли потребкооперации Северо-Западного региона в обороте территории, %	5,3	5,3	5,3	5,2	4,3	3,5	2,3	1,6	2,0	
Доля оборота розничной торговли потребкооперации Коми региона в обороте территории, %	1,3	1,3	1,3	1,2	1,2	1,1	1,1	1,1	1,15	

Источник: Основные показатели социально-экономической деятельности потребительской кооперации России. – М.: Центросоюз потребителей РФ, 2007–2015.

обслуживания, организации их круглосуточной работы, открытию специализированных магазинов по продаже строительных материалов, мебели, электротоваров, товаров для детей.

Доля магазинов самообслуживания по СПО РК в 2015 г. по сравнению с 2006 г. возросла с 6,5% до 27,2%, что превышает аналогичный показатель по Центросоюзу в целом (24,2%) и Северо-Западному региону (25%). Одной из причин медленного внедрения прогрессивных методов торговли является слабая реализация возможности создания региональной торговой сети по примеру других потребительских союзов системы. Для её организации необходимо формирование единого распределительного центра на базе развитого оптового звена как основного источника формирования и поддержания товарного ассортимента. Управление объёмом продаж как важным звеном потребительского рынка и финансовым показателем деятельности розничных организаций потребительской кооперации требует применения финансовыми менеджерами более эффективных методов его анализа, планирования и прогнозирования, направленных на выявление неиспользованных резервов общего объёма оборота по потребительским союзам; отдельным товарам и товарным группам.

В рыночных условиях хозяйствования для активизации процессов насыщения потребительского рынка отечественными товарами требуется проведение расчётов внутреннего спроса на них в каждой торговой организации потребительской кооперации по товарным группам, составляющим наибольшую долю в объёме продаж.

Оценка формирования оборота оптовой торговли и его доли в розничном обороте СПО РК представлена в *табл. 6* и на *рис. 6*.

Анализ оборота оптовой торговли организаций потребительской кооперации Республики Коми по данным *табл. 6* свидетельствует о том, что за исследуемый период (с 2001 по 2015 г.) темп прироста оборота оптовой торговли составил 20,8%. Вместе с тем доля оптового оборота в розничном сократилась с 1,7% до 0,3%. Из данных *табл. 6* следует, что за рассматриваемый период при некотором росте оборота оптовой торговли в абсолютном выражении имела место негативная тенденция к снижению его доли в розничном обороте как по системе потребкооперации в целом, так и по Северо-Западному региону и Республике Коми. Наблюдалось сокращение доли оптового оборота Северо-Западного региона в показа-

Таблица 6

Динамика оборота оптовой торговли СПО РК в 2001–2015 гг.

Показатели	Годы										
	2001	2002	2003	2004	2005	2007	2009	2011	2013	2014	2015
Оборот оптовой торговли, млн руб.	4,8	3,3	1,4	3,4	3,2	7,9	3,6	3	5,9	5,1	5,8
Темп роста к предыдущему году	61,5	68,8	42,4	242,9	94,1	156,2	51,4	81,1	101,7	86,4	113,7
Оборот розничной торговли, млн руб.	281	357	421	463	502	720	1 042,1	1 375	1 618,8	1 769,8	1 822,8
Доля в обороте розничной торговли, %	1,7	0,9	0,3	0,7	0,6	1,1	0,3	0,2	0,4	0,3	0,3

Источник: Основные показатели социально-экономической деятельности потребительской кооперации России. – М.: Центросоюз потребителей РФ, 2007–2015.

телях Центросоюза РФ и доли Республики Коми в показателях Северо-Западного региона.

Расчёты экономистов-экспертов показывают, что при соотношении оптового оборота к розничному в размере 40% развитие кооперативного опта способствует росту объёмов продаж и повышению прибыльности и конкурентоспособности организаций потребительской кооперации. За исследуемый период не отмечалось прогрессивной тенденции приближения данного соотношения к необходимому. Из данных *табл. 7* видно, что в 2002 г. этот показатель по Центросоюзу РФ составлял 8,5%, Северо-Западному региону – 12,4%, Республике Коми – 1%. В 2015 г. соотношение оптового оборота к розничному продолжало снижаться и составило соответственно 8,0%, 8,5% и 0,3%.

Результаты проведённого анализа свидетельствуют о низком уровне управления оборотом оптовой торговли, что выражается в проведении недостаточно качественного анализа и отсутствии необходимых

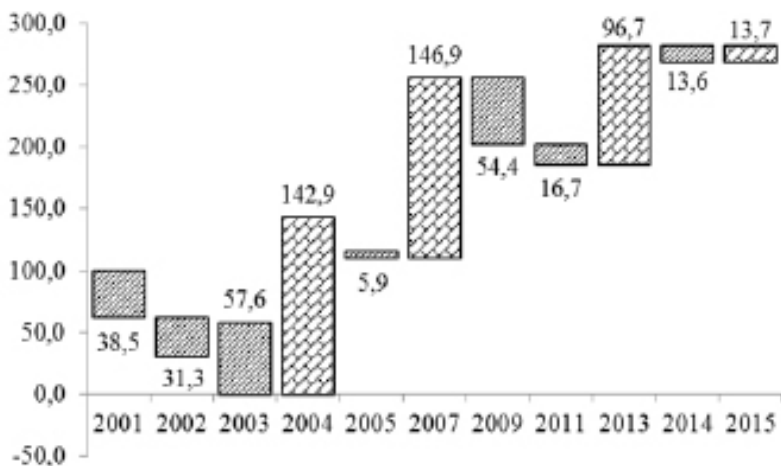

Рис. 6. Динамика оборота оптовой торговли СРО РК в 2001–2015 гг.

стратегий планирования. Так, при проведении анализа не изучаются в достаточной мере такие показатели, как:

- доля оборота оптовой торговли на товарных рынках региона;
- доля розничных и других покупателей в общем объеме продаж;
- соответствие заявок покупателей их потребностям;
- организация, качество и ритмичность поставок товаров поставщиками в оптовые организации и их влияние на объем продаж.

Заготовка продукции сельского хозяйства, дикорастущих растений, животноводческого и вторичного сырья является одним из ключевых направлений деятельности организаций потребительской кооперации. Нарастание её объемов играет важную роль в защите интересов продовольственной безопасности России³¹⁵.

Закупки сельскохозяйственной и дикорастущей продукции от населения организациями потребительской кооперации Республики Коми осуществляются в 122 магазинах – заготовительных пунктах и 4 приёмозаготовительных пунктах. В 11 потребительских

³¹⁵ *Ильина Л.И.* Роль потребительской кооперации Северо-Западного региона в реализации Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации // Национальные интересы, приоритеты и безопасность. – 2010. – № 30 (87).

Таблица 7

*Динамика оборота оптовой торговли и его доли
в розничном обороте СПО РК в 2002–2015 гг., млн руб., %*

Наименование потребителя	2002 г.		2004 г.		2006 г.		2009 г.		2014 г.		2015 г.	
	сумма	доля	сумма	доля	сумма	доля	сумма	доля	сумма	доля	сумма	доля
Центросоюз	5 654	8,5	8 168	9,4	9 186,5	8,9	9 528,2	6,5	11 218,4	7,0	11 811,2	8,0
Северо- Западный регион, в том числе:	1 234,5	12,4	1 849,2	14,2	2 146,7	13,9	2 748,7	10,9	1 878,6	6,9	2 056	8,5
Коми	3,8	1,0	3,3	0,6	8,3	0,6	3,6	0,3	5,1	0,3	5,8	0,3
Доля Северо- Западного региона в показателях Центросоюза, %	21,8		22,6		23,4		28,8		16,7		17,4	
Доля Коми региона в показателях Северо-Западного региона, %	0,3		0,2		0,4		0,1		0,3		0,3	

Источник: Основные показатели социально-экономической деятельности потребительской кооперации России. – М.: Центросоюз потребителей РФ, 2007–2015.

Таблица 8

Динамика объёма закупок и заготовок сельскохозяйственной продукции и сырья СПО РК в 2001–2015 гг.

Показатели	Годы										
	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2009	2011	2014	2015
Объём закупок и заготовок сельхозпродукции – всего, млн руб.	17	19,8	23	26,8	28,6	37	41	60	85	97,8	100,4
в том числе у населения	5,7	5,3	9,6	11,4	13,5	19	21	30	40	42	42,5
Темп роста к предыдущему году – всего, %	130,8	116,5	116,2	116,5	106,7	129,4	110,8	150,0	116,4	94,4	102,7
в том числе у населения	172,7	93	181,1	118,8	118,4	140,7	110,5	142,8	133,3	105	101,2

обществах 8 районов республики создано 19 производственных цехов по её переработке, работает 86 цехов по производству пищевой продукции³¹⁶. Динамика объёмов закупок и заготовок организациями потребительской кооперации Республики Коми представлена в *табл. 8* и на *рис. 7*.

Как свидетельствуют данные, приведённые в *табл. 8* и на *рис. 7*, объём закупок сельскохозяйственной продукции по СПО РК за исследуемый период возрос в 5,9 раза, в том числе у населения – в 7,5 раза. Темпы роста объёмов закупок были неоднозначными, однако в целом к 2014 г. наблюдалось их снижение.

Рост объёмов закупок и заготовок сельскохозяйственной продукции по её видам, как свидетельствуют данные *табл. 9* и *рис. 8*, был обеспечен увеличением темпов роста объёма закупок по всем видам продукции, кроме картофеля и мяса, несмотря на ежегодное субсидирование закупок основных видов сельскохозяйственной продукции. Наибольшие темпы роста в 2015 г. по сравнению с 2007 г. наблюдались по плодам и овощам (158,9 и 130,9%).

Отмечался рост удельного веса объёма закупок сельхозпродукции

³¹⁶ Основные показатели социально-экономической деятельности потребительской кооперации Республики Коми. – Сыктывкар: Союз потребителей РК, 2007–2015.

Рис. 7. Динамика объёма закупок и заготовок сельскохозяйственной продукции и сырья СПО РК в 2001–2015 гг.

Т а б л и ц а 9

Объём закупок видов сельскохозяйственной продукции по СПО РК в 2007–2015 гг.

Показатели	Годы								2015 в % к	
	2007	2008	2009	2011	2013	2014	2015	2007	2014	
	Объём закупок сельхозпродукции – всего, млн руб.	41	40	60	85	103,6	97,8	100,4	244,9	102,7
<i>Закуплено по видам, т</i>										
Мясо	140	120	130	160	183	149	117	83,6	78,5	
Молоко	400	350	350	350	429	407	424	106,0	104,2	
Картофель	1 350	850	1 250	620	824	621	574	42,5	92,4	
Овощи	220	200	400	450	413	370	288	130,9	77,8	
Плоды	90	70	200	170	208	173	143	158,9	82,7	

Доля объёма закупок сельхозпродукции в показателях Северо-Западного региона, %	2,6	2,1	3,2	3,8	4,4	4,1	5,2	–	–
--	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	---	---

Источник: Основные показатели социально-экономической деятельности потребительской кооперации России. – М.: Центросоюз потребителей РФ, 2007–2015.

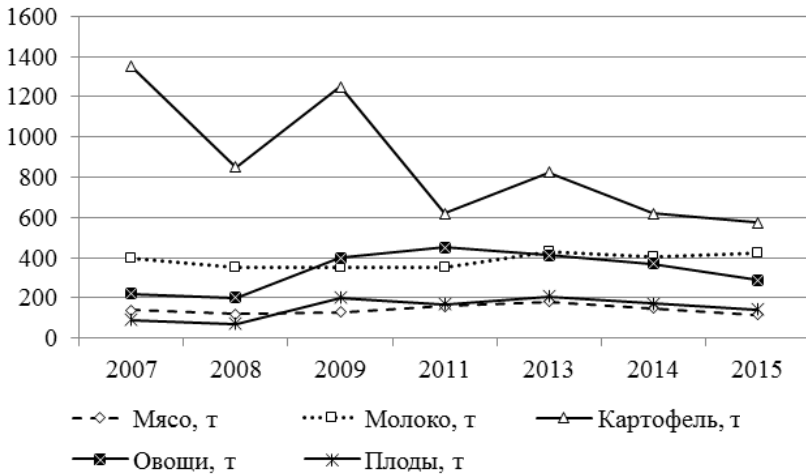

Рис. 8. Динамика объёма закупок по видам сельскохозяйственной продукции по СПО РК в 2007–2015 гг.

организациями потребительской кооперации Республики Коми в Северо-Западном регионе с 2,6% до 5,2%. Выявленная положительная динамика наблюдалась также по молоку.

В условиях реализации инновационных проектов региональных союзов по производству продовольственной и промышленной продукции, развитию закупок дикоросов и пушнины особое внимание должно уделяться закупкам дикорастущей продукции, животной

водческого и вторичного сырья для увеличения объёмов их переработки и продажи.

Объёмы закупок основных видов дикорастущей продукции, животноводческого и вторичного сырья по СПО РК приведены в табл. 10.

Т а б л и ц а 10

Закупки дикорастущей продукции, животноводческого и вторичного сырья по СПО РК в 2007–2015 гг., т

Виды дикорастущей продукции	Годы							
	2007	2008	2009	2013	2014	2015	2015 в %, к	
							2007	2014
Плоды и ягоды	24	21		22	21,4	15	62,5	70,1
Клюква и брусника	43	24	4	26	18,5	31	72,1	167,6
Грибы сухие	1	1	0,6	0,1	0,07	0,03	3,0	42,9
Грибы свежие	11,5	3,1	0,2	0,5	8,22	0,12	1,0	1,5
Орехи	–	0,6	0,7	–	–	–	–	–
Лектесырьё	1	1	0,5	–	–	0,3	30,0	–
Шерсть	1	0,1	0,7	–	–	–	–	–
Кожсырьё крупное, тыс. шт	2,3	1,5	0,4	0,4	0,36	0,03	1,3	8,3
Кожсырьё мелкое	0,3	0,1	0,1	–	–	–	–	–
Макулатура	34	10	–	2,6	5,4	3,7	10,9	68,5

Источник: Основные показатели социально-экономической деятельности потребительской кооперации России. – М.: Центросоюз потребительских обществ РФ, 2007–2015.

Из данных табл. 10 видно, что имела место тенденция к сокращению объёмов заготовок и для дикорастущей продукции, и для сырья. Так, с 2007 по 2015 г. отмечалось снижение объёмов закупок дикорастущей продукции по всем её видам. В определённой мере неравномерность её закупок по годам была обусловлена влиянием природного фактора.

Таким образом, оценка закупочной деятельности организаций потребительской кооперации Коми региона показала, что она является недостаточно эффективной. Основными причинами, препятствующими развитию заготовок сельскохозяйственной продукции, являются:

- высокий уровень конкуренции на рынке сельскохозяйственной продукции;
- недостаточность оборотных средств для осуществления закупок сельскохозяйственной продукции у населения;
- низкий уровень развития материально-технической базы и технологического обеспечения;
- отсутствие единой системы сбыта продукции заготовок;
- слабое взаимодействие организаций потребительской кооперации с личными подсобными хозяйствами и фермерами³¹⁷.

Заготовка мясомолочной, плодоовощной и дикорастущей продукции в системе потребительской кооперации является основой для производства продовольственных товаров. В производственных цехах организаций потребительской кооперации осуществляются переработка мяса, улов, переработка рыбы, молока, масла, сушение, соление овощей, грибов, квашение капусты, производство макарон,пельменей и др.

Динамика объёма промышленной продукции СПК РК отражена в *табл. 11* и на *рис. 9*. Как показывают данные *табл. 11*, с 2001 по 2015 г. объём промышленной продукции возрос с 21 до 123,1 млн руб., или в 5,9 раза. В период с 2001 по 2007 г. динамика объёмов промышленной продукции была неустойчивой (*рис. 9*).

Динамика объёмов производства продовольственных товаров по видам в организациях потребительской кооперации Республики Коми приведена в *табл. 12*.

Согласно данным *табл. 12* за исследуемый период существенно возросло производство полуфабрикатов (в 3,3 раза), на 55,3% увеличилось производство безалкогольных напитков. С 2014 г. в Объячевском сельпо организовано производство макаронных изделий, с 2015 г. было выработано 16 т цельномолочной продукции в расчёте на молоко. Вместе с тем ассортимент продовольственных товаров, производимых организациями потребительской кооперации Республики Коми, является достаточно узким. Так, из-за отсутствия объ-

---

³¹⁷ *Ильина Л.И., Ружанская Н.В.* Государственная поддержка деятельности потребительской кооперации в Коми регионе. Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера // Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2014. – № 3. – URL: www.vestnik-ku.ru

Динамика объёма промышленной продукции СПО РК в 2001–2015 гг.

Показатели	Годы														
	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2009	2011	2014	2015				
Объём производства промышленной продукции, млн руб.	21	20,3	21	29,9	30,6	30,2	38,4	57,2	77	114,8	123,1				
Темп роста к предыдущему году – всего, %	105	96,7	103,4	142,4	102,3	98,7	127,2	121,7	122,8	127,6	107,2				

Источник: Основные показатели социально-экономической деятельности потребительской кооперации Республики Коми. – Сыктывкар: Союз потребителей РК, 2007–2015.

ектов материальной базы для переработки мяса и овощей не осуществляется производство консервов и колбасных изделий, имеющих место в других потребительских союзах Северо-Западного региона.

Следует отметить, что расширение производственной деятельности сдерживается невозможностью приобретения современного технологического оборудования для промышленной переработки скота, производства консервов, колбасных и хлебобулочных изделий из-за недостатка финансовых ресурсов, отсутствия квалифицированных кадров – менеджеров, способных эффективно использовать эти технологии; низкой конкурентоспособности товаров на потребительском рынке в связи с отсутствием надлежащей рекламы, подтверждающей повышенную пищевую ценность и хорошие вкусовые качества продукции, выработанной из экологически чистого сырья³¹⁸.

Оборот организаций общественного питания организаций потребительской кооперации характеризует их производственную и торговую деятельность, которые тесно связаны между собой. Особенность оборота общественного питания состоит

³¹⁸ Ильина Л.И., Ружанская Н.В. Роль государственной поддержки в развитии потребительской кооперации Республики Коми // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. – 2014. – № 3.

Рис. 9. Динамика объёма промышленной продукции СПО РК в 2001–2015 гг.

Т а б л и ц а 12

Производство продовольственных товаров организациями потребительской кооперации Республики Коми в 2007–2015 гг.

Показатели	Годы								
	2007	2008	2009	2012	2013	2014	2015	2015 в % к	
								2007	2014
Хлебобулочные изделия, тыс. т	2,3	2,28	2,1	2,26	2,11	2,06	1,95	84,8	94,7
Кондитерские изделия, т	130	150	101	80	79	88	84	64,6	95,5
Безалкогольные напитки, тыс. дкл	3,8	6,3	11,5	6,37	6	6,5	5,9	155,3	90,8
Полуфабрикаты, млн руб.	6,1	8,1	11,26	14,88	20,3	22,4	20,1	329,5	89,7
Цельномолочная продукция в расчёте на молоко	–	–	–	–	–	–	16	–	–
Макаронные изделия	–	–	–	–	–	4,5	4,0	–	88,9

Источник: Основные показатели социально-экономической деятельности потребительской кооперации России. – М.: Центросоюз потребителей РФ, 2007–2015.

в том, что он является результатом процессов производства, реализации и потребления³¹⁹. Динамика оборота общественного питания организаций потребительской кооперации Республики Коми приведена в *табл. 13*.

Из представленных данных *табл. 13* видно, что оборот общественного питания с 2001 по 2015 г. возрос в 7,3 раза при одновременном замедлении темпов роста на 43,4 процентных пункта. С 2009 г. отмечалось снижение темпов роста оборотов общественного питания. Отмеченная тенденция является характерной и для выработки собственной продукции. Так, в 2015 г. по сравнению с 2014 г. темп изменения снизился на 2,5 процентных пункта. При росте объёма выработки за исследуемый период в 4,8 раза темпы её снижения были более существенными и составили 58,5 процентных пункта. Следует отметить, что в 2001–2003 гг., а также в 2011 г. соотношение объёмов выработки собственной продукции превышало оборот общественного питания. В последующие годы это соотношение имело тенденцию к снижению и в 2015 г. составило 70,2%.

Организации потребительской кооперации существенное внимание уделяют решению социальных вопросов на селе, развитию сферы услуг. Динамика платных, в том числе бытовых, услуг по системе потребительской кооперации Республики Коми приведена в *табл. 14* и на *рис. 10*.

Из представленной в *табл. 14* динамики платных и бытовых услуг следует, что за интересующий нас период по СПО РК она была неоднозначной. Наблюдавшийся в 2001–2005 гг. неравномерный рост платных услуг в 2006 г. сменился их сокращением, существенное уменьшение объёмов услуг имело место и в 2014 г. (*рис. 10*). В 2015 г. они ещё снизились на 1,6 процентных пункта. Отмеченная тенденция являлась характерной и для динамики бытовых услуг, при этом в 2015 г. темпы их снижения существенно превышали темпы сокращения платных услуг.

Результаты сравнительного анализа динамики платных услуг, оказываемых организациями потребительской кооперации в России, Северо-Западном регионе и Республике Коми, приведены в *табл. 15*.

---

³¹⁹ Экономико-правовые и финансовые основы развития потребительской кооперации (на примере Республики Коми) / Г.П. Полтавская, Л.И. Ильина и др.; под ред. В.В. Фаузера. – М.: ИТК Дашков и К^о, 2005.

Таблица 13

*Динамика оборота общественного питания и выработки
собственной продукции СПО РК в 2001–2015 гг.*

Основные показатели	Годы														
	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2009	2011	2013	2014	2015			
Оборот общественного питания, млн руб.	14,6	17,5	21,3	33	36,3	44,1	53	76,6	89	104,3	108	106,2			
Темп роста, %	141,7	119,9	121,7	154,9	110,0	121,5	120,2	109,4	108,4	108,0	103,5	98,3			
Выработка собственной продукции, млн руб.	15,5	18,4	21,7	30,2	34,1	41	49	74,2	89,2	86,6	81,4	74,5			
Темп роста, %	150	118,7	117,9	139,2	112,9	120,2	119,5	114,2	109,9	92,9	94,0	91,5			
Соотношение выработки и оборота общественного питания, %	106,2	105,1	101,9	91,5	93,9	93,0	92,5	96,9	100,2	83,0	75,4	70,2			

Источник: Основные показатели социально-экономической деятельности потребительской кооперации Республики Казахстан. – М.: Центрсоюз потребителей РФ, 2007–2015.

Динамика объёма платных и бытовых услуг СПО РК в 2001–2015 гг.

Показатели	Годы										
	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2009	2011	2014	2015
Объём оказанных населению платных услуг, млн руб.	7,5	12,9	13	18,4	21,4	21	25	33,1	30,8	25,4	25
Темп роста к предыдущему году – всего, %	3 750	172	100,8	141,5	116,3	98,1	119	116,5	98,7	97,3	98,4
в том числе бытовых услуг	0,1	0,6	0,6	1	1,7	1	1,6	2,4	2,2	1,8	1,4
Темп роста к предыдущему году – всего, %	–	600	100	166,7	170	58,8	160	126,3	88	85,7	77,8

Источник: Основные показатели социально-экономической деятельности потребительской кооперации России. – М.: Центросоюз потребителей РФ, 2007–2015.

По расчётам авторов, представленным в табл. 15, видно, что объём платных услуг с 2005 по 2015 г. по СПО РК в основном возрастал более высокими темпами, чем в целом по системе потребительской кооперации России (16,8% против 8,9%) при снижающихся темпах роста объёма платных услуг по Северо-Западному региону (76,4%). В связи с отмеченной тенденцией доля Северо-Западного региона в показателях Центросоюза РФ снизилась с 6,5 до 4,56%, а по Коми региону возросла с 7,3 до 11,1%.

Динамика и структура объёмов платных и бытовых услуг по видам в 2013–2015 гг. приведена в табл. 16.

Из данных табл. 16 следует, что в 2015 г. снижение объёмов социальных услуг наблюдалось по таким видам бытовых услуг, как ремонт и пошив обуви, а также прочие бытовые услуги; из платных – по жилищным и транспортным услугам. Причинами сложившейся ситуации является отсутствие средств для развития социальной инфраструктуры, трудности в осуществлении данных видов деятельности без соответствующей государственной поддержки, применение к социальным видам услуг общей системы налогообложения.

Динамика экстенсивных факторов, оказывающих влияние на обеспечение экономического роста

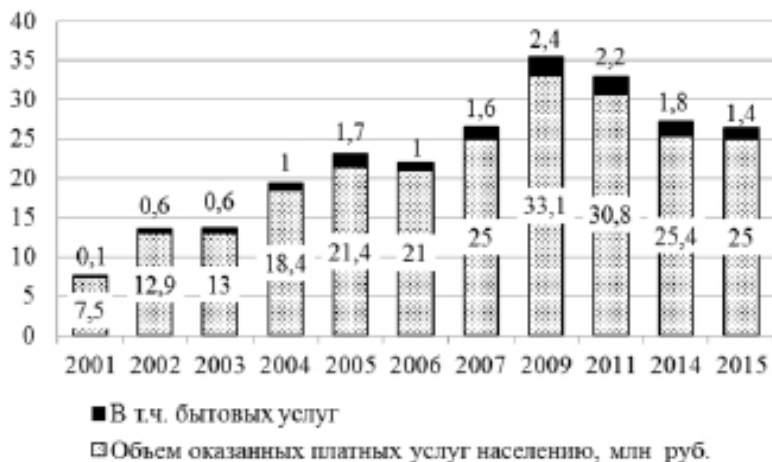

Рис. 10. Динамика объема платных и бытовых услуг СПО РК в 2001–2015 гг.

объемов и оборотов многоотраслевой деятельности в организациях потребительской кооперации Республики Коми, приведена в *табл. 17*.

Из анализа данных *табл. 17* видно, что социально-экономическая деятельность организаций потребительской кооперации в исследуемый период осуществлялась при росте таких экстенсивных факторов, как стоимость основных средств, в том числе в розничной торговле, росте товарных запасов при некотором снижении численности работающих в отраслях деятельности. Наибольшие темпы роста основных средств и товарных запасов имели место в 2011 г. (127,3 и 219%) при практически стабильной численности работающих. В последующие годы (кроме основных средств в 2014 г.) происходило снижение темпов роста по всем экстенсивным факторам.

Динамика интенсивных факторов, оказывавших влияние на обеспечение экономического роста объемов в отраслях деятельности организаций потребительской кооперации, приведена в *табл. 18*.

Как свидетельствуют данные *табл. 18*, в исследуемый период наблюдалось снижение темпов роста фондоотдачи как по совокупному объему деятельности, так и по обороту розничной торговли, однако в организациях розничной торговли их снижение было более существенным. Так, с 2011 по 2015 г. в данной отрасли темпы роста

Объём платных услуг, оказанных населению организациями потребительской кооперации
в 2005–2015 гг., млн руб.

Показатели	Годы										2015 к 2005, %
	2005	2007	2008	2009	2012	2013	2014	2015	2015 к 2005, %		
Центросоюз РФ, платные услуги	4 522,7	3 302	3 952,7	4 464,2	4 986,2	4 964,1	4 884,4	4 926,6	108,9		
в том числе бытовые	496,2	532,1	571,1	515,9	528	538,4	494	432,4	87,1		
Северо-Западный регион, платные услуги	294,1	338,8	330,3	342,9	361,7	344,7	281	224,8	76,4		
в том числе бытовые	43,1	54,5	53,6	53,2	47,8	46,5	48,3	63,3	146,9		
Республика Коми, платные услуги	21,4	25	28,4	33,1	31,6	26,1	25,4	25	116,8		
в том числе бытовые	1,7	1,6	1,9	2,4	2,4	2,1	1,8	1,4	82,4		
Доля Северо-Западного регио- на в показателях Центросоюза по платным услугам, %	6,5	10,3	8,4	7,7	7,3	6,9	5,8	4,6	–		
в том числе бытовым	8,69	10,24	9,39	10,31	9,05	8,64	9,78	5,78	–		
Доля региона в Северо-Запад- ном по платным услугам, %	7,3	7,4	8,6	9,7	8,7	7,6	9,0	11,1	–		
в том числе бытовым	3,9	2,9	3,5	4,5	5,0	4,5	3,7	2,2	–		

Источники: Основные показатели социально-экономической деятельности потребительской кооперации Рос-
сии. – М.: Центросоюз потребителей РФ, 2007–2015.

Объём платных и бытовых услуг, оказанных населению организациями СПО РК по видам, в 2013–2015 гг., тыс. руб.

Показатели	Годы									
	2013		2014		2015		2015 к 2014			
	Сумма	Доля, %	Сумма	Доля, %	Сумма	Доля, %	тыс. руб.	%		
Платные услуги – всего, в том числе по видам:	26 085	100	25 407	100	24 997	100	-410	-1,6		
Жилищные	9 034	34,6	10 535	41,5	9 267	37,1	-1 268	-12,0		
Транспортные	34	0,1	55	0,2	31	0,1	-24	-43,6		
Системы образования	13 584	52,1	12 951	51,0	13 813	55,3	862	6,7		
Прочие	1 358	5,2	76	0,3	439	1,8	363	477,6		
Бытовые – всего, в том числе по видам	2 075	8,0	1 790	7,0	1 447	5,8	-343	-19,2		
Ремонт и пошив обуви	45	0,2	17	0,1	0	0,0	-17	-100,0		
Ремонт и пошив изделий и головных уборов	1 461	5,6	1 297	5,1	1 406	5,6	109	8,4		
Услуги парикмахерских	122	0,5	31	0,1	40	0,2	9	29,0		
Прочие бытовые услуги	447	1,7	445	1,8	1	0,0	-444	-99,8		

Источник: Основные показатели социально-экономической деятельности потребительской кооперации России. – М.: Центросоюз потребителей РФ, 2007–2015.

Таблица 17

Динамика экстенсивных факторов формирования оборотов и объёмов деятельности потребительской кооперации Республики Коми в 2007–2015 гг., млн руб.

Показатели	Годы									
	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	
Основные средства	87	87	92	99	126	138	152	200	230	
Темп роста к предыдущему году, %	–	100,0	105,7	107,6	127,3	109,5	110,1	131,6	115	
Основные средства в розничной торговле	71	72	75	81	103	113	125	164	189	
Темп роста к предыдущему году, %	–	101,4	104,2	108	127,2	109,7	110,6	131,2	115,2	
Товарные запасы	121,5	141	166,3	181	219	229	270	290	310	
Темп роста к предыдущему году, %	–	116	117,9	108,8	121	104,6	117,9	107,4	106,9	
Численность работающих в отраслях деятельности	1 399	1 444	1 401	1 391	1 389	1 380	1 373	1 374	1 293	
Темп роста к предыдущему году, %	–	103,2	97	99,3	99,9	99,4	99,5	100,1	94,1	

Источник: Основные показатели социально-экономической деятельности потребительской кооперации Республики Коми. – М.: Центрсоюз потребителей РФ, 2007–2015.

Таблица 18

*Динамика интенсивных факторов формирования оборотов
и объёмов деятельности потребительской кооперации
Республики Коми в 2008–2015 гг., млн руб.*

Показатели	Годы								
	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Фондоотдача по совокупному объёму деятельности, руб./руб.	9,49	13,24	14,25	15,19	12,92	12,98	13,10	10,25	9,65
Темп роста к предыдущему году, %	–	139,5	107,6	106,6	85,1	100,5	100,9	78,2	94,1
Фондоотдача по обороту розничной торговли	10,1	13,3	13,9	15,4	13,3	13,1	12,9	10,79	9,64
Темп роста к предыдущему году, %	–	131,7	104,5	110,8	86,4	98,5	98,5	83,6	89,3
Оборачиваемость оборотных средств, оборотов	5,94	6,81	6,18	6,37	6,14	6,36	5,90	5,68	5,77
Темп роста к предыдущему году, %	–	114,6	90,7	103,1	96,4	103,6	92,8	96,3	101,6
Оборачиваемость товарных запасов, оборотов	5,93	6,80	6,28	6,91	6,30	6,46	6,0	6,17	5,88
Темп роста к предыдущему году, %	–	114,7	92,4	110,0	91,2	102,5	92,9	102,8	95,3
Производительность труда по совокупному объёму деятельности, тыс. руб.	568	720	801	951	1 050	1 129	1 254	1 360	1 509

Темп роста к предыдущему году, %	–	126,8	111,3	118,7	110,4	107,5	111,1	108,5	110,0
Производительность труда в розничной торговле, тыс. руб.	1 028	1 134	1 302	1 497	1 646	1 701	2 028	2 174	2 419
Темп роста к предыдущему году, %	–	110,3	114,8	115	110,0	103,3	119,2	107,2	111,3
Производительность труда в промышленности, тыс. руб.	310	382	450	555	562	540	545	604	631
Темп роста к предыдущему году, %	–	123,2	117,8	123,3	101,3	96,1	100,9	110,8	104,5

Источник: Основные показатели социально-экономической деятельности потребительской кооперации России. – М.: Центросоюз потребителей РФ, 2007–2015.

фондоотдачи были отрицательными. Характерным являлось замедление таких интенсивных факторов экономического роста, как оборачиваемость оборотных средств и товарооборачиваемость. Например, оборачиваемость товарных запасов с 2010 по 2015 г. замедлилась на 9 дней. Следует отметить важность роста такого интенсивного фактора экономического роста, как производительность труда. Расчёты показывают, что рост совокупного объёма деятельности в организациях потребительской кооперации Республики Коми во всех отраслях в основном обеспечивался за счёт роста производительности труда при отрицательных темпах роста численности работающих в отраслях деятельности.

Для расчёта интегрального показателя экономического роста в организациях потребительской кооперации по совокупному объёму деятельности используем следующий алгоритм:

$$T_{cod} = K_{fo} \times K_{ob} \times K_{nm} \times 100, \quad (1)$$

где $Tcod$ – интегральный показатель экономического роста (темп роста) по совокупному объёму деятельности, %; Kfo – коэффициент роста фондоотдачи по совокупному объёму деятельности; Kob – коэффициент роста оборачиваемости оборотных средств по совокупному объёму деятельности; Knt – коэффициент роста производительности труда по совокупному объёму деятельности.

Результаты расчёта интегрального показателя экономического роста в организациях потребительской кооперации Республики Коми представлены в *табл. 19* и на *рис. 11*.

Т а б л и ц а 19

Динамика интегрального показателя экономического роста по совокупному объёму в отраслях деятельности в организациях потребительской кооперации Республики Коми в 2008–2015 гг.

Показатели	Годы								
	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Коэффициент роста фондоотдачи по совокупному объёму деятельности (Kfo)	–	1,395	1,076	1,066	0,851	1,005	1,009	0,782	0,941
Коэффициент роста оборачиваемости оборотных средств по совокупному объёму деятельности (Kob)	–	1,146	0,907	1,031	0,964	1,036	0,928	0,963	1,016
Коэффициент роста производительности труда по совокупному объёму деятельности (Knt)	–	1,268	1,112	1,187	1,104	1,075	1,111	1,084	1,109

Интегральный темп экономического роста по совокупному объёму деятельности, %	–	202,8	108,6	130,4	90,5	111,9	104,0	81,7	106,1
--	---	-------	-------	-------	------	-------	-------	------	-------

Источник: Основные показатели социально-экономической деятельности потребительской кооперации России. – М.: Центросоюз потребителей РФ, 2007–2015.

Рис. 11. Динамика интегрального показателя экономического роста по совокупному объёму деятельности в организациях потребительской кооперации Республики Коми в 2008–2015 гг.

Из представленных расчётов видно, что наибольшим интегральным показателем экономического роста по совокупному объёму деятельности характеризовался 2008 год. Это достигалось за счёт роста фондоотдачи, производительности труда и ускорения оборачиваемости оборотных средств. В последующие годы в результате влияния финансовых кризисов динамика рассматриваемого показателя была неоднозначной. Отрицательная динамика данного показателя наблюдалась в 2011 и 2014 гг. в связи с низкими темпами роста фондоотдачи и замедлением оборачиваемости оборотных средств.

В 2015 г. интегральный показатель экономического роста по совокупному объёму деятельности составил 106,1% и был обусловлен в большей мере влиянием интенсивного фактора – роста производительности труда, а также ускорением оборачиваемости оборотных средств.

Интегральный показатель экономического роста в организациях розничной торговли потребительской кооперации определим по формуле:

$$Trm = Kфop \times Kобp \times Kпmp \times 100, \quad (2)$$

где Trm – темп роста оборота розничной торговли, %; $Kфop$ – коэффициент роста фондоотдачи в розничной торговле; $Kобp$ – коэффициент роста оборачиваемости средств, вложенных в товарные запасы; $Kпmp$ – коэффициент роста производительности труда в розничной торговле.

Изменение интегрального показателя экономического роста в розничной торговле за 2008–2015 гг. представлено в *табл. 20* и на *рис. 12*.

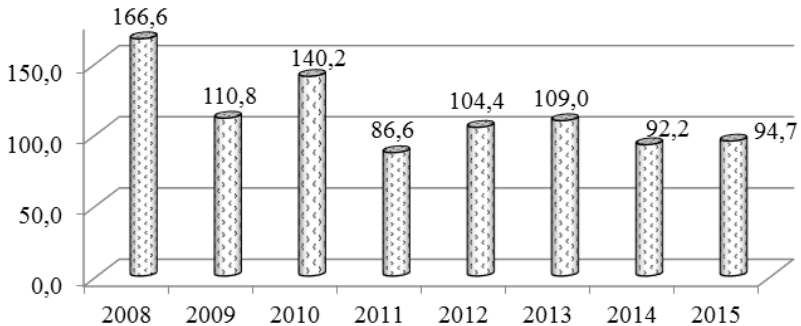
Т а б л и ц а 20

Динамика интегрального показателя экономического роста в розничной торговле организаций потребительской кооперации Республики Коми в 2008–2015 гг.

Показатели	Годы								
	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Коэффициент роста фондоотдачи по обороту розничной торговли (<i>Kфop</i>)	–	1,317	1,045	1,108	0,864	0,985	0,985	0,836	0,893
Коэффициент роста оборачиваемости товарных запасов в розничной торговле (<i>Kобp</i>)	–	1,147	0,924	1,100	0,912	1,025	0,929	1,028	0,953

Коэффициент роста производительности труда в розничной торговле (<i>Кнтр</i>)	–	1,103	1,148	1,150	1,100	1,033	1,192	1,072	1,113
Интегральный темп экономического роста в розничной торговле (<i>Трт</i>), %	–	166,6	110,8	140,2	86,6	104,4	109,0	92,2	94,7

Источник: Основные показатели социально-экономической деятельности потребительской кооперации России. – М.: Центросоюз потребителей РФ, 2007–2015.

□ Интегральный темп экономического роста совокупного объема деятельности, %

Рис. 12. Динамика интегрального показателя экономического роста в розничной торговле организаций потребительской кооперации Республики Коми в 2008–2015 гг.

Результаты расчётов интегрального темпа экономического роста в розничной торговле, представленные в табл. 20, так же как и в целом в отраслях деятельности, свидетельствуют о его нестабильности. Высокие значения данного показателя имели место в 2008,

2010 г. под влиянием роста всех интенсивных факторов. Снижение темпа экономического роста в последующие годы было обусловлено снижением фондоотдачи и замедлением оборачиваемости товарных запасов в розничной торговле. Следует отметить, что интегральный темп экономического роста в розничной торговле СПО РК в 2015 г. был отрицательным и составил 94,5%, что подтверждается снижением темпов прироста оборота розничной торговли в 2015 г. по сравнению с 2014 г. со 109,3% до 103%, или на 6,3 пункта.

В целом для Республики Коми в 2014 и 2015 гг. была характерна отрицательная динамика темпов роста оборота розничной торговли³²⁰.

Таким образом, результаты проведённого анализа демонстрируют, что социально-экономическая деятельность организаций потребительской кооперации Республики Коми по совокупному объёму в отраслях деятельности вносит определённый вклад в обеспечение роста ВРП Республики Коми, прирост которого в 2015 г. по сравнению с 2014 г. составлял 8 процентных пунктов³²¹.

Интенсивный тип экономического роста предполагает увеличение объёмов деятельности за счёт более эффективных и качественно совершенных факторов производства, более совершенной техники, передовых технологий, научных достижений, использования более экономичных ресурсов, повышения квалификации работников. За счёт этих факторов достигается повышение качества продукции, рост производительности труда, ресурсосбережения и т.п. Процесс экономического роста включает в себя взаимодействие отмеченных факторов.

Как свидетельствуют результаты проведённого анализа, интегральный показатель экономического роста в отраслях деятельности системы обеспечивался в основном за счёт интенсивного фактора – роста производительности труда при снижении численности работающих. На использование интенсивных факторов экономического роста нацелена Концепция её развития на 2017–2012 гг., предполагающая повышение результативности деятельности организа-

---

³²⁰ Мониторинг состояния розничной торговли и общественного питания за 2015 год. – В. Новгород, 2016. – URL: <http://torg53.novreg.ru> (дата обращения: 15.03.2017).

³²¹ Список субъектов Российской Федерации по ВРП. – URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 15.03.2017).

ций системы за счёт внедрения прогрессивных технологий во всех отраслях деятельности.

Определяющим фактором обеспечения качественного экономического роста и необходимых его темпов в системе потребительской кооперации является рост инвестиций. Инвестиции, с одной стороны, способствуют росту совокупного объёма деятельности, с другой – увеличению производственных мощностей. В свою очередь, рост доходов способствует увеличению занятости сельского населения.

Важность инвестиционной деятельности обусловлена тем, что в системе потребительской кооперации с 1991 по 2002 г. в связи с переходом на рыночные отношения, сопровождавшимся коммерциализацией и акционированием кооперативной собственности, стоимость основных фондов постоянно сокращалась. Так, за отмеченный период по Северо-Западному региону она сократилась в 10,6 раза³²².

Тенденцию к снижению стоимости основных средств более наглядно можно проследить по данным СПО РК. Так, стоимость основных средств с 1996 по 2009 г. сократилась в 3,7 раза. Вместе с тем следует отметить, что с 1996 по 2001 г. снижение было более существенным (в 5,3 раза). С 2002 по 2015 г. стоимость основных средств возросла в 3,6 раза.

Состояние материально-технической базы потребительской кооперации Республики Коми по организации торговой, заготовительной и производственной деятельности представлено в *табл. 21*.

Согласно данным табл. 21, за период с 2006 по 2015 г. при росте стоимости основных фондов в 3,3 раза происходило постепенное сокращение объектов материально-технической базы по организациям розничной торговли и общественного питания, закупочной деятельности. Это обусловлено недостаточностью источников финансирования для инвестиционной деятельности и слабой поддержкой государством воспроизводственной деятельности в системе потребительской кооперации за счёт привлечения заёмных средств на льготных условиях с участием Россельхозбанка и Росагролизинга.

В потребительской кооперации основным источником финансирования инвестиционной деятельности являются собственные средства. Их доля в общей величине источников в 2000 г. составила

---

³²² Ильина Л.И. Разработка методологии финансового обеспечения развития системы потребительской кооперации: монография. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 2006.

Т а б л и ц а 21

*Материально-техническая база торговли,
производства и заготовок СПО РК в 2006–2015 гг., ед.*

Показатели	Годы							
	2006	2008	2009	2010	2013	2014	2015	2015 к 2006,%
Стоимость основных средств, млн руб.	70	86	91	99	152	200	230	328,6
Число действующих магазинов, ед.	245	243	243	243	227	221	228	93,1
К общему количеству, %	82	81	81	81	81	89	91,2	–
Специализированные магазины, ед.	12	13	13	13	15	14	12	100,0
Доля магазинов самообслуживания к числу действующих, %	6,5	8,2	8,2	8,2	17,7	24,6	27,2	–
Количество торговых баз	2	2	2	2	1	1	1	50,0
Количество складов	21	26	33	32	31	21	23	109,5
Количество предприятий общественного питания	29	28	26	26	28	27	24	82,8
Магазины – приёмозаготовительные пункты	120	125	136	136	136	122	128	106,7
Специализированные приёмозаготовительные пункты	11	12	12	9	4	4	5	45,5
Количество цехов	50	40	34	34	91	87	81	162,0
Молоковозы	4	4	4	3	–	–	–	–
Пункты по приёму молока	28	28	28	25	–	1	–	–

Источник: Основные показатели социально-экономической деятельности потребительской кооперации России. – М.: Центросоюз потребителей РФ, 2007–2015.

93,3%, в 2015 г. – 64,7%. Величина собственных средств формируется в основном из прибыли, поскольку доля амортизационных отчислений по отношению к стоимости основных средств составляет всего 2,9%, что не обеспечивает даже простого возмещения их выбытия.

В качестве заёмных источников используются заёмные средства коммерческих банков и населения. Специфика формирования основных средств в основном за счёт собственных ресурсов вследствие их ограниченности снижает возможности расширенного воспроизводства в системе потребительской кооперации. Продемонстрируем это на примере оценки инвестиционной деятельности СПО РК (см. табл. 22).

Из данных табл. 22 видно, что за период с 2000 по 2009 г. более быстрыми темпами росли объёмы инвестиций в строительство объектов розничной торговли. Так, в 2009 г. доля инвестиций в эту отрасль составила 85,7%. Сравнение показателей использования

Т а б л и ц а 22

*Показатели инвестиционной деятельности по СПО РК
в 2000–2015 гг., %*

Показатели	Годы								
	2000	2003	2005	2006	2007	2008	2009	2012	2015
Инвестиции в основной капитал, в том числе:	100	100	100	100	100	100	100	100	100
в объекты торговли, общественного питания и промышленности	97,3	97,5	96,1	98,8	98,8	99	99	77	87,1
Строительство	3,9	3,5	21,3	12,0	19,9	20	21	22,1	12,7
Модернизация и реконструкция	7,8	9,4	23,8	10,2	10,2	9,5	10,5	19,7	28,7
Приобретение основных средств	88,3	87,1	54,9	77,8	69,9	70,5	68,5	58,2	58,6

Источник: Основные показатели социально-экономической деятельности потребительской кооперации Республики Коми. – Сыктывкар: Союз потребобществ РК, 2007–2015.

инвестиций в 2015 г. по сравнению с 2000 г. свидетельствует об активизации инвестиционной деятельности в потребительской кооперации Республики Коми. Доля инвестиций, направленных на модернизацию и реконструкцию, возросла в 3,7 раза, на новое строительство – в 3,2 раза, с соответствующим снижением доли средств, вкладываемых в приобретение основных средств.

Оценка воспроизводственной структуры инвестиций свидетельствует, что наибольшая их доля – 69,9% – направляется на приобретение основных средств, 19,2% – вкладывается в строительство объектов, 10,2% – в модернизацию и реконструкцию. Незначительной является доля инвестиций в развитие бытового обслуживания.

Технологическая структура инвестиций и источники их формирования в организациях потребительской кооперации Республики Коми приведены в *табл. 23*. По результатам анализа показателей данной таблицы видно, что большая доля инвестиций в организациях потребительской кооперации (более 60%) вкладывается в приобретение оборудования, что связано с преобладанием торговой деятельности в совокупном её объёме.

Т а б л и ц а 23

*Технологическая структура инвестиций
и источники их финансирования по СПО РК в 2000–2015 гг., %*

Показатели	Годы								
	2000	2002	2004	2005	2006	2007	2009	2012	2015
Инвестиции в основной капитал – всего, в том числе:	100	100	100	100	100	100	100	100	100
строительно-монтажные работы	43,5	40,2	37,2	34,7	31,7	29,9	31,5	41,8	22
машины и оборудование	44,9	52,3	55,8	58,8	63,1	61,5	63	38,0	60,8
прочие капитальные работы и затраты	11,6	7,5	7,0	6,5	5,2	8,6	5,5	20,2	17,2

Источники финансирования, в том числе:	100	100	100	100	100	100	100	100	100
собственные средства	93,3	94,5	96,2	98,8	99,6	97,0	97,5	58,6	64,7
привлечённые средства	6,7	5,5	3,8	1,2	0,4	3	–	41,4	35,3

Источник: Основные показатели социально-экономической деятельности потребительской кооперации Республики Коми. – Сыктывкар: Союз потребительств РК, 2007–2015.

Из представленных в табл. 23 данных видно, что в исследуемый период наблюдалась тенденция к снижению доли инвестиций, направляемых на строительно-монтажные работы, и возрастанию удельного веса инвестиций на приобретение машин, оборудования.

Как свидетельствуют данные табл. 23, объём инвестиций осуществляется в большей мере за счёт собственных средств, 34,7% всех капитальных вложений осуществляется хозяйственным способом. Так, в 2009 г. доля собственных средств в источниках финансирования основного капитала составляла 97,5% и по сравнению с 2000 г. возросла на 4,2 пункта. В величине собственных источников финансирования на долю амортизации приходилось 19%, прибыли – 78%, прочих привлечённых средств – 3%.

Из анализа динамики источников собственных средств следует, что в 2015 г. их доля сократилась до 64,7% в пользу привлечённых. В качестве привлечённых средств используются средства других организаций, пайщиков, населения и бюджетные средства. В составе привлечённых средств значительно возросла доля бюджетных средств. Так, если в 2012 г. она составляла всего 3,7%, то в 2014 г. – 42,1%, что свидетельствует об усилении роли органов госвласти Республики Коми в деятельности системы потребительской кооперации.

Рост в структуре источников финансирования инвестиций удельного веса собственных средств обуславливается постепенным улучшением финансового состояния потребительских обществ и дополнительными возможностями привлечения заёмных средств у населения.

В целях повышения темпов роста финансовых ресурсов в системе потребительской кооперации необходима разработка финансовой политики, направленной, прежде всего, на привлечение дополнительных собственных средств из различных источников в соответствии с потребностями развития организаций потребительской кооперации в предстоящем периоде.

Советом Центросоюза РФ в 2012 г. был утверждён ряд инновационных проектов региональных союзов, имеющих социальную, общественную значимость: по автоматизации торговых объектов на программном обеспечении, увеличению объёмов централизованных закупок через потребительское общество «Центркооп», модернизации цехов по производству продовольственной и промышленной продукции, созданию логистических центров, центров автосервиса, развитию закупок дикоросов и пушнины.

В рамках реализации инновационной стратегии организациями потребительской кооперации Республики Коми в течение 2014–2015 гг. в инновационное развитие системы, расширение зоны обслуживания, укрепление и обновление материально-технической базы было вложено более 74 млн рублей. Реализация инновационных проектов осуществлялась в 17 потребительских обществах.

В настоящее время в потребительских обществах и союзах России началось обсуждение новой Программы действий системы Центросоюза «Развитие потребительской кооперации как существенное условие обеспечения продовольственной безопасности регионов России». В этих целях организациями потребительской кооперации Республики Коми в рамках инновационной стратегии обновляется и расширяется материально-техническая база производства и заготовок. Закупки сельскохозяйственной и дикорастущей продукции от населения организациями потребительской кооперации Республики Коми осуществляются в течение всего года в 135 населённых пунктах, создано 19 производственных цехов по её переработке, работает 86 цехов по производству пищевой продукции.

Органам исполнительной власти субъектов РФ в соответствии со ст.3 Закона РФ «О потребительской кооперации (потребительских обществах и их союзах) в Российской Федерации» рекомендуется заключать соглашения о взаимовыгодном сотрудничестве с органами власти на субфедеральном и местном уровнях, которые позво-

ляют совместно решать социально-экономические проблемы сельских территорий.

В рамках целевых республиканских программ развития и поддержки малого предпринимательства организациям потребительской кооперации Республики Коми за период с 2008 по 2014 г. была оказана господдержка более чем на 70 млн руб. в виде субсидирования части процентной ставки по кредитам, возмещения транспортных расходов по доставке товаров в труднодоступные и отдалённые населённые пункты, затрат на организацию закупок картофеля и овощей от населения, расходов по организации выездного бытового обслуживания населения отдалённых сельских населённых пунктов.

Вопрос о роли потребительской кооперации в социально-экономическом развитии регионов и усилении государственной поддержки её деятельности был обсуждён на расширенном заседании Комитета Госдумы РФ по региональной политике и проблемам Севера и Дальнего Востока. На заседании комитета было предложено инициировать федеральную Государственную программу развития потребительской кооперации, Правительству РФ рекомендовано разработать дополнительный комплекс мер по налоговому стимулированию, льготному кредитованию и субсидированию её организаций.

В 2012 г. на 140-м общем отчётно-выборном Собрании представителей потребительских обществ России была разработана новая стратегия Центросоюза России, направленная на модернизацию, инновационное развитие потребкооперации, переход на новые технологии управления и организации кооперативного бизнеса. Предполагается, что разработанная стратегия в условиях жёсткой конкурентной среды обеспечит потребкооперации не только выживание, но и динамичное движение вперёд.

По решению 140-го общего Собрания представителей потребительских обществ России в целом по системе Центросоюза было утверждено 108 инновационных проектов, которые были призваны сыграть существенную роль в повышении эффективности деятельности организаций потребкооперации. За последние 2 года автоматизировано более полутора тысяч магазинов, что даёт возможность для качественных изменений торговой деятельности всей системы кооперации.

На 142-м общем отчётно-выборном Собрании представителей потребительских обществ России были подведены итоги инноваци-

онного развития системы. Приоритетными направлениями в их реализации стали автоматизация торговых объектов на программном обеспечении «1С-Рарус», объединение закупок основных групп товаров по конкурентоспособным ценам через потребительское общество «Центркооп». Из утверждённых были успешно реализованы инновационные проекты в Калининградской области (модернизация производства безалкогольных напитков), Татарстане (организация сбора, хранения, фасовки и реализация лекарственно-технического сырья). В Удмуртском потребсоюзе реализован проект автоматизации 316 торговых объектов.

Организации потребительской кооперации Республики Коми также активно включились в работу по разработке и реализации инновационных проектов, связанных с переработкой мяса и молока, производством хлебобулочных изделий, полуфабрикатов, организацией переработки дикорастущего сырья, автоматизации торговых объектов. Активная работа по автоматизации торговых объектов проводится в потребительских обществах «Корткеросское», «Спасорубское», «Гурьевка», «Югор», «Объячевском сельпо»³²³.

На 23-м общем собрании представителей потребительских обществ Республики Коми было принято решение о реализации в 2014 г. в каждом потребительском обществе не менее 1 инновационного проекта³²⁴. В 2014 г. реализовывалось 12 инновационных проектов по автоматизации торговых объектов в таких потребительских обществах, как Объячевское сельпо, «Югор», «Сысольское», «Коопторг» (Троицко-Печорск), «Гурьевка», «Печораагросервис», «Помоздинское», «Мыелдинское», «Шонди».

В Объячевском потребительском обществе начал реализовываться масштабный инвестиционный проект по открытию цеха по переработке молока в с. Объячево с объёмом инвестиций в 11,4 млн руб. с субсидированием 70% затрат за счёт средств бюджета Республи-

---

³²³ *Ильина Л.И., Гарнова М.С.* Инновационные проекты в системе потребительской кооперации // Пути повышения эффективности экономической и социальной деятельности кооперативных организаций: материалы IX заочной Международной науч.-практ. конф. (г. Краснодар, 28 ноября 2014 г.). – Краснодар, 2014.

³²⁴ Постановление XXIV общего собрания представителей потребительских обществ Республики Коми от 19.03.2015. – [Не опубл.].

ки Коми. За счёт собственных средств было реконструировано здание бывшего молокозавода, разработан бизнес-план полноформатного инвестиционного проекта, который позволил участвовать в нескольких этапах конкурсного отбора на получение государственной поддержки наряду с крупными товаропроизводителями республики и стать победителем.

В 2014 г. работа по укреплению материально-технической базы проводилась в 17 потребительских обществах, в развитие её объектов было инвестировано более 39 млн руб., что на 14 млн руб. больше, чем в 2013 году. В результате проведения полномасштабной инвестиционной деятельности было построено:

- 2 новых магазина в с. Куниб потребительского общества «Югор», в посёлке городского типа Троицко-Печорск (Троицко-Печорское потребительское общество «Коопторг»);

- здание офиса в Усть-Куломском сельпо.

Кроме того, была расширена торговая площадь магазина в Объячевском сельпо, увеличены производственные площади закусочной в с. Визинга в потребительском обществе «Югор», приобретено 4 магазина, проведён ремонт торговых объектов на 4,7 млн руб., закуплено торговое оборудование на 3 млн руб., автотранспортные средства на 12 млн руб., переведено на самообслуживание 12 магазинов.

Одним из приоритетных направлений развития экономики является импортозамещение. Роль потребительской кооперации в его реализации состоит в увеличении объёмов продукции собственного производства, обеспечении её поставок в торговые организации региона. Центросоюзом разработана Стратегия управления торговой деятельностью на основе принципов, присущих розничным торговым сетям, целью которой является получение наиболее выгодных условий от поставщиков. Потребительские союзы многих регионов уже успешно включились в эту работу.

В ближайшем будущем СПО РК предстоит перейти к объединённым закупкам, заключению договоров поставки на единых условиях по оптимальным ценам с предоставлением увеличенной отсрочки платежей, бонусов, что повысит доходность и конкурентоспособность его организаций.

В 2014 г. Коми потребсоюзом такие объединённые закупки, в которых несколько потребительских обществ выступают в качестве единого покупателя на более выгодных условиях, стали прово-

даться с кондитерской фабрикой «АККОНД» (г. Чебоксары). В них приняли участие потребительские общества «Югор», «Сыольское», «Объячевское», Усть-Куломское сельпо, «Корткеросское», «Гурьевка». С ноября 2014 г. было закуплено 3 партии товаров объёмом 10 т на сумму более 1 млн рублей.

В 2015 г. в инновационное развитие системы, расширение зоны обслуживания, укрепление и обновление материально-технической базы потребительскими обществами вложено около 35 млн руб.; реализовано 20 различных инновационных проектов в 16 потребительских обществах. Основные вложения в развитие отраслей деятельности были осуществлены потребительскими обществами «Объячевское», «Югор», «Корткеросское», «Корткерос-2», Усть-Куломское сельпо, «Спасорубское», «Сыольское», «Мыединское», «Гурьевка», Цилемское и др. В результате практически все перечисленные потребительские общества добились роста объёмов деятельности. Объячевскими потребительскими обществами в 2015 г. в развитие многоотраслевого хозяйства вложено более 9 млн рублей. В частности, в производственную отрасль, которая является приоритетной и усиливает позиции организации, было инвестировано 3,2 млн рублей. Средства были направлены на завершение работ по оснащению цеха по переработке молока, который (впервые за 95-летнюю историю потребительской кооперации республики) был запущен в сентябре 2015 года. Эффективность вложений подтверждена результатами работы отрасли: прирост объёмов выработки собственной продукции в 2015 г. составил около 3 млн руб., или 11,4%.

Получили развитие отрасли торговли и общественного питания за счёт строительства пристройки к магазину № 7 в с. Объячево и столовой в с. Ношуль. Вложения в расширение этих объектов составили 3,2 млн рублей. В Объячевских потребительских обществах были проведены ремонты и переоснащение в 6 предприятиях.

Потребительское общество «Югор», расширяя зону торгового обслуживания, обеспечивает прирост оборота розничной торговли от 12 до 20% в год, что значительно превышает средние показатели по Коми потребсоюзу. В 2015 г. объём его инвестиций в развитие сети торговли и общественного питания на территории Сыольского и Койгородского районов составил более 9,5 млн рублей. Были открыты 4 кооперативных предприятия, проведён ремонт 5 объектов на сумму 700 тыс. руб., приобретено торговое оборудование на

1,4 млн руб., оборудование для оснащения цеха по производству хлебобулочных изделий в с. Визинга на сумму 2,4 млн руб., 50% затрат на его приобретение было возмещено администрацией района, выкуплено 8 участков земли на 117 тыс. рублей³²⁵.

Усть-Куломское сельпо инвестировало в открытие магазина самообслуживания по продаже непродовольственных товаров более 2 млн руб., что позволило обеспечить реализацию промышленных товаров на сумму 80,5 млн рублей. Потребительское общество «Корткерос-2» вложило в модернизацию хлебопечения 2,4 млн руб. и увеличило объём производства более чем на 6 млн руб., или на 19%. Выработано 286 т хлеба и хлебобулочной продукции на 21 млн рублей. Рост объёмов производства был достигнут по всем видам продукции. Ассортимент вырабатываемой продукции насчитывает более 70 наименований изделий, продукция потребительского общества «Корткерос-2» пользуется большим спросом и поставляется в 60 торговых точек республики.

Рост объёмов производственной деятельности в результате инвестиций в её расширение составил в потребительских обществах «Спаспорубское» – 18%, «Шонди» – 17%. В 2015 г. в организациях системы был проведён ремонт 40 объектов более чем на 10 млн руб., обустроен водопровод в 4 магазинах, переведено на самообслуживание 7 магазинов, их общее количество на 1 января 2016 г. составило 64 единицы.

В дальнейшем инновационная деятельность СПО РК будет направлена на расширение производственной деятельности за счёт создания новых производств, модернизации и технического переоснащения действующих объектов в целях увеличения объёмов выпуска продукции и снижения её себестоимости; расширение сети предприятий общественного питания в целях увеличения доли общественного питания в совокупном объёме деятельности.

Таким образом, в ходе анализа современного состояния и оценка направлений деятельности потребительской кооперации Республики Коми в 2001–2015 гг. был выявлен ряд негативных тенденций и проблем обеспечения экономического роста в отраслях её деятельности, особенно в розничной торговле. Темпы роста оборота

---

³²⁵ Постановление XXIV общего собрания представителей потребительских обществ Республики Коми от 19.03.2015. – [Не опублик.].

розничной торговли в 2015 г. по сравнению с 2008 г. сократились с 157% до 103%. За период с 2009 по 2015 г. отмечалось уменьшение доли организаций потребительской кооперации Северо-Западного региона и Республики Коми в формировании объёма продаж территории; наблюдались негативные тенденции к сокращению темпов роста оборотов оптовой торговли, общественного питания, закупок сельскохозяйственной продукции. Недостаточные темпы воспроизводственных процессов и существенное отставание в объёмах деятельности в значительной мере обусловлено отношением Республики Коми к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям, функционирующим в зоне определённого дискомфорта.

Кооперативная политика деятельности системы потребительской кооперации Республики Коми осуществляется в рамках задач, стоящих перед системой в целом, направленных на дальнейшее развитие её хозяйственной и социальной деятельности, усиление её роли в создании производственной и социальной инфраструктуры и обеспечение приоритетов национальной продовольственной безопасности.

Сегодня в потребительских обществах и союзах России реализуется Концепция развития потребительской кооперации на 2017–2021 гг., основными задачами которой в торговой отрасли является создание общероссийских кооперативных торговых сетей, в заготовительной – развитие материально-технической базы закупок продукции животноводства и растениеводства на новой инновационной основе, в производственной – создание экономически эффективных, инвестиционно привлекательных производственных предприятий. Результатом реализации поставленных задач должно стать обеспечение существенного экономического роста объёмов и оборотов во всех отраслях деятельности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Важнейшим свойством нового качества экономического роста является снижение транзакционных издержек. Атрибутом любой реальной экономической системы общества является неравномерность в распределении информации и, соответственно, неполнота обладания ею субъектами. Ограниченность хозяйственных ресурсов и неполнота обладания информацией обуславливают необходимость поиска новых, адекватных современной экономической системе общества форм капитализации хозяйственных ресурсов. Всё большее значение при этом приобретает социальный капитал, накопленный как на уровне общества, так и на уровне экономических субъектов.

Эффективное функционирование трудовых отношений как основного фактора нового качества экономического роста невозможно без использования социального капитала. Подобно другим формам капитала, он продуктивен. Социальный капитал включает в себя множество различных составляющих, которые характеризуются двумя общими свойствами: состоят из нескольких социальных структур и облегчают определённые действия субъектов внутри структуры, будь то индивид или корпорация.

Достижение нового качества экономического роста возможно только при условии перехода к постиндустриальному технологическому укладу и сохранению высокой степени социализации экономической системы. Не трансформация отношений собственности в направлении увеличения доли частной собственности как самоцель, а становление современных трудовых отношений, основанных на последних достижениях научно-технической революции и персонифицированных в инновационной социально-классовой структуре – вот реальная основа для социально ориентированного пути развития. Как свидетельствует мировой опыт, именно научно-техническое развитие и высокая степень социального доверия (социального капитала) в обществе являются решающим фактором в процессе социально-экономических преобразований, стабилизации экономики, поступательного роста уровня и качества жизни населения.

Политическая и социальная стабильность, государственная идеология, признанная большинством населения, выступают необходимыми условиями формирования устойчивых связей между экономическими субъектами для быстрого и эффективного трансфера

знаний от организаций одного звена инновационного процесса другому, совместной работы рыночных и нерыночных структур по генерации новых знаний, а также эффективного управления распределением ресурсов в целях совершенствования структуры национальной экономики и промышленного комплекса и т.д. Именно эти условия также непосредственно влияют на критерии государственной поддержки экономики в целом и промышленного комплекса в частности.

Под воздействием современной научно-технической революции имеющиеся материально-технические и технологические ресурсы оказывают постоянно изменяющееся воздействие на промышленную политику, прежде всего за счёт изменения технологических инструментов государственной координации экономического процесса, в том числе посредством разработки долгосрочной экономической стратегии развития национального промышленного комплекса, т.к. меняется сам характер управления, широко используются автоматизированные системы, формируется инфраструктура информационного общества, изменяются системы выработки, хранения, передачи и использования информации. Это объективно изменяет формирование и реализацию промышленной политики.

Кроме того, в условиях ускорения реализации достижений науки в производстве для эффективности развития промышленного комплекса возрастает значение научно обоснованной долгосрочной экономической стратегии, включающей в себя учёт новых технологических тенденций. Причём не только на стадии их внедрения, но и в контексте проблемы их быстрого получения. Поскольку смена технологий всё более ускоряется, а получение их из-за рубежа становится всё более проблематичным, то возникает необходимость постоянного совершенствования механизмов быстрого и эффективного трансфера знания от организаций одного звена инновационного процесса другому, совместной работы рыночных и нерыночных структур по генерации новых знаний.

Нынешний этап развития мировой экономики характеризуется переходом экономически и технологически развитых государств от пятого к шестому технологическому укладу. Вместе с тем уже сегодня в рамках четвёртого и пятого технологических укладов важнейшим условием достижения и сохранения высокой конкурентоспособности национальных экономик и коммерческих организаций

является способность обеспечения непрерывности процесса создания и внедрения инноваций. Таким образом, технологическое обновление стало фактором, определяющим новое качество и устойчивость темпов экономического роста. Успешность использования инноваций непосредственно зависит от эффективности использования трансфера технологий. При этом одним из значимых факторов влияния на трансфер технологий является изменение мотивации конкретных субъектов хозяйствования, их руководителей и членов трудового коллектива, т.е. трансформация системы трудовых отношений. Высокая степень трудовой мотивации позволит сделать опережающий рывок в научном, технико-технологическом и экономическом развитии общества и обеспечить переход к новому качеству экономического роста.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Алиев, Б.Х.* Промышленная политика и экономика / Б.Х. Алиев. – М.: Экономика, 2000.
2. *Алиев, Б.Х.* Формирование и реализация промышленной политики в депрессивном регионе: дис. ... д-ра экон. наук / Б.Х. Алиев. – Махачкала, 2001.
3. *Антонова, Н.Б.* Государственное регулирование экономики: учебник / Н.Б. Антонова. – Мн.: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2002.
4. *Афанасьев, Ю.Н.* Понятие «цивилизация» во французской историографии / Ю.Н. Афанасьев // *Цивилизация и исторический процесс.* – М., 1983.
5. *Бадмаев, С.В.* Формирование модели инновационно-промышленной политики России / С.В. Бадмаев // *ЭКО.* – 2007. – № 4. – С.17–52.
6. *Байнев, В.Ф.* Интеграция вместо конкуренции / В.Ф. Байнев // *Наука и инновации.* – 2010. – № 5. – С.54–57.
7. *Байнев, В.Ф.* Факторы деиндустриализации и девальвация национальной валюты как важнейший из них / В.Ф. Байнев // *Белорусский экономический журнал.* – 2009. – № 3. – С.14–24.
8. *Барабанов, М.* Промышленная политика России / М. Барабанов // *Международная экономика и международные отношения.* – 1994. – № 1. – С.92–102.
9. *Барсегян, А.С.* Гармонизация промышленной и торговой политики Армении с учётом экономической безопасности: дис. ... канд. экон. наук / А.С. Барсегян. – Краснодар, 2010.
10. *Беккер, Г.* Выбор партнёра на брачных рынках // *THESIS.* – 1994. – Вып. 6. – С.395–396.
11. *Бенвенист, Э.* Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М., 1974.
12. *Бессонова, О.* Рыночный эксперимент в раздаточной экономике России / О. Бессонова, С.Г. Кирдина, Р. О’Салливан. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1996.
13. *Бизнес. Деловой энциклопедический словарь* / под ред. А.Г. Гавриленко. – Минск: Право и экономика, 2003.
14. *Бляхман, Л.С.* Промышленная политика – основа перехода к новой модели экономического роста / Л.С. Бляхман // *Проблемы современной экономики.* – 2013. – № 1. – С.7–17.

15. *Бодрийяр, Ж.* Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр. – 5-е изд. – М., 2014.
16. *Бодрова, Е.В.* Эволюция государственной промышленной политики в СССР и Российской Федерации / Е.В. Бодрова, М.Н. Гусарова, В.В. Калинов; под общ. ред. Е.В. Бодровой. – М., 2014.
17. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / гл. науч. ред. и сост. С.Ю. Солодовников. – Минск: МФЦП, 2002.
18. *Борисов, А.Б.* Большой экономический словарь / А.Б. Борисов. – М.: Книжный мир, 2003.
19. *Бровко, Н.А.* Развитие экономических интеграционных процессов на современном этапе: дис. ... д-ра экон. наук / Н.А. Бровко. – Бишкек, 2011.
20. *Вагаршакян, А.В.* Регулирование деятельности промышленных предприятий субъектов естественных монополий (на примере Республики Армения): дис. ... канд. экон. наук / А.В. Вагаршакян. – СПб., 2007.
21. *Ванкевич, Е.В.* Гибкость рынка труда: единство макро- и микроподходов / Е.В. Ванкевич. – Витебск: ВГТУ, 2014.
22. *Васюченко, Л.П.* Трансфер технологий как экономический ресурс / Л.П. Васюченко // Экономическая наука сегодня. – 2015. – № 3. – С.15–22.
23. *Веблен, Т.* Теория праздного класса / Т. Веблен. – М.: Прогресс, 1984.
24. *Вередюк, О.В.* Детерминанты занятости в концепции постиндустриального общества / О.В. Вередюк // Вестник СПбГУ. Серия 5. – 2010. – Вып. 4. – С.35–42.
25. *Винокуров, Е.* Инвестиции Китая в экономики стран-участниц ЕАЭС? – URL: http://www.eabr.org/ru/press_center/expert_comment/index.php?id_4=48501 (дата обращения: 11.06.2016).
26. *Воронецкий, Л.* Интеллектуальной собственностью нужно управлять / Л. Воронежский // Беларуская думка. – 2001. – № 8. – С.104–114.
27. *Выжитович, А.М.* Евразийская интеграция против импортозамещения: противоречия и возможности / А.М. Выжитович, П.А. Ершов // Россия и евразийский мир: прошлое, настоящее, будущее: материалы Международной науч.-практ. конф. (г. Новосибирск, 15 мая 2015 г.) / науч. ред. С.В. Козлова. – Новосибирск, 2015.

28. *Галкин, А.А.* Капитализм сегодня: парадоксы развития / А.А. Галкин, В.Н. Котов, Ю.А. Красин, С.М. Меньшиков; под ред. В.Н. Котова. – М.: Мысль, 1989.
29. *Герасимов, Н.В.* Экономическая система: генезис, структура, развитие / Н.В. Герасимов. – Минск: Навука і тэхніка, 1991.
30. *Гладкевич, Ю.* Взять в завтра лучшее из вчера / Ю. Гладкевич // Российская кооперация. – 2016. – № 21 (953).
31. *Глазьев, С.Ю.* О целях, проблемах и мерах государственной политики развития и интеграции: доклад (Москва, 29 января 2013 г.) / С.Ю. Глазьев. – URL: <http://www.elitat.ru/index.php?rubrika=3&st=4601&type=3&lang=1> (дата обращения: 20.12.2016).
32. Государственная антикризисная поддержка крупных и системообразующих компаний: направления, особенности и уроки российской практики / Ю.В. Симачев, Д.С. Иванов, М.Ю. Коротков, Б.В. Кузнецов, М.Г. Кузык; науч. ред. А.Д. Радыгин. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012.
33. *Готовский, А.В.* Промышленная политика в Евразийской интеграции / А.В. Готовский // Евразийская экономическая интеграция. – 2015. – № 1 (26). – С.39–65.
34. *Грасмик, К.И.* Промышленная политика государства как фактор модернизации реального сектора экономики России / К.И. Грасмик. – Омск, 2007.
35. *Гришин, И.А.* Региональная промышленная политика развития малых предприятий: дис. ... д-ра экон. наук / И.А. Гришин. – Волгоград, 2007.
36. *Гурин, А.Ю.* Интернационализация бизнеса: мировой опыт и практика российских компаний: автореф. дис. ... канд. экон. наук / А.Ю. Гурин. – М., 2009.
37. *Давильбекова, Ж.Х.* Промышленность Казахстана: опыт, проблемы, прогноз (на примере металлургии) / Ж.Х. Давильбекова. – Алматы: Гылым, 1999.
38. *Дейк, ван Т.А.* Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989.
39. Доклад о человеческом развитии 2013 // Human Development Report. – URL: http://hdr.undp.org/en/media/HDR_2013_RU.pdf (дата обращения: 01.12.2016).
40. *Дюркгейм, Э.* Социология. Её предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм. – М.: Канон, 1995.

41. *Жупарова, А.С.* Характеристика современного этапа развития промышленности Республики Казахстан / А.С. Жупарова // Научные статьи Казахстана. – URL: <http://articlekz.com/node/3786> (дата обращения: 17.10.2016).
42. *Завадников, В.* О промышленной политике Российской Федерации / В. Завадников // Общество и экономика. – 2007. – № 2–3. – С.5–39.
43. Из Концепции развития потребительской кооперации на 2017–2021 годы // Российская кооперация. – 2016. – № 37 (969).
44. *Ильина, Л.* Методология финансового обеспечения системы потребительской кооперации / Л. Ильина. – Saarbrucken: LAP LAMBERT Acadmic Publishing, 2011.
45. *Ильина, Л.И.* Инновационные проекты в системе потребительской кооперации / Л.И. Ильина, М.С. Гарнова // Пути повышения эффективности экономической и социальной деятельности кооперативных организаций: материалы IX заочной Международной науч.-практ. конф. (г. Краснодар, 28 ноября 2014 г.). – Краснодар, 2014.
46. *Ильина, Л.И.* Разработка методологии финансового обеспечения развития системы потребительской кооперации: монография / Л.И. Ильина. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 2006.
47. *Ильина, Л.И.* Совершенствование управления торговой отраслью в потребительской кооперации региона / Л.И. Ильина, Н.Н. Мухаметгалимова // Актуальные вопросы экономики и управления: сб. науч. статей по итогам Международной науч. конф. (г. Волгоград, 20–21 июня 2011 г.): в 2 ч. / под ред. И.Е. Бельских. – Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2011. – Ч.II.
48. *Ильина, М.Ю.* Единое инновационное пространство как фактор реиндустриализации экономик государств-членов ЕАЭС / М.Ю. Ильина. – URL: <http://www.webeconomy.ru/index.php?page=cat&newsid=3231&type=news> (дата обращения: 20.12.2016).
49. Инновационная экономика (управленческий и маркетинговый аспекты): монография / Д.И. Кокурин и др. – М.: Экономика, 2011.
50. *Капелюшников, Р.* Конец российской модели рынка труда? / Р. Капелюшников. – 1999–2011. – URL: <http://www.polit.ru/article/2009/04/23/kapeljushnikov> (дата обращения: 23.11.2016).

51. Кемеров, В.Е. Ключи к современности – в сдвигах к методологии / В.Е. Кемеров // Вопросы философии. – 2014. – № 2. – С.3–13.

52. Кенжебаева, М.Т. Основные подходы к определению промышленной политики / М.Т. Кенжебаева // Вестник КазНУ. – 2011. – № 1. – С.7–12.

53. Кирдина, С.Г. Институциональные матрицы и развитие России / С.Г. Кирдина. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001.

54. Киреев, А.П. Международная экономика: в 2 ч. Ч.1: Международная микроэкономика: движение товаров и факторов производства: учеб. пособие для вузов / А.П. Киреев. – М.: Международные отношения, 2005.

55. Клягин, Н.В. Происхождение цивилизации (социально-философский аспект) / Н.В. Клягин. – М.: Институт философии РАН, 1996.

56. Княгинин, В.Н. Промышленная политика России – кто оплатит издержки глобализации? / В.Н. Княгинин, П.Г. Щедровицкий // Современная национальная политика России. – М.: Академкнига, 2004. – Вып. 1. – С.106–108.

57. Кондратьев, Н.Д. Большие циклы экономической конъюнктуры / Н.Д. Кондратьев, Ю.В. Яковец, Л.И. Абалкин // Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. – М.: Экономика, 2002.

58. Концепция Государственной программы инновационного развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы. – URL: <http://www.gknt.gov.by/opencms/opencms/ru/innovation/inn2> (дата обращения: 15.10.2016).

59. Кротов, М.И. Проблемы модернизации экономики России в условиях евразийской интеграции / М.И. Кротов // Проблемы современной экономики. – 2013. – № 1. – С.18–21.

60. Круглов, В.Н. Эволюция теории инноваций в зарубежной и отечественной науке / В.Н. Круглов, С.А. Паунов // Региональная экономика: теория и практика. – 2016. – № 5. – С.4–22.

61. Кудров, В.М. Мировая экономика: учебник / В.М. Кудров. – М.: Юстицинформ, 2010.

62. Курс переходной экономики / под ред. Л.И. Абалкина. – М.: Финстатинформ, 1997.

63. *Кушнир, И.Ю.* Взаимодействие социально-экономических интересов при формировании промышленной политики: дис. ... канд. экон. наук / И.Ю. Кушнир. – М., 2003.

64. *Лебедев, С.А.* Основы парадигмы эпистемологии и философии науки / С.А. Лебедев // Вопросы философии. – 2014. – № 1. – С.72–82.

65. *Лебедева, В.К.* Экономико-теоретические аспекты деятельности / В.К. Лебедева // Экономика Украины. – 2015. – № 2 (631). – С.24–35.

66. *Лемещенко, П.С.* Экономическая наука Беларуси: путь к самоидентификации / П.С. Лемещенко, И.А. Лаврухина // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Экономика». – 2013. – Вып. 1 (19). – С.34–40.

67. *Липсиц, И.В.* Экономика: учеб. для вузов / И.В. Липсиц. – 5-е изд. – М.: Омега-Л, 2010.

68. *Львов, Д.С.* Новая промышленная политика России / Д.С. Львов // Экономическая наука современной России. – 2007. – № 3. – С.9–12.

69. *Мазуренко, О.М.* Методологические основы применения категории «истинные нормы инвестиций» для оценки социально-экономического развития регионов / О.М. Мазуренко // Социально-экономическое развитие сферы сервиса в регионе: материалы III Всероссийской науч.-практ. конф. молодых учёных и студентов (28 марта 2012 г., Сыктывкар): в 2 т. – Сыктывкар: Сыктывкарский филиал ФГБОУ ВПО «СПБГУСЭ», 2012. – Т.1.

70. *Мальшев, Ю.А.* Новая парадигма региональной промышленной политики / Ю.А. Мальшев, А.И. Камалов // Вестник Пермского университета. Серия «Экономика». – 2011. – № 1. – С.7–23.

71. *Маркаў, А.В.* Інстытут эканомікі Нацыянальнай акадэміі навук / А.В. Маркаў, П.М. Пякуцька // АДДЗ-не гуманітар. навук і мастацтваў Нац. акад. навук Беларусі: (да 75-годдзя з дня заснавання) / рэдакц. А.А. Каваленя (старш.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. навука, 2011.

72. *Марков, А.В.* Государственная инновационная политика: теоретические основы и механизм реализации / А.В. Марков. – Минск: Право и экономика, 2005.

73. *Маслоу, А.* Новые рубежи человеческой природы / А. Маслоу. – М.: Смысл, 1999.

74. *Миксюк, С.Ф.* Концептуальные и методические подходы к среднесрочному прогнозированию развития промышленного комплекса Республики Беларусь / С.Ф. Миксюк, И.Л. Телеш // Белорусский экономический журнал. – 2008. – № 1. – С.36–45.

75. *Михайлова-Станюта, И.А.* Промышленная политика страны: анализ и стратегические позиции / И.А. Михайлова-Станюта // Вестник Гродненского государственного университета им. Янки Купалы. Серия 5 «Экономика. Социология. Биология». – 2012. – № 3. – С.60–64.

76. *Михалевич, И.* Кооперативный соблазн для евразийской промышленности. – URL: http://www.neg.by/publication/2015_05_19_19654.html?print=1 (дата обращения: 20.12.2016).

77. *Моисеев, Н.Н.* Человек, среда, общество: Проблемы формализованного описания / Н.Н. Моисеев. – М.: Наука, 1982.

78. Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ. – URL: http://eabr.org/general/upload/СИП%20-%20izdania/MonitoringVzaimnihInvesticii/2015/MVI_2015_Ezhegodnyu_Doklad_rus.pdf (дата обращения: 11.06.2016).

79. *Морган, Л.Г.* Древнее общество, или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации / Л.Г. Морган. – Л., 1934.

80. *Морова, А.П.* Социальная политика в сфере трудовых отношений / А.П. Морова. – Мн.: ИСПИ, 2000.

81. *Мусакожоев, Ш.М.* Мониторинг промышленного производства / Ш.М. Мусакожоев, З.И. Кудабаяев, В.Г. Бубнов, Г.А. Тургунбаева // Экономический вестник. – 2001. – № 2. – С.71–84.

82. *Мясникова, Л.А.* Экономика постмодерна и отношения собственности / Л.А. Мясникова // Вопросы философии. – 2002. – № 7. – С.5–16.

83. *Мясникович, М.В.* В новом веке движение вперед возможно только на научной основе / М.В. Мясникович. – URL: http://www.soyuzgos.ru/2008/22/22_07_Mjasnikovich.html (дата обращения: 18.01.2017).

84. *Мясникович, М.В.* Государственное регулирование инновационной деятельности: учеб. пособие / М.В. Мясникович, Н.Б. Антонова, Л.Н. Нехорошева. – Мн.: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2005.

85. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: <http://www.belstat.gov.by> (дата обращения: 11.01.2016).

86. *Нещадин, А.* О реструктуризации российской промышленности / А. Нещадин // Проблемы теории и практики управления. – 2000. – № 4. – С.19–31.

87. *Никитенко, П.Г.* Социодинамика Беларуси, России и Украины: политико-экономический аспект / П.Г. Никитенко, С.Ю. Солодовников. – Минск: Беларус. навука, 2010.

88. Новое качество экономического роста. Эффективность экономического роста и её показатели. – URL: <http://economics-konspect.org/?content=3878> (дата обращения: 28.06.2016).

89. *Нурланова, Н.К.* Региональная парадигма устойчивого развития Казахстана: проблемы теории и практики / Н.К. Нурланова. – Алматы: Институт экономики КН МОН РК, 2010.

90. О некоторых мерах по совершенствованию государственного регулирования в области оплаты труда: указ Президента Республики Беларусь от 10.05.2011 № 181. – URL: http://www.belta.by/ru/articles/officially?cat_id=1424 (дата обращения: 22.10.2016).

91. О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации: закон РФ от 19.06.1992 № 3085-1. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_608

92. О предупреждении социального иждивенчества: декрет Президента Республики Беларусь от 02.04.2015 № 3. – URL: http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/dekret-3-ot-2-aprelja-2015-g-11135 (дата обращения: 22.10.2016).

93. О приоритетах в Кыргызской экономике. – Бишкек, 2006. – URL: <http://www.analitika.org/index.php/kyrgyzstan/kg-economics/9795-20060312110508604> (дата обращения: 16.09.2016).

94. О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь: директива Президента Республики Беларусь от 31.12.2010 № 4. – URL: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p2=1/12259> (дата обращения: 22.10.2016).

95. О результатах анализа национальных программ Беларуси, Казахстана и России в сфере промышленности. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_prom/siteassets (дата обращения: 15.07.2016).

96. Об утверждении Инструкции о порядке оформления квалификационной научной работы (диссертации) на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук, автореферата и публикаций по теме диссертации: постановление Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 28.02.2014 № 3. – URL: http://www.vak.org.by/sites/default/files/2016-04/T21402786_a733fa9b25f33689e2adbe72199f0e62.pdf (дата обращения: 22.10.2016).

97. *Ойкен, В.* Основные принципы экономической политики / В. Ойкен. – М.: Прогресс, 1995.

98. *Олейник, А.* Модель сетевого капитализма / А. Олейник // Вопросы экономики. – 2003. – № 8. – С.132–149.

99. Основные показатели социально-экономической деятельности потребительской кооперации России. – М.: Центросоюз потребительств РФ, 2007–2015.

100. *Пекутько, П.Н.* Экономическая наука Беларуси: тематическая направленность и функциональная специализация / П.Н. Пекутько // Вестник БГЭУ. – 2015. – № 1. – С.15–21.

101. *Пелих, С.А.* Концептуальные основы формирования промышленной политики в Республике Беларусь. Институциональная политика или создание «рамочных» условий хозяйствования / С.А. Пелих // Государственное регулирование экономики и повышение эффективности деятельности субъектов хозяйствования: XI Международной науч.-практ. конф. (Минск, 16–17 апреля 2015 г.): сб. науч. статей / редкол. И.И. Ганчеренок (пред.) и др. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2015. – С.267–270.

102. *Перес, К.* Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания / К. Перес. – М.: Изд-во «Дело» АНХ, 2011.

103. *Перкинс, Дж.* Исповедь экономического убийцы / Дж. Перкинс. – М.: Pretext, 2005.

104. *Подгайский, А.Л.* Взаимодействие доминирующих и периферийных укладов как составляющая социально-экономической динамики / А.Л. Подгайский // Гуманітарна-эканамічны веснік. – 2008. – № 3 (42). – С.8–13.

105. Положение о фондах потребительской кооперации Российской Федерации (утв. Постановлением 125-го общего Собрания

представителей потребобществ РФ от 14.07.2004) // Российская кооперация. – 2004. – № 9.

106. Постановление XXIV общего собрания представителей потребительских обществ Республики Коми от 19.03.2015. – [Не опублик.].

107. Постановление XXV общего собрания представителей потребительских обществ Республики Коми от 17.03.2016. – [Не опублик.].

108. *Потапова, Е.Н.* Промышленная политика и государственное регулирование экономики (Современные аспекты российской практики) / Е.Н. Потапова, С.А. Толкачев. – URL: <http://kapital-rus.ru/articles/article/184742> (дата обращения: 17.01.2017).

109. *Примаков, Е.М.* Государственная политика промышленного развития: От проблем к действиям / под ред. Е.М. Примакова, В.Л. Макарова. – М.: Наука, 2004.

110. Программа развития промышленного комплекса Республики Беларусь на период до 2020 года: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 05.07.2012 № 622. – URL: http://www.economy.gov.by/nfiles/001146_12850_Programma.pdf (дата обращения: 27.09.2016).

111. *Радаев, В.В.* К обоснованию модели поведения человека в социологии (основы «экономического империализма») / В.В. Радаев // Социологические чтения. – М., 1997. – Вып. 2.

112. *Радаев, В.В.* Рынок как объект социологического исследования / В.В. Радаев // Социологические исследования. – 1999. – № 3. – С.28–37.

113. *Радаев, В.В.* Социология рынков: к формированию нового направления / В.В. Радаев. – М.: ГУ ВШЭ, 2003.

114. Распределение населения по уровню среднедушевых располагаемых ресурсов ниже бюджета прожиточного минимума. – URL: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/uroven-zhizni-naseleniya/osnovnye-pokazateli-za-period-s-__-po-____gody_4/raspredelenie-naseleniya-po-sootnosheniyu-srednedushevyyh-raspolagaemyh-resursov-s-byudjetom-projitochnogo-minimuma (дата обращения: 23.01.2017).

115. Республика Коми в цифрах (К 60-летию законодательного органа государственной власти Республики Коми): сборник. – Сыктывкар, 1998.

116. *Рубвальтер, Д.* Промышленная политика: проблемы выработки приоритетов / Д. Рубвальтер // *Власть.* – 2007. – № 12. – С.27–37.

117. *Рукина, И.* О приоритетах промышленной политики / И. Рукина // *Экономист.* – 2003. – № 12. – С.61–64.

118. *Рыбалкин, В.А.* К методологии формирования теории экономики знаний в концепции постиндустриального общества / В.А. Рыбалкин // *Экономическая теория.* – 2016. – № 1. – С.26–38.

119. Рынки труда и возможности трудоустройства. Тенденции и проблемы в Армении, Азербайджане, Беларуси, Грузии, Молдове и Украине. – Европейский Фонд образования, 2010.

120. *Сасим, А.М.* Промышленность Беларуси в XX столетии: учеб. пособие / А.М. Сасим. – Минск: Экоперспектива, 2001.

121. *Селигмен, Б.* Основные течения современной экономической мысли / Б. Селигмен. – М.: Прогресс, 1968.

122. *Сенько, А.Н.* Обеспечение экономической безопасности промышленного комплекса Республики Беларусь на стадии его роста: дис. ... д-ра экон. наук / А.Н. Сенько. – Минск, 2008.

123. *Сергиевич, Т.В.* Некоторые предпосылки и последствия распространения нестандартной занятости в Республике Беларусь / Т.В. Сергиевич // *Актуальные проблемы науки: материалы Международной науч.-практ. конф.* – Кузнецк, 2016. – Вып. XI. – С.185–189.

124. *Сергиевич, Т.В.* Труд в неоиндустриальном обществе / Т.В. Сергиевич // *Научно-образовательный центр «Технологии товароведческой, таможенной и криминалистической экспертизы»:* сб. науч. работ / под ред. Г.Д. Дроздова. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2015. – № 6. – С.50–55.

125. *Сидорский, С.С.* Промышленное сотрудничество в ЕАЭС – мощный фактор экономического развития // *Республика.* – URL: <http://respublika.sb.by/obshchestvo-27/article/promyshlennoe-sotrudnichestvo-v-eaes-moshchnyy-faktor-ekonomicheskogo-razvitiya.html> (дата обращения: 20.12.2016).

126. *Современная западная социология: словарь.* – М.: Политиздат, 1990.

127. *Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов / под ред. Ч.С. Кирвеля.* – 2-е изд., перераб. и доп. – Гродно: ГрГУ, 2009.

128. Современный дискурс-анализ. – 2009. – Вып. 1. – Т.1. – URL: www.discourseanalysis.org (дата обращения: 27.11.2016).

129. *Солодовников, С.Ю.* Гносеологические трудности при изучении классов и классовой борьбы в постиндустриальном обществе / С.Ю. Солодовников // Социологический альманах. – 2012. – № 3. – С.74–91.

130. *Солодовников, С.Ю.* Культ Карго, Или новый объект экономической науки / С.Ю. Солодовников // Белорусская думка. – 2016. – № 1. – С.56–62.

131. *Солодовников, С.Ю.* Мозговые центры Запада / С.Ю. Солодовников, С.Л. Черныш // Наш современник. – 2008. – № 12. – С.233–237.

132. *Солодовников, С.Ю.* Новая парадигма инновационного развития белорусской экономики и подходы к её формированию / С.Ю. Солодовников // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D «Экономические и юридические науки». – 2011. – № 14 – С.2–8.

133. *Солодовников, С.Ю.* Политико-экономическое исследование сущности социального капитала / С.Ю. Солодовников // Экономика и банки. – 2012. – № 1. – С.14–20.

134. *Солодовников, С.Ю.* Понятие промышленной политики / С.Ю. Солодовников, М.С. Белявская // Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы: сб. трудов IX Международной науч.-практ. конф. – Пинск: Полесский государственный университет, 2015. – С.11–12.

135. *Солодовников, С.Ю.* Современная социоэкологическая динамика Республики Беларусь в контексте экономической безопасности / С.Ю. Солодовников и др. – Минск: Беларус. навука, 2009.

136. *Солодовников, С.Ю.* Социально-экономические условия перехода Республики Беларусь к постиндустриальному обществу / С.Ю. Солодовников // Известия Самарского научного центра РАН. – 2007. – Т.9. – № 2. – С.443–448.

137. *Солодовников, С.Ю.* Социальный капитал как фактор экономического роста / С.Ю. Солодовников // Экономика и банки. – 2015. – № 1. – С.32–41.

138. *Солодовников, С.Ю.* Социальный капитал как экономический ресурс / С.Ю. Солодовников // Вестник Полоцкого государ-

ственного университета. Серия D «Экономические и юридические науки». – 2015. – № 6. – С.2–9.

139. *Солодовников, С.Ю.* Социальный потенциал Республики Беларусь: теория, методология, практика / С.Ю. Солодовников. – Минск: Бел. наука, 2009.

140. *Солодовников, С.Ю.* Тенденции и перспективы развития занятости и создания социально-научного сообщества в условиях модернизации транзитивной экономики: на примере Республики Беларусь / С.Ю. Солодовников // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D «Экономические и юридические науки». – 2015. – № 6. – С.2–9.

141. *Солодовников, С.Ю.* Трансформация социально-классовой структуры белорусского общества: методология, теория, практика / С.Ю. Солодовников. – Минск: Право и экономика, 2003.

142. *Солодовников, С.Ю.* Цивилизация, культура, экономическая система общества и институциональные матрицы: феноменологическая природа и взаимообусловленность / С.Ю. Солодовников // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. – Серыя 5 «Эканоміка, сацыялогія, біялогія». – 2011. – № 2. – С.10–25.

143. *Солодовников, С.Ю.* Экономическая обусловленность эволюции социально-классовой структуры общества переходного периода / С.Ю. Солодовников. – Минск: БГЭУ, 1999.

144. *Сорвилов, Б.В.* Пять десятилетий социальному рыночному хозяйству Германии: поучительные уроки прошлого и современность / Б.В. Сорвилов // Беларусский журнал международного права и международных отношений. – 1999. – № 2. – URL: <http://evolutio.info/content/view/300/50> (дата обращения: 13.12.2016).

145. *Сотников, Д.М.* Критерии выбора приоритетов государственной промышленной политики / Д.М. Сотников // Вестник МГУ. Серия «Экономика». – 2007. – № 1. – С.17–32.

146. Статистический бюллетень «Трудовые ресурсы и занятость населения Республики Беларусь в 2015 году» / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2016.

147. *Степин, В.С.* Культура / В.С. Степин // Всемирная энциклопедия: философия / гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – Минск: Харвест, Современный литератор, 2001.

148. Стратегия экспорта и продвижение научных разработок на рынок: метод. рекомендации по проведению маркетинговой

работы и продвижению разработок НАН Беларуси на внутренний и внешний рынок / под ред. С.М. Дедкова. – Минск: Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси, 2008.

149. *Стрельникова, В.В.* Промышленная политика в условиях трансформации и модернизации экономики России / В.В. Стрельникова. – Волгоград, 2005.

150. *Суварян, Ю.М.* Концепция реформирования территориального и местного самоуправления Республики Армения / Ю.М. Суварян, М.Х. Чобанян // Сборник научных статей (28 ноября – 2 декабря 2006 г.). – Ер.: РАУ, 2007. – С.54–63.

151. *Сухарев, О.С.* Индустриальная политика и развитие промышленных систем / О.С. Сухарев, Е.Н. Стрижакова // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – № 15. – С.2–21.

152. *Сытых, О.Л.* Российское общество в «полосе» глобальных перемен / О.Л. Сытых // Гуманитарный вектор. – 2014. – № 2 (38). – С.58–63.

153. *Тамбовцев, В.Л.* Институциональные изменения в российской экономике / В.Л. Тамбовцев // Общественные науки и современность. – 1999. – № 4. – С.44–53.

154. *Тамбовцев, В.Л.* Экономическая политика для российской экономики / В.Л. Тамбовцев // Общество и экономика. – 1996. – № 5. – С.3–11.

155. *Тарасова, Е.В.* Современный экономический дискурс в понятиях и терминах синергетики / Е.В. Тарасова // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Х., 2014. – Т.20. – С.325–334.

156. *Татаркин, А.И.* Промышленная политика и механизмы её реализации: системный подход / А.И. Татаркин, О.А. Романова // Экономика региона. – 2007. – № 3. – С.19–31.

157. *Татаркин, А.И.* Региональная промышленная политика: от макроэкономических условий формирования к механизмам реализации / А.И. Татаркин, О.А. Романова, Р.И. Чененова, И.В. Макарова. – М.: Экономика, 2012.

158. *Татаркин, А.И.* Экономико-технологическое развитие региональных промышленных систем: теория, методология, практика / А.И. Татаркин, О.А. Романова, А.В. Гребенкин, В.В. Акбердина; под ред. А.И. Татаркина. – М.: Наука, 2011.

159. Текущий архив КРПО. Д. Годовые статистические отчёты Коми республиканского союза (с 1997 г. – Коми РПО) за 1990–1999 гг.

160. *Телеш, И.Л.* Совершенствование прогнозирования важнейших показателей развития промышленного комплекса Республики Беларусь: дис. ... канд. экон. наук / И.Л. Телеш. – Минск, 2010.
161. *Титов, К.Э.* Региональная промышленная политика: цели, задачи, приоритеты / К.Э. Титов // Вопросы экономики. – 2007. – № 5. – С.264–266.
162. Трансфер технологий. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 23.08.2016).
163. *Тронский, И.М.* Очерки из истории латинского языка / И.М. Тронский. – М.; Л., 1953.
164. *Тургунбаева, Г.А.* Вопросы развития конкурентоспособности пищевой перерабатывающей промышленности: на примере АПК Кыргызской Республики: дис. ... канд. экон. наук / Г.А. Тургунбаева. – Бишкек, 2002.
165. *Фахрутдинова, Е.В.* Проблемы методологии в развитии и модернизации экономики / Е.В. Фахрутдинова, С.Д. Мокичев // Экономические науки. – 2015. – № 1 (122). – С.11–14.
166. *Филиппенко, Е.Н.* Промышленная политика в транзитивной экономике / Е.Н. Филиппенко // Журнал международного права и международных отношений. – 2010. – № 2. – С.22–26.
167. *Филипцов, А.М.* Отраслевая политика и экономическое развитие: проблемы теории / А.М. Филипцов. – Горки: Белорусская государственная сельскохозяйственная академия, 2006.
168. *Фридман, Т.* Плоский мир: краткая история XXI века / Т. Фридман. – М., 2007.
169. *Фридман, Ю.А.* Оценка уровня согласованности экономических интересов субъектов региональной промышленной политики / Ю.А. Фридман, Г.Н. Речко, О.А. Бияков, Ю.Ш. Блам // Регион: экономика и социология. – 2008. – № 3. – С.78–96.
170. *Халтерн, Д.* Психология критического мышления / Д. Халтерн. – 4-е междунар. изд. – СПб.: Питер, 2000.
171. *Харитончик, З.А.* В поисках сущности имён / З.А. Харитончик // Избранное: сб. науч. статей. – Минск: МГЛУ, 2015.
172. *Шульц, Т.* Ценность детей / Т. Шульц // THESIS. – 1994. – Вып. 6. – С.37–49.
173. *Эко, У.* Откровения молодого романиста / У. Эко. – М.: АСТ; Corpus, 2013.

174. Экономическая трансформация для роста: страновой экономический меморандум для Республики Беларусь // The World Bank Group. – URL: http://www-wds.worldbank.org/external/default/WDSContentServer/WDSP/IB/2012/07/06/000333038_20120706010040/Rendered/PDF/666140ESW0P1230Official0Use0Only090.pdf (дата обращения: 01.12.2016).

175. Экономическая энциклопедия / гл. ред. Л.И. Абалкин. – М.: Экономика, 1999.

176. Юрин, А. Запустили конвейер / А. Юрин // Поиск. – 2004. – № 21. – С.10–13.

177. Янченко, Е.В. Трансформации социально-трудовых отношений как источник прекариата / Е.В. Янченко // Труд и социальные отношения. – 2015. – № 2. – С.23–31.

178. *Becker, G.* Nobel Lecture: The Economic Way of Looking at Behavior / G. Becker // Journal of Political Economy. – 1993. – Vol. 101. – P.12–36.

179. *Bell, D.* The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting / D. Bell. – New York: Basic Books, 1973.

180. *Block, F.* The Role of the State in the Economy / F. Block // The Handbook of Economic Sociology / eds. by N. Smelser, R. Swedberg. – Princeton: Princeton University Press, 1994.

181. *Castells, M.* The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I: The Rise of the Network Society / M. Castells. – London and Oxford: Blackwell Publisher, 1996.

182. *Evans, P.B.* Embedded Autonomy / P.B. Evans. – Berkeley: University of California Press, 1995.

183. *Frye, T.* The Invisible Hand and the Grabbing Hand / T. Frye, A. Shleifer // American Economic Review. Papers and Proceedings. – 1997. – Vol. 87. – № 2. – P.354–358.

184. *Gabori, M.* La civilisations du Paleolithique moyen entre les Alpes et l'Oural: Esquisse historique / M. Gabori. – Budapest, 1976.

185. НТР Belarus. – URL: <http://www.park.by> (дата обращения: 24.01.2017).

186. *Machlup, F.* The Production and Distribution of Knowledge in the United States / F. Machlup. – Princeton University Press, 1962.

187. New Skills for New Jobs. Anticipating and matching labor market and skills needs. – European Commission, 2009.

188. *Shleifer, A.* The Grabbing Hand: Government Pathologies and Their Cures / A. Shleifer, R. Vishny. – Cambridge: Harvard University Press, 1998.

189. Społeczna odpowiedzialność organizacji: od odpowiedzialności do elastycznych form pracy / pod red. R. Walkowiaka, K. Krukowskiego. – Olsztyn, 2009.

190. The Global Competitiveness Report 2013–2014 // World Economic Forum. – URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2013-14.pdf (дата обращения: 01.12.2016).

191. *The Knowledge Society* / eds. by G. Bohme, N. Stehr. – Holland: Publishing Company, 1984.

192. *Veblen, T.* Theory of the Leisure class / T. Veblen. – N.-Y., 1899. – P.188.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВВП – валовой внутренний продукт.
ВРП – валовой региональный продукт.
ЕАЭС – Евразийский экономический союз.
ИКТ – информационно-компьютерные технологии.
МОТ – Международная организация труда.
ПВТ – Парк высоких технологий.
РИНЦ – Российский индекс научного цитирования.
СПО РК – Союз потребительских обществ Республики Коми.
ТНК – транснациональные корпорации.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- **В.Л. Гурский**, кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедрой экономики ЧУО «БИП – Институт правоведения».
- **Л.И. Ильина**, доктор экономических наук, профессор кафедры финансового менеджмента ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина».
- **Т.В. Кузьмицкая**, ст. преподаватель кафедры «Экономика и право» Белорусского национального технического университета.
- **Ю.В. Мелешко**, аспирант кафедры «Экономика и право» Белорусского национального технического университета.
- **Н.В. Ружанская**, кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедрой экономики и менеджмента ГОУ ВО «Коми республиканская академия государственной службы и управления».
- **Д.П. Рыбка**, кандидат философских наук, консультант Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований.
- **Т.В. Сергиевич**, аспирант кафедры «Экономика и право» Белорусского национального технического университет.
- **С.Ю. Солодовников**, доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой «Экономика и право» Белорусского национального технического университета.
- **Т.В. Солодовникова**, кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков Белорусского государственного университета.
- **А.Н. Тур**, доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой «Бизнес-администрирование» Белорусского национального технического университета.
- **О.А. Хотько**, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Экономика и право» Белорусского национального технического университета.
- **А.М. Чарина**, кандидат политических наук, доцент кафедры управления информационно-документационными и социально-политическими процессами ГОУ ВО «Коми республиканская академия государственной службы и управления».

Научное издание

СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ КАПИТАЛИЗАЦИИ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ (ХОЗЯЙСТВЕННЫХ)
РЕСУРСОВ И НОВОЕ КАЧЕСТВО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Монография

Редактор *Г.Г. Овериной*
Корректор *М.С. Жилина*
Компьютерная вёрстка *И.М. Титовой*

Подписано в печать 26.10.2017. Формат 60x84 1/16.
Бумага «Снегурочка». Гарнитура «Times». Печать – ризография.
Усл. п. л. 13,1. Заказ № 16.
Тираж 500 экз.

Адрес издательства:
Коммунистическая ул., д. 11, Сыктывкар, 167982

Отпечатано в ГОУ ВО КРАГСИУ